

Предания и легенды Урала

В легендах и исторических преданиях реальность переплетается с ярким вымыслом. Непринужденные и выразительные фольклорные рассказы

о происхождении сел и городов, об исконных занятиях уральцев — рудоискательстве, золотом промысле, о сплавной работе — доносят до нас самые разные сведения о жизни наших предков. Рассказы посвящают нас в детали и подробности их быта, знакомят с привычками и тайными верованиями, замечательными открытиями и фантастическими слухами. Обыденность и чудо соседствуют в историях о первопроходцах и старателях, богатырях и умельцах, населявших некогда наш край.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

7
12
17
20

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Предания и легенды Урала

82.3P-6/(2P36)
1771

Предания и легенды Урала

Фольклорные
рассказы

Фольклор не только отзвук прошлого,
но и громкий голос настоящего.

Ю. М. Соколов

Предания занимают середину между
историей и поэзией.

Т. Н. Грановский

Составление,
вступительное слово
и комментарии В. П. Кругляшовой
Иллюстрации Г. С. Метелева
Оформление В. И. Реутова
Редактор Е. В. Черняк

- © Кругляшова В. П.
Сост., вступ. ст. и коммент.
1991.
- © Метелев Г. С.
Иллюстрации. 1991.
- © Реутов В. И.
Оформление. 1991.

...Отношение к прошлому определяет нравственность настоящего.

В. Крупин

В памяти людей, в традициях духовной культуры живут фольклорные рассказы о прошлом — предания и легенды. Они возникли в древние времена с развитием человеческого общества и становлением языка, речи. Передавались такие рассказы устно: от человека к человеку, от старших в семье к младшим, от поколения уходящего к поколению, вступающему в самостоятельную общественную жизнь.

Фольклорные рассказы, как правило, небольшие по объему. Это естественно, ведь речь в них идет о жизни, ставшей историей. И для большей достоверности события передаются сжато, без красочных подробностей. В преданиях всегда заключена народная оценка истории, ее деятелей. При этом реальные сведения могут сочетаться с вымышленными представлениями, которые усиливают, заостряют народное понимание былого. По мнению ученого XIX в. Т. Н. Грановского, «предания занимают середину между историей и поэзией. Содержанием их служит всегда действительная быль, но рассказ, переходивший от поколения к поколению, из века в век, часто носит на себе печать сказки. Предание не заботится о верности, но в нем есть истина другого рода. В нем высказывается любовь и ненависть народа, его нравственные понятия, его взгляд на собственную старину».

Мир уральских преданий о происхождении географических названий, о труде, о борьбе за свободу складывался постепенно. В нашем регионе фольклорные рассказы бытовали издавна, но в особенности активизировались с конца XVII — начала XVIII века, когда началась постоянная разработка рудных богатств Урала и горнозаводское дело стало основным содержанием жизни уральцев. Предания удовлетворяли естественный интерес народа к истории родного края, недаром отношение к ним серьезно, как к заветам отцов и дедов, которые помогают разобраться в жизни: одни события и лица положительно оценить и этим утвердить в действительности, другие — заклеить и тем самым вынести им суровый приговор.

Легенды, как и предания, имеют свой определенный круг тем, сюжетов, героев. Своеобразие этих рассказов в том, что события и действующие лица вымышлены, фантастичны, к примеру: нечистая сила отводит от золотого клада; древние жители Урала — чудские племена — ушли в землю вместе с богатствами; в шахте живет горная матка и т. д. Реальные лица в легендах обладают необыкновенными свойствами: чувствуют жар золота сквозь землю, запросто общаются с хозяином леса — лесным и т. п. Демонологические существа очеловечены в легендах: лесной поет песни, он же своим свистом приманивает лошадей, и лошади идут за ним; горная матка, хозяйка угольной шахты (образ, идущий из XVIII в.), принимает облик штейгера или смотрителя и отчитывает шахтера, не следящего за крепью, «Ребятишек осиротить хочешь?» Чудесное в легендах как бы вырастает из реальной жизни, оно проявляет себя в привычной уральской природе, в характерных для нашего края трудовых процессах.

В преданиях и легендах прочная традиция. Сюжеты, действующие лица и даже основные оценки веками остаются неизменными, выдерживая длительную проверку временем.

Все напряженнее становится ритм жизни, и вместе с тем все острее ощущается потребность окунуться в нравственный мир наших предков, почерпнуть в прошлом знания, мудрость, обогатиться правилами и заветами, проверенными жизнью многих поколений.

В 1948 году в январские университетские каникулы отправилась я, тогда аспирантка, в свою первую поездку за фольклором. Путь держала в Пышминский район в деревню Печеркино. Песенные это места. Народ словоохотливый, приветливый. До полуночи засиживалась с песенницами. Тогда и привлекли мое внимание рассказы про старину, про старое-бывалое: кто на этом месте первым поселился, да откуда приехал, да каким делом стали заниматься первоначальники, да что тут про Ермака Тимофеевича говаривали старики...

Полюбились мне рассказы уральцев о прошлом, специально за преданиями и легендами стала ездить, теперь уже во главе студенческих групп, фольклорных экспедиций. Сотни населенных пунктов — городов, рабочих поселков, заводов, сел, деревень — объехали, тысячи людей стали нашими собеседниками-рассказчиками. Всюду записывали мы предания, легенды, рассказы-воспоминания на самые разные

темы. Но пожалуй, больше всего о горнозаводском деле и его людях — рудоискателях и горщиках, мастерах «огненной работы» и кузнецах, старателях и сплавщиках, шахтерах и железоделателях. Поведали нам о демидовских временах, о хозяевах заводов, рудников, шахт, о тяготах работы, но и о мастерстве, ловкости, смекалке уральских умельцев.

Множество рассказов воссоздали внутренний мир наших земляков с их бескомпромиссной честностью в работе, законной гордостью своим трудовым умением, с их живым, острым, при случае насмешливым умом. Постепенно развертывалась грандиозная народная летопись рабочего Урала.

Крепка народная память: старики на Чусовой до сих пор отчетливо помнят, когда образовались села и деревни, кто первым пришел, как первые избы ставили и лес для них на месте постройки валили.

Многие чусовляне рассказывали о сплавной работе: как барки строили и спускали их на воду, караван грузили; какие опасности подстерегали сплавщиков в пору вешней воды на горной реке Чусовой с ее скалами-бойцами.

В некоторых семьях хранят устные и письменные родословные о своих «корнях», о своей «родове» до четвертого, до пятого колена. В роду В. З. Мезенина из села Чусового Пригородного района родословное древо выпилено из кедра. В. В. Бачинин из села Арамашка Режевского района хранит рукопись-родословную, составленную его отцом. Он обратил наше внимание на мудрые изречения, которые отец записал в родословной в назидание потомству. Устную летопись своей семьи воспроизвел А. А. Матвеев из Черноисточинска Пригородного района. Прадед, дед, отец его были крепостными рабочими, трудились на заводе или в курене, на угле. Демидовский произвол пришлось сполна испытать.

Крепостнические порядки заводчиков Демидовых и их приспешников осуждены во многих повествованиях. Но значительно больше рассказов о протесте и борьбе за свободу, о мастерстве. Именно в этих жизненных сферах — мастерского труда и борьбы за человеческие условия жизни — проявились достоинство, энергия и сила уральского рабочего.

Об искусных углежогах, выжигавших «самолучший» — звонкий, легкий уголь, об обычае «соболя ловить» в куренях, мы слышали от нижнесалдинцев.

Рассказчики из Кушвы припомнили предания и легенды об открытии магнитного железняка на горе Благодать.

Немало бытовало фольклорных рассказов о драгоценных металлах: золоте, платине, о камнях-самоцветах и связанном с ними обогащении. От денег зависел материальный достаток, обеспеченность семьи, некоторая социальная свобода. Но в соответствии с народными социально-этическими нормами всегда ценилась упорная систематическая работа, трудолюбие в сочетании со скромностью. Поэтому «дикое счастье» старателей, «широкая жизнь» и не получили в фольклоре положительной оценки.

Помнят земляки и народных сказителей, их истории передают с любовью и уважением. И. В. Орлов из Нижней Салды так говорил о талантливом рассказчике углежоге Иване Егоровиче Зорихине: «...своими рассказами и сказами он в ночную пору во время горения кучонка¹ удерживал куренных рабочих от долящего сна. Иван Егорович был неграмотный. Рассказывал он про трудовой народ, про его жизнь, про помещиков, заводчиков, вельмож. Надолго запомнились тем, кто слышал, его рассказы о пахаре, который за свою трудовую жизнь рубаху не заработал, ходил в одной сермяге, о находчивом шуте Балакиреве, о богатыре Зорьке».

Много воды утекло за сорок с лишним лет. Немало дорогих мне людей, у которых бывала-записывала, уже ушло из жизни. Но сохранились их рассказы-воспоминания, предания, легенды, а значит, человек не ушел бесследно. Эту книгу я делала с благодарной памятью о земляках-уральцах — людях творческого труда, профессионального мастерства, душевной открытости.

Как знатоков исторического прошлого, рассказчиков преданий, легенд и хороших помощников в организации собирательской работы, вспоминаю с большой благодарностью Д. Г. Медведева, Д. А. Валова и М. А. Семькину из Полевского; А. Н. Анциферова и И. В. Орлова, К. П. Исунину и А. В. Гусеву из Нижней Салды; Н. И. Юркову, Е. Т. Лещеву и Н. Ф. Мамонова — из Ревды; В. К. Раева — из Невьянска; М. И. Шляпникова и В. И. Уряшова — из Черноисточинска; Е. Ф. Ольховикову — из Висима; В. З. Мезенина — из с. Чусового; Е. В. Боташеву и М. В. Селяхину — из Нижнего Тагила; Е. И. Ключникову — из Березовского.

В. Кругляшова

¹ Кучонок — дерновая печь для получения древесного угля. (Здесь и далее примеч. сост.)

Рассказы античной древности о северных землях — Урале и Сибири относятся к тому далекому времени, когда эта местность была весьма мало известной.

По свидетельству древнегреческого историка Геродота (V век до н. э.), широко использующего мифы и легенды, ...у подошвы высоких гор живут люди от рождения плешивые, плосконосые, с продолговатыми подбородками, имеющие свой особенный язык. А что находится выше этого народа — никто не знает. Путь пресечен высокими горами, через них никто не может перейти. Плешивцы рассказывают ...будто на горах живут люди с козьими ногами, а за ними — другие, которые спят шесть месяцев в году.

Цит. по кн.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII — XVII вв. — Иркутск, 1932. — Т. I. Введение. — С. XX — XXI.

Есть основания предположить, что объектом этих сведений были уральские земли. Торговые связи античного мира с древней уральской землей выяснены. Еще греческий писатель Аристей Проконесский (VII век до н.э.) описал путь торговых караванов с юга на север — от берегов Черного моря, вдоль течения Волги и Камы, через Урал около будущего Екатеринбурга (Свердловска), дальше в восточную и южную Сибирь. Сведения античных легенд подтвер-

ждаются более поздними источниками: историки и географы начала XVI века — Минстерус в «Космографии» и Алаус Магиус в «Описании северных земель» упоминают о живущих там одноглазых и одноногих людях. Весьма любопытные сведения содержатся в рукописной русской статье XV века «О человецех незнаемых на восточной стороне и о языцех розных», в ней продолжается древняя традиция легендарных рассказов о малоизвестных народах и землях в северной части света:

...по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх — как и прочие человеци...

...а коли едят, и они крошат мясо да рыбу да кладут под колпаки или под шапку, и как почнут ясти, и они плечима движут вверх и вниз...

...живут в земле... ходят по подземелью... день да ночь со огни...

Цит. по кн.: А. Титов. Сибирь в XVII в.: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. — М., 1980. — С. 4 — 6.

Такими предстают в средневековых легендах жители Северного Урала и Зауралья. В наши дни в разных районах Уральского края еще бытуют порою эти традиционные мотивы. Легенды большей частью поддаются реалистическому толкованию. Так, сюжет об умирающих на зиму (т.е. засыпающих) людях, по объяснению Адама Олеария (XVII век), связан с тем, что зимой северные народности скрывались в юртах и сообщались ходами, вырытыми под снегом. Раскопки нового времени подтвердили это. Известный тобольский краевед Р.Г. Игнатьев в 70-х годах XIX века раскопал курган в Куртамышском районе и обнаружил особую планировку построек земледельцев эпохи бронзы: они находились в земле,

на глубине метра, и соединялись переходами туннельного типа. М. П. Алексеев справедливо объясняет мотив необыкновенного, даже чудовищного вида людей (мохнатые, волосатые) впечатлением от характерной меховой одежды северных жителей. Таким образом, в легендарных, баснословных сведениях, уходящих истоками в первое тысячелетие до новой эры, содержались правдоподобные представления. Они переплетались с фантастикой, причем последняя в то время доминировала, придавала легендарность рассказам.

Для познания удивительной далекой северной земли были привлечены и легенды, сопровождавшие культ греческого Диониса или египетского Озириса — божества умирающей и воскресающей природы. «Прикрепившись» к Уралу и Зауралью, они конкретизируются: засыпающие на полгода люди живут в области Лукоморья, на горах, за Обью. Применительно к северным землям определенно указан и период засыпания: с 27 ноября по 24 апреля. Разными, порою очень сложными путями распространялись древние легенды об Урале и его населении. Различным было и сочетание традиционного и нового в их содержании.

В самом раннем известии об Урале в русских летописях (под 1096 годом) содержится легендарный рассказ о немой меновой торговле. Он был услышан новгородским юношей, посланным новгородцем Гюрятой Роговичем в Печору к людям, которые платили дань Новгороду (с XI века и до XVI), от югры — зауральских единоплеменников вогул — манси. Таким путем рассказ попал на новгородскую землю. Сообщенный же Гюрятой князю Владимиру Мономаху вошел в его «Поучение», став достоянием «Повести временных лет».

Дивное чудо мы нашли, о котором не слыхивали раньше, а идет этому уже третий год: есть горы, упирающиеся в луку морскую, высотой как до неба, и в горах тех стоит крик великий и говор, и кто-то сечет гору, желая высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, и не понять языка их, но показывают на железо и делают знак руками, прося железа; и если кто даст им нож или секиру, они в обмен дают меха.

Здесь и далее цит. по кн.: Повесть временных лет. По Лаврентьевской летописи 1377 года. — М.; Л., 1950.

Необычный образ жизни древних поселенцев Урала — живут в земле, засыпают на полгода; живут в горах, стремятся высечься, выбраться — поражал русских людей. Князь Владимир Мономах объяснил это непонятное явление с помощью легенды античных времен о людях, «заклепанных» Александром Македонским в высокие горы в северных странах:

Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны, до моря, называемого солнечным местом, и увидел людей нечистых из племени Иафетова, и побоялся, как бы они не размножились и не осквернили землю, и загнал их в северные страны в горы высокие и по повелению божию сомкнулись за ними горы великие, только не сошлись горы на 12 локтей и воздвиглись ворота медные и покрылись сунклитом¹. Сунклит же не берет ни огонь, ни железо. Только в последние дни света выйдут эти люди из горы.

В легенде о немой меновой торговле продуктом обмена являются меха, пушнина. Эти реалии придают рассказу урало-сибирский колорит, который

¹ Сунклит — синклит — легендарный состав, предохраняющий от разрушения огнем и железом.

ощущается и в другом легендарном повествовании — о «белках молоденьких» и «оленьцах маленьких», выпадающих из тучи на землю:

Когда я пришел в Ладогу, поведали мне ладожане, что... живы еще старики, которые ходили за Югру и Самоядь и видели сами в северных странах, как спустится туча, и из той тучи выпадут белки молоденькие, будто только что родившиеся, и, выросши, расходятся по земле, а в другой раз бывает другая туча, и из нее выпадают оленьцы маленькие и, выросши, расходятся по земле. Этому у меня есть свидетель посадник Павел Ладожский, и все ладожане. Если же кто этому не верит, пусть почитает Хронограф. В царствование Прова во время дождя из тучи великой пшеница с водою многою смешанная попадала, которую собрав, засыпали в закрома большие. Так же при Аврелии серебряные крупинки упали на землю, а в Африке три камня упали громадных... В царствование... Феоста в Египте упали клещи с неба, и начали египтяне ковать оружие, а до того они палицами и камнями бились.

Новгородцы, бывая на Северном Урале и в Зауралье и уезжая оттуда с богатой пушниной, охотно рассказывали традиционную для северных народностей легенду о падающих с неба белках. Немало ходило рассказов о золотом богатстве малоизвестной земли, в которой «боги из чистого золота»:

При устье Оби в области Обдоре стоит идол Золотая баба, или Золотая старуха. Это статуя в виде старухи, которая держит в утробе сына, и уже виден там еще ребенок, ее внук.

Цит. по кн.: О человеках неизвестных на восточной стране... — С. 31.

Наряду с легендарными рассказами, пришедшими из XI — XII веков, бытовали в XV — XVI веках реалистические повествования о изобилии мягкой рухляди в одежде:

...а платье носят соболие, а товар их соболи... А носят платие соболие и рукавицы и ноговицы, а иного платиа у них нет, ни товару некоторого; а соболи ж у них черны велми и великы; шерсть жива соболи по земли ся волочит.

Цит. по кн.: А. Титов. Сибирь в XVII веке. — М., 1890. — С. 3,5.

Теперь меха дороги, а было время, они были дешевле: так, например, жители Перми и Печоры обыкновенно выплачивали за железный топор столько собольих шкурок, сколько их, связанных вместе, московские купцы могли проташить в отверстие топора, в которое вляется ручка.

Цит. по кн.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях... Изд. 2-е. — С. 267.

В народных представлениях складывался образ Уральской земли, изумительно богатой. Но достигнуть ее трудно из-за природных преград.

В рассказе югры новгородцам (XI век): ...есть горы, упирающиеся в луку морскую, высотой как до неба... Путь же к тем горам непроходим из-за пропастей, снега и леса, поэтому и не доходим до них никогда...

Цит. по кн.: Повесть временных лет. — С. 367 — 368.

Из рассказов новгородца Дмитрия Герасимова (XVI век):

До Югричей и Вогуличей надо добираться через крутые горы, которые в древности, вероятно, слыли Гипербореями...

Цит. по кн.: М. П. Алексеев. Сибирь в известиях... — С. 261 — 262.

Немецкий дипломат и путешественник С. Герберштейн, посетивший Россию в первой четверти XVI в., отмечал в своей книге (1549 г. издания):

За этой рекой (Печорой.— В. К.) простираются... высочайшие горы, вершины которых из-за непрерывных дуновений ветров совершенно лишены всякого леса и почти даже травы... Князь Московии Василий, сын Иоанна, некогда посылал через Пермию и Печору для исследования местности за этими горами и для покорения тамошних народов двух начальников из своих приближенных: Симеона Федоровича Курбского... и князя Петра Ушатого. Из них Курбский, в мою бытность в Московии, был еще в живых и на мои расспросы об этом исходе отвечал, что он потратил семнадцать дней на восхождение на гору и все-таки не мог перейти через верхушку горы, называемую на его родном языке Столп, то есть Колонна.

С. Герберштейн. Записки о Московских делах. СПб., 1908.— С. 133.

Г. Ф. Миллер — автор «Истории Сибири» (1750 г. издания) — приводит рассказ 1601 года о походе в 1501 году на Северный Урал:

А от Печоры воеводы шли до Камена две недели и тут розвелися. Воеводы князь Петр да князь Семен через Камень шелью, а Камени во облаках не видети, а коли ветрено, ино облако раздирает, а длина его от моря до моря. Будучи историком, Миллер не одобряет в подобных сведениях вымысел:

Тогдашим сочинителям таких известий за малознанием уступить должно, когда они дела либо увеличивали, либо о подлинном их состоянии прямо не ведали.

Цит. по кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. 1750. Примечание. — С. 63, 64.

Легенды и предания об уральской древности, рассказанные нашими современниками

Богатырь в пещере

Моя мать из Чердыни. Ее двенадцати лет оттуда вывезли. Она много рассказывала, а я был большой любитель слушать, и память у меня была хорошая. Там, где-то около Ныроба, есть очень большая пещера. Такая большая, что надо целый фунт свечей, чтобы ее выходить. В этой пещере, она рассказывала, сидит не то разбойник, не то богатырь. Косая сажень в плечах. Богатырь сидит возле стола, а рядом конь стоит в полном снаряжении. На полу возле богатыря палица, что ли, лежит. Кто заходит бедный человек в пещеру, выдвигай из стола ящик и бери оттуда одной рукой горсть золота, а другой — серебра. Ну, сколько в горсть-то уйдет: не больше, как рублей, поди, сто, даже если золота, а больше нельзя. Взял и ящик опять задвинь в стол. Какой такой богатырь, то ли заклянённый, то ли до времени он сидит, не знаю уж. Я думаю, что в ту пещеру и вход-то завалился, и сам богатырь с конем уже иструхли. Так вот я слышал от своей матери.

Зап. в г. Шадринске в 1940 г. от маляра и жестянщика, местного уроженца С. С. Каргаполова, 1874 г. р.

Пикерова горка

На правом берегу Колчеданки, под горой — ключ, в Колчеданку впал. На горе-то ровное место. Это и есть Пике-

рова горка, или Пикерово жилище. От него дорожка к Колчеданке вниз. На станцию когда из Колчедана идут, так потуда. Спросят когда, где ты шел, так говорят: «Через Пикерову горку» или «Через Пикера».

Пикер был татарин. Это было еще очень давно. Еще тогда Чингиз-хан проходил здесь. Пикер-то от него оторвался и стал тут жить, хозяйство завел, скота много. И теперь еще ямы видны на том месте, где он жил. А после того опять стало безлюдно, пока русские сюда не пришли. Сперва Ермак Тимофеевич пришел. Он где-то только не нашим местом шел. Это уж после него стали сюда русские приходить. Кто-то так пришел, а все больше беглые, а потом остальные стали селиться.

Пикера давно уж нет, а вот память об нем осталась. И после нас будут говорить: «Пикер», «Пикерово жилище». Так будут передавать другим поколениям.

Зап. в с. Колчедан Каменского р-на Свердловской обл. от местного уроженца колхозника И. С. Брагина, 1876 г. р. (Из собрания В. П. Бирюкова, г. Свердловск.)

Полонянки

Жил за Тоболом народ нерусский. Татары ли, киргизы ли... До сих пор сохранились еще ямы от их юрт. Набегали татары на русские селения, угоняли скот, уводили юных полонянок. Увели один раз девушку, совсем молоденькую, годиков двенадцати-тринадцати. Выросла она среди людей нерусских, родных совсем не помнит. Потом ее замуж выдали. Сын родился и стал расти.

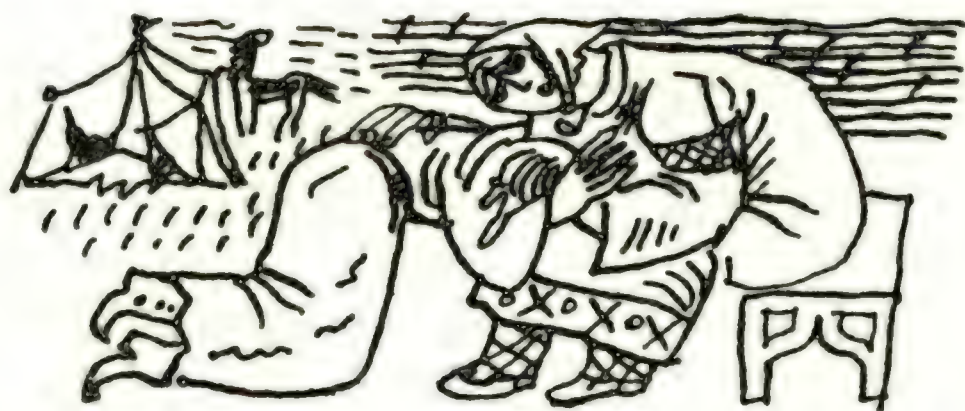
Пошла в лес собирать грибы старуха русская. Налетели на нее нерусские люди, как дикие коршуны, и увели ее в свой стан. Отдал старуху муж к мо-

лодой жене в гусятницы, да ребенка качать, да кайму плести. Увидела хозяйку пленница, очей отвести не может. Узнала старая мать свою дочь потерянную. Потерянную и оплаканную. И запела она песню жалобную:

Ты дала мне, дитятко,
Три работушки тяжелые:
Моим глазонькам
Гусей пасти,
Моим рученькам
Шелков кузов плести,
Моим ноженькам
Колыбель качать.
Баю-баюшки-баю!
Ты по матери мне —
Внучоночек,
А по батюшке —
Калмычоночек.

Услыхала эту песню хозяйка, так и вскинулась вся. Подбежала к матери, в ноги повалилась и заплакала слезами горькими:

Ты, родимая государыня,
Ты пошто мне не сказалася,
Ты зачем мне не призналася?

Зап. в г. Кургане в 1946 г. от местной уроженки Н. И. Дубровиной, 1915 г. р., слышавшей это от старушки из д. Лаптево Курганского р-на М. П. Лаптевой. (Из собрания В. П. Бирюкова, г. Свердловск.)

Предания о Ермаке широко бытуют на Урале. В более ранних рассказах Ермак изображен предводителем казачьей дружины, отправившейся в Сибирь, чтобы «заслужить себе помилование царя» за грабежи на Волге. Предания, записанные в 50—80 гг. нашего века, воссоздают известный по летописям путь Ермака Тимофеевича по уральским рекам, подробности сибирского похода, обстоятельства гибели Ермака. Часто Ермак выступает в преданиях борцом за социальное освобождение народа, и, таким образом, он встает в один ряд с «вольными людьми», оставшимися в памяти горнозаводского населения Урала. В ряде рассказов он осмыслен как уральский герой не только по месту деятельности, а и по происхождению: «Ермак родом из чусовских казаков». Время действия Ермака и его дружины не всегда совпадает с историческим временем ермаковского похода в Сибирь, в большинстве преданий деятельность Ермака перенесена в тот период, когда по Чусовой уже начался сплав барок и плотов (то есть с XVI века в XVIII, XIX века). В обрисовке социальных симпатий Ермака Тимофеевича фольклорные рассказы весьма определены: он опустошает купеческие, помещичьи, царские барки, а «рабочих он не шевелил, он шел за рабочий класс...».

В преданиях о Ермаке ярко проявляется традиция старинных народных эпических песен — былин. К примеру,

Члѣкъ,
йкътрава,
дннѣгѣ
йкъцѣтъ
сѣлнн
тѣкъ
ѡцѣтѣтъ

в гиперболизации воинского снаряжения героя и его дружины (двенадцати- или девятипудовая кольчуга Ермака, богатырские котомки его дружинников). Так же часто возникает и мотив хитрости, ловкости Ермака, нарядившего в солдатскую одежду соломенные чучела и тем обманувшего противника. Многочисленные предания о Ермаке показывают, что народ прочно держит в памяти важные события своего исторического прошлого.

Ермак Тимофеевич покорил Сибирь. Это я в Москве слышал, когда в солдатах служил. Иоанн Грозный с себя снял шубу и надел на Ермака за покорение Сибири.

Кучум, презренный царь Сибири,
Пробрался тайною тропой,
И пала грозная в боях,
Не обнажив мечей, дружина.

Погиб Ермак в боях нечаянно. Ермак на барках кашеваром был. Взрослый был проворный и умный. Это я в Москве слышал, народы говорили.

Зап. в пос. Висиме от Г. Я. Отливана,
1887 г. р.

Ермак жил в камне, пещера в нем. Он в этой пещере-то и жил. Барки с чугуном он перевертывал, топил. Не каждые он барки топил, которые и пропускал, а которые топил. У него была цепь и листвяной столб. Через Чусовую цепь перекидывал, к листвяному столбу привязывал. Этой цепью барки-то и перевернет! Это нам сплавщики рассказывали, когда я по Чусовой плавала.

Зап. в пос. Висиме от А. К. Долгих,
1894 г. р.

В старые времена здесь жили вогулы. Они жили на Утке, где сейчас могильники. Их Ермак угнал отсюда. Ермак —

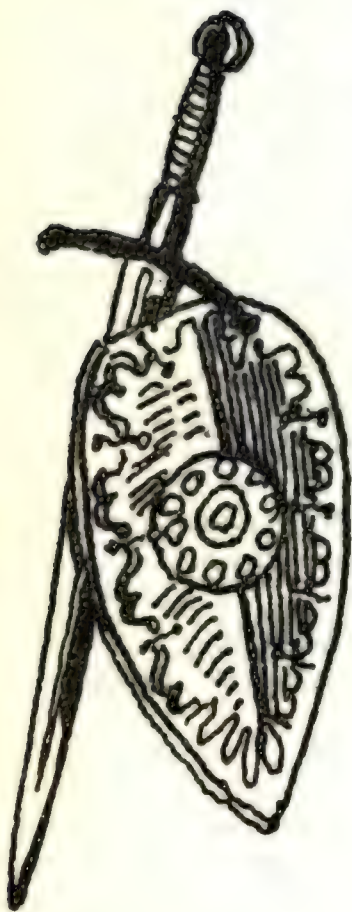
казак, он что-то позагрезил¹ в своей стороне, кого-то пограбил, ему пришлось бежать. Он видит, что ему неминуемая гибель; артель собрал да приехал в Лысьву к графу Строганову. Здесь в то время вогулы все нападали, и на графа тоже нападали. Ермак договорился с ним: «Дай снаряжение, я их угоню». Тот дал. Тогда Ермак больше пособирал казаков, вот они и пошли. Они шли по реке Чусовой, кверху поднялись, пещеру нашли, в этой пещере Ермак и скрывался. Там скричишь: «Ермак», и откликнется «Ермак».

На реке Иртыш он расположился отдыхать. А вогул он далеко угнал. Раскинули шалаши. Из своих халатов, кафтанов шалаши были. Раскинули из-за того, что поднялась буря, дождь.

Вогулы в это время и накинулись на него, на сонного. Он бросился бежать, видит, что гибель, а на нем, на груди, панцирь был. А река Иртыш дикая, вот он тут и потонул.

Казаки бежали к Ивану Грозному и доложили, что Ермак погиб в Сибири, а здесь все очищено. Тогда Иван Грозный совместно с графом Шуваловым организовали военный поход, завоевали остатки Сибири, а все-таки считается Ермак — покоритель.

Зап. в пос. Висиме от Е. Г. Катаева, 1882 г. р.

Старики говорят, что он здесь по Уралу проходил. Отец рассказывал. Дескать, пошел Ермак от Строгановых. Был он обыкновенный бурлак с Волги. Был кашеваром в артели, а потом начал заниматься вроде разбоем. Такая история. Ограбит помещика, сколько надо себе возьмет, а остальное разделит рабочим — ведь он спасался у них. Его стали притеснять. Правительство. А Строганов

¹ Позагрезить — здесь: задурить, набезобразничать.

подобрал его и направил против татар. Ушел он в Сибирь. А выдал его есаул какой-то, Кольцо. Говорят, его продали из-за сестры. Она у него красавица была и пошла с ним в Сибирь. Старики и рассказывают, что Кольцо в нее влюбился, а Ермак не разрешил. Кольцо и продал его Кучуму. Старики так толковали.

Зап. в пос. Висиме от Д. Ф. Петрова,
1902 г. р.

Был он по Чусовой, Кашки, Хорёнки проходил. Был у него в стене берлог, пещера спасательная. Там веревка висела, я ее запомнил. Она потом пала. По веревке он спускался туда и вылезал. По Чусовой он переходил Горы. На Вые был, а потом в Сибирь ушел. Был он сорок километров от Висима. Воевал против разных национальностей, против татар воевал. Разбойничал против тех, кто с ним совместно не шел. Забирал у них и питание, и все, что ему надо. Бедных не трогал. Он ведь с ними жил. Из-за татар он и погиб, когда Сибирь завоевывал, как Иван Грозный — Казань. Вызвал его раз государь и за хорошую работу дал ему кольчуг, который мог спасти его от удара. Этот кольчуг и утопил, угробил его. Прибежали раз татары и сказали, что везут барки ему с припасами и чтоб шел он встречать их. Ну он и пошел их встречать. А они наблюдали за ним. Никого он не встретил, а потом обратно поплыл. Татары сделали нападение, суматоху подняли. Он соскочил. Впоследствии у него рубка пошла, как сказывали. В Иртыше погиб. Так его тела-то татары долго боялись, бегали на труп посмотреть, когда его вынесло, думали, что он оживет. Кольчуга-то его и утопила. Я был на Иртыше, сам видел, как он вертит, крутит клубком. Вот он и погиб, грозный был человек.

Зап. в пос. Висиме от В. С. Кушнова,
1887 г. р.

царь
Иоанн
Васильевич
Грозный

По Чусовой едешь, камень Ермак стоит. Парень я еще был. Барки гоняли, лес сплавляли. Разбивались часто около него. Утесом он стоял, высоко был. В самом верху есть отверстие, вроде пещеры. Тут Ермак и скрывался, проживал, прятался. Как застигли его, он, как был в кольчуге тяжелой, бросился сверху в Чусовую. Выплыть не смог. Ермак был хороший вояка.

А теперь я не слышал, не знаю, а сплавщики рассказывают: «Подплывешь близко к утесу Ермака и кричишь: «Ермак, есть табак?» А оттуда это же отвечают.

Зап. в пос. Висиме от А. Е. Ковальчука, 1887 г. р.

Ермаку — вечная память в церкви, Стеньке Разину — проклятие¹. Отец рассказывал, Ермак хорошо воевал. Ему царь подарил соболиную шубу. Ходил он на Сибирь, потом пошел на царя.

Зап. в пос. Висиме от А. А. Новожиловой, 1885 г. р.

Камней тут много по Чусовой. Где камень Ермак, там была у Ермака Тимофеевича пещера. Он сверху спускался туда. Стрелы там находили, чайник. Ермак доходил до Кунгурского завода. По Сылве шел, дошел до Суксуна, вернулся по Сылве обратно и пошел вверх по Чусовой. Он и сделал разведку, по каким рекам пройти. Он сперва прошел по Сылве — не получилось, а пошел вверх по Чусовой. Ни от кого не слышать, чтобы он занимался грабежом, население терроризировал.

Говорят, Ермак Тимофеевич с татарами воевал. Он по Чусовой подымался, потом в Тагил ушел. Там перешеек был

¹ Имеется в виду предание анафеме врагов царского правительства, руководителей народных восстаний, провозглашавшейся в церкви.

из Тагила к реке Туре. В Тагиле он и строил барки-те. Настроил барок-то. А плыли они до этого на лодках. Татары стрел настроили, а стрелы они оковывали железом. Когда Ермак Тимофеевич пошел по Туре на барках, взял ржаные снопы, на барки наставил, одел их в солдатскую одежду и стал отпускать по реке. А с ним сто человек было — его товарные. Когда снопы-то поплыли, татары и давай стрелять по ним. Когда все лука-то выстрелили, им и стрелять нечем было. Пошел он из Туры дальше. На нем кольчуг был броневой в двенадцать пудов. Пешки¹ на нем железные, они болтались. Ихние-то стрелы его и не брали. Он четверы сутки по Иртышу плыл.

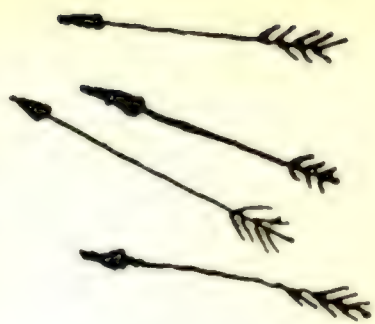
Зап. в д. Мартьяново от С. К. Ошуркова, 1872 г. р.

Ермак подобрал себе товарищей: один Иван Кольцо, другого не помню. Так это было: один пароход остановили на Каме или на Волге, всех сбросал с пароходу, а два парня ему понравились, он спросил: если будете со мной, то оставляю в живых, они пошли с ним. Дошел Ермак Тимофеевич до Иртыша. На диком берегу Иртыша писал письмо Ивану Грозному: если простишь все мои поступки, то я тебе много земли дам. Иван Грозный простил. Ермак и пошел воевать с татарами. На Иртыше остановились. Вот уснули, а татары напали. Если бы на Ермаке не было кольчуги, он бы уплыл. Кольчуга тяжелая — ни пулей, ни копьем его не достать. Караваны не обижал, не слышно, население не грабил.

Зап. в с. Усть-Утка от Ф. К. Бельникова, 1873 г. р.

Ермак родился здесь, в заводах, чуть ли не под Невьянском. Звали его Ва-

¹ Пешки — подвески на кольчуге.

сильий Тимофеевич, потом уж Ермаком называли, когда он шайку на Украине набрал. Сильный он был, хороший парень. С дочерью управляющего познакомился. Один раз в сад залез, чуть-чуть не попался. Его стали преследовать, и он на Чусовую плыть-плыть да и уплыл. На Украину ушел, шайку набрал. Здесь-то нельзя ему было жить. Через сколько-то лет приехал. У него здесь невеста Алена была. Повидался он с ней. Поехали они по Тагилу-реке, по Туре. Там хан сибирский был. Песню поют еще про это. При буре раз уснули. Стража плохая была. Кучум пробрался тайною тропой. Ермак в Иртыш бросился. Лодки-то уж все уплыли. Погиб Ермак. Панцирь его погубил, два пуда весом он был. Его и стрела не брала. Река широкая, не то что Реж, не переплыл он. А панцирь ему царь подарил. Он ведь царю пушнину отправлял, шубу соболиную послал. Тогда зверья-то много было.

Зап. в д. Ощепково Режевского р-на от А. М. Батенькова, 1888 г. р.

Ермак вообще-то далеко начал, он перешел Уральские горы. Потом по Туре прошел. Плыл по Туре со своей дружиной. У Ермака было оружие огнестрельное, а у местного населения были самострелы и луки, люди боялись его, разбегались, кто куда мог. Оглоблей крестил он. Люди были вообще неграмотные.

Зап. в д. Запольской Верхотурского р-на от Е. А. Дерябина, 1888 г. р.

Ермак проходил здесь. Якорь остался после него. Этот якорь Ермак бросил, и его нашли. Да про него все тут знают. Якорь я сам видел. Здесь было сибирское ханство. Ермак его завоевал, покорил.

Зап. в г. Верхотурье от В. Д. Мусихина, 1942 г. р.

Ермак, говорят, проходил здесь. Помню разговор, что он сначала на речку Жаровля вышел, потом перебрался на Туру. Тут-то он был, факт. С речки Жаровля получили струги. По Туре в стругах спускались. Он шел до Иртыша и погиб на Иртыше. Воевал-то он ниже, где татары заселяли. Из песни это понятно. Презренный царь Сибири пробрался тайною тропой, попал на этот лагерь. Вскочил Ермак и в воду. На нем была кольчуга, и он утонул. С вогулами он не воевал, воевал с татарами. Кучум, презренный-то царь Сибири, вот и напал на них спящих.

Зап. в г. Верхотурье от Т. И. Кордюкова, 1883 г. р.

Эта история давнишняя. Из группы Ермака выделились три человека: Рагозин, Лобанов и Дерябин. Рагозин высадился на тот берег, там и прижился. Эти двое поплыли дальше. Потом высадился Лобанов. Тут деревня Лобанова стала. А потом Дерябин высадился. Здесь и стала деревня Дерябина, и фамилия у всех одна стала — Дерябины. А там опять все Рагозины и Лобановы.

Зап. в д. Запольской Верхотурского р-на от А. Е. Дерябина, 1888 г. р.

И
Исповѣ-
даніе
на землѣ
и на
нѣбѣхъ

О сказителях из старинных уральских городов Чердыни и Соликамска

Во втором десятилетии XIX века Василий Николаевич Берх — морской путешественник, географ, историк русского флота — побывал в старинных уральских городах. В. Н. Берх сообщает: Виновником первой поездки моей в Ныробскую волость был 100-летний крестьянин Максим Денисов Пономарев. Древний чердынец сей, приходя несколько раз ходатайствовать по делам своей волости, навещал меня каждый раз и рассказами о... боярине Михаиле Никитовиче Романове, о... Девьей пещере родил во мне желание осмотреть все собственными глазами... Максим Пономарев — ходячий памятник всех ныробских происшествий... Примерный, умный и грамотный старик сей заслуживает того, чтобы оставить о нем память потомству. Находясь безотлучно при мне целые три недели, занимал он меня своими рассказами и ежели чего сам точно не знал, то находил людей, кои могли объяснить мне нужное.

Здесь и далее в этой главе цит. по кн.: В. Берх. Путешествие в Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 99, 100, 106.

Полезной собеседницей, кладезем народных сказок была для Берха жительница деревни Ветлан, что «в пяти верстах от Ныроба», Настасья Тимофеевна Девяткова. Она рассказывала В. Н. Берху сказки про Илью Муромца, про

Ивашку белую рубашку, про царя Соломона, про Данилу бессчастливого, Соловья-разбойника, про Ивана Царевича, о Перяной Кикиморе, о Пелиторском короле и дочери его Мангалете, а также предания о кладах чудаков, о Девьей горе и чудской девице.

По преданию, между жителями сего города сохранившемся (города Чердыни.— В. К.), известно, что они полагают себя выходцами Новгорода.

М. Д. Пономарев рассказывал:

...чердынцы, отправляясь на Каму или Печору, кидали в эти реки калач, приговаривая: матушка Кама или Печора, вот тебе гостинец, дай мне благополучно достигнуть до дома. И действительно возвращались здоровыми. Священники на исповеди строго спрашивали, не даривал ли реку. Запретили это делать.

Н. Т. Девяткова говорила Берху:

Я слышала, что ты добираешься до кладов; но чудаки их заговорили, не найти тебе ничего. Попадался ли тебе уголь? (Множество,— отвечал я ей.) Ну вот, это заколдованные чудские деньги. Наши ребята разрывали также многие места, но, кроме угля, ничего не находили.

От одной старой женщины Н. Т. Девяткова слышала рассказ и передала его Берху:

Чудская девица сидела в хорошие дни на вершине своего камня и сушила шелк; когда же веретено у ней

твóй ѿемь
ѿзъ, спаси
ма, ѿкъ
ѿправда-
ни твоихъ
взыскахъ.

опрастывалось, то бросала его на Бобыльский камень, в подарок тамошним девицам.

Про Девий камень и другие камни-бойцы рассказал М. Д. Пономарев:

Здесь жила дева, управляющая чудским народом. Мы... не имеем о ней обстоятельных сведений, а слышал я только от стариков, что она славилась умом и миролюбием. Торговлю вела она с чудаками, жившими в Искоре, и езжала к ним безбоязненно и одна.

На восточном берегу Колвы камень Светик — имя дано потому, что под оным находятся круглые ворота, насквозь светящиеся.

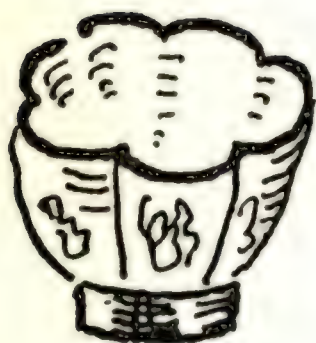
Камень-боец с пасынком название получил потому, что соляные лодьи, хаживавшие в прежние времена по Колве, нередко об оный сокрушались. Пасынок, выдавшийся в реку, покрывается большой водой. Этот камень-боец весьма опасен.

В. Н. Берх спросил М. Д. Пономарева, не знает ли он что о Пере-богатыре, о коем упоминает Лепехин¹.

Слышал я о нем, отвечал он, что у него были шелковые сети. А потом добавил: но я лучше расскажу тебе про нашего Чердынского Богатыря. В Вилгорской волости жил крестьянин Бухонин, который был вызван в Москву, забавлял шутками своими великого князя весьма много. Раз пришли на княжий двор семь немцев, которые показывали разные чудеса; но Бухонин их всех проглотил. При сем рассказывал он мне самую нелепую сказку, каким образом он это сделал. Не хотя повторять глупое волшебство Бухонина,

¹ Путешествие Лепехина. — Т. 3. — С. 196. (Примеч. в книге Берха.) Имеется в виду книга: Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 гг. V частей. СПб., 1771 — 1805.

которое по пристрастию простого народа, вероятно, увеличено, думаю, что что-нибудь подобное существовало; ибо волок, через который перетаскивали суда к реке Вычегде, именуется и поднесь Волоком Бухонина.

В. Н. Берху соликамским гражданином Акинфием Трофимовичем Ливоновым были даны отрывки летописи. Из нее видно, что город Соликамск начал существовать в половине XV века. Сочинители летописных тетрадей — Савватей Арефин, Василий Лучников, Никита Арефин. В летописи отмечается, что посадские Калинниковы поселились около 1430 года на речку Усолку (в нынешний Соликамск). Предполагают, что были они из Вологодской губернии. Предания об основании Соликамска относят его построение к середине XVI века. Источники разногласят. Капитан Николай Рычков, путешествовавший в 1769 году, был в Соликамске и Чердыни, слышал предание, что Соликамск был уже в то время, когда Иван Грозный взял Казань (1552 год. — В. К.). В «Соликамском летописце» значится: 1580. Октября 26 Сибирь взята Ермаком Тимофеевичем с дружиною 540 человек. 1595. Проведал прямую дорогу Верхусолец крестьянин Артюшка Бабинов, и стало от Соликамска до Верхотурья только 250 верст. За сию службу пожаловал царь Федор Иоаннович Бабинова грамотою безданного и безпошлинного. Золотые руды в Перми Великой начали искать в 1-й половине XVII в., в 1633 г.

В. Н. Берх приводит отрывок из Дворцовых записок царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича по поводу открытия медных руд:

Окольничий Василий Иванович Стрешнев за наход медные руды получил от государя шубу, атлас золотой на соболях да кубок...

**О начале сел,
деревень, городов на
горнозаводском Урале
Про горы, камни, скалы**

Народные представления о заселении уральских земель в основном не противоречат историческим данным. Из отдельных рассказов встает в целом правдивая картина постепенного освоения людьми богатого, но сурового Урала. В ней отмечены наиболее древние времена, связанные в памяти с аборигенами уральских земель, прозванными «чудью», и с исторической народностью вогулами — манси. Основное же внимание рассказчиков привлекает тот период, когда трудовой народ, попав на Урал, начал на предприятиях Строгановых, Демидовых и других уральских промышленников разработку природных богатств края. Прочно утвердилась традиция связывать начало сел, деревень, городов и заводов с ссыльными и беглыми, с старообрядцами-раскольниками, гонимыми за веру, с проигрышем в карты людей одним заводчиком другому и т. д. Но, переходя из поколения в поколение, бытуя среди людей, предания обрастали элементами художественного вымысла и домысла. Поэтому нельзя принимать за достоверные все утверждения народных рассказов. И тем не менее познавательное значение этих преданий трудно переоценить. Зачастую они содержат такие сведения, которые значительно дополняют официальные источники, а иногда доказательно разногласят с ними.

О первом поселении слышал от бабки. Вроде бы было оно на реке Еремке¹. С бабкой я туда несколько раз ходил. Там такой холмик, а на нем бугорки. Теперь сосны там стоят, это в устье Еремки. Был там и пруд, да высох он. А здесь, на Береговой, наверное, и хоронили. Да забыто потом все было. Здесь кирпичные сараи стояли, потом казармы солдатские, а уж затем и дома стали ставить. Вот когда покойный Ефим ямы под столбы для ворот копал, то точно наткнулся на гроб, сам видел.

Зап. от С. В. Пенягина, 1895 г. р.

Верхотурье — уж очень старый город. Строился он несколько веков. Первые постройки появились за рекой, там-то и хотели основать город, даже церковь построили, но она сгорела позже. Тогда и стали достраивать противоположный берег реки.

Зап. от Ф. А. Баталова, 1893 г. р.

В Ямской слободе была таможня. До Верхотурья везли груз на пароходах, а отсюда его перевозили ямщики в Соликамск, Вологду, Москву. Тут жили исключительно ямщики. Железная дорога проходит в стороне от города. Дорогу отнесли на шесть верст, потому что монахи запротестовали и написали письмо царю. Гудки мешали им молиться. Царь и велел отнести дорогу. До заселения русскими здесь жили вогулы. Неремка — речка с вогульским названием. Здесь был их город Нерем-Кар. Сохранились вогульские земляные валы, они и сейчас заметны.

Зап. от П. М. Зуева, 1897 г. р.

¹ Еремка — река Неромка.

О названии Салда (Нижняя и Верхняя)

Салда — мансийское название. Раньше здесь манси жили. Салда в переводе с их языка означает лыко, мочало. В реке лыко растёт. Если его вымочить, то мочало будет.

Зап. от Н. Ф. Исакова, 1916 г. р.

Здесь, в Салде, поселились первыми удмурты, и Салда — это удмуртское слово и означает в переводе на русский язык — болото или топь, не помню точно.

Зап. от Н. А. Терентьевой, 1955 г. р.

Нижняя Салда — это по-татарски яма. Вы сами посмотрите, так и стоит на ямах.

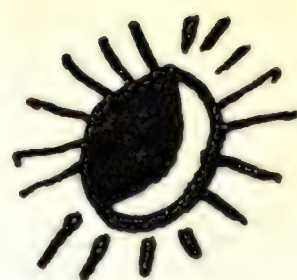
Зап. от С. П. Мохова, 1952 г. р.

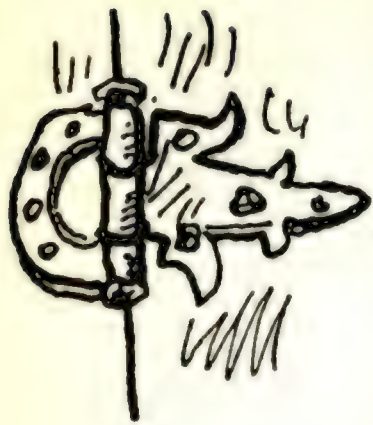
Нижняя Салда образовалась в первую очередь. Я слышал, что был какой-то кержак. Здесь было много липы. Он плел лапти и возил куда-то. А лапти плел из лыка. А лыко в переводе с мансийского, как мне кажется, и называется Салда.

Зап. от П. В. Плаксина, 1899 г. р.

О селе Акинфиеве

Это еще при крепостном праве было. Демидов Акинфий в карты играл и выиграл у дворянина, или у кого другого, при Екатерине II, село на Украине и привез всех жителей сюда, на

Урал, для работы на его заводах. И село называли Акинфиево в честь Демидова. И говор у этих жителей украинский сохранился.

Зап. в г. Н. Салда от М. В. Щукина, 1919 г. р.

О начале города Полевского

По преданию, раньше на этом месте жила чужь — нехристи, они занимались плавкой руды и вырыли рудокопные ямы. Позднее на этом месте жили башкиры. Название Гумешки непосредственно связано с именем башкира Гуманая, который открыл это место. Места ведь на Урале все гористые, а башкиры раньше все на конях ездили. И вот однажды поехали они на охоту и наткнулись на холм, сели отдохнуть. Гуманай перебирал камешки просто так, и вдруг мелькнул красивый зеленый камень, потом еще несколько штук. Он показал их своим спутникам. А потом обнаружилось, что это медная руда. И вот стали это место называть — Гуманашки, а потом уже Гумешки. Наши русские умельцы уже позднее наткнулись на эти разработки.

Это место, где сейчас стоит Полевской, было исконно башкирским местом. Когда здесь поставили заводы, башкиры пытались нападать на них, и эти нападки были довольно частыми и угрожали жизни местных жителей. Правительством были выставлены гарнизоны солдат (такие гарнизоны, как Косой Брод, Полдневая, Горный Щит). Во время внезапных нападений башкир солдаты выходили в поле по кличу: «В поле, войско!» Боевой клич перешел в название поселка. Отсюда и пошло название Полевского, русский человек не может без названия.

Зап. от В. В. Хмелинина, 1907 г. р.

Давно-давно жили здесь у нас башкиры. Два рудника медных у них было. Один за Думной горой, другой — тот, что сейчас Гумешевский. И прорыли башкиры подземный ход между этими рудниками. А русские поняли, что медь — это очень полезный и нужный металл, и решили изгнать отсюда башкиров. Был послан отряд солдат на рудники. Долго не могли солдаты башкиров выгнать. Как башкиров начнут побеждать, они и спрячутся в подземный ход. Долго здесь солдаты жили. А потом когда наконец прогнали они башки-

ров, то не захотелось им от хлеба-то уходить, это от руды-то. Ну, и остались они здесь. Съездили в город, привезли себе чернявок — это девки, которых никто замуж не брал, — обзавелись семьями. Эти люди и были первыми поселенцами города Полевского.

Зап. от С. Т. Чуркина, 1920 г. р.

Деревня Полдневая

Есть у нас Казачьи степи. Пугачев был в этих степях, там они полдничали, стояли полдня, вот деревню и называли Полдневая, так как она в этих степях расположена.

Раньше в этих местах скит старообрядческий был. От нашей деревни до скита как раз полдня идти надо. Потому еще, говорят, деревню называли Полдневая. Пугачев в наших местах полдничал и привал делал — вот все места здесь и

названы в честь Пугачева. Речка Омелевка — воду-то, когда полдничали, из нее брали. Войско-то ведь немалое было, а в Казачьих-то степях воды нет. Вот в честь Емельяна Пугачева и речку Омелевкой зовут.

Зап. от Г. Д. Говорухина, 1906 г. р.

Полдневая названа так потому, что стоит на полднях. Полдня прошло, и солнце как раз по главной улице.

Зап. от С. Ф. Попова, 1903 г. р.

О поселке Колчедан

300 лет уже Колчедану. Это речка Колчеданка — в ней был найден камень, который называется колчедан. Отсюда и название поселку пошло. Еще прадед рассказывал, что здесь Сибирский тракт проходил, ссыльные по нему шли, поэтому и знаменит стал Колчедан.

Зап. в д. Соколово Каменского р-на от С. Ф. Курицына, 1901 г. р.

Здесь была раньше разведка от Демидовского завода. Обнаружили серный колчедан. И поэтому село Колчедан называется. Давно это было, когда Демидов еще был. И из Тобольска тогда приезжал капитан, он построил на горе колчеданский острог. По преданию, ссыльные там жили. Тут было и кладбище: когда строили дорогу, выкапы-

вали черепа. На месте кладбища была построена часовня и мраморный памятник.

Зап. в д. Камышевке Каменского р-на от Невьянцева, 1901 г. р.

Об Алапаевске

Название Алапаевск произошло от имени татарина Алапая. Был тот Алапай разбойником и еще в незапамятные времена бежал от царского гнева сюда с Волги. По нему речка, на которой он поселился, стала называться Алапайха, а потом и город — Алапаевск.

Зап. от М. М. Гулислева, 1902 г. р.

Алапаевск произошел от деревни Алапайхи. А она свое название от речки получила. Ала — это по-мордовски река. А пайха — это камень такой самоцветный. Вот отсюда и название Алапайха. Так старики-то рассказывают.

Зап. от Е. К. Сафронова, 1900 г. р.

Начало села Миронова

Давно пришли три брата на Урал. Они сбежали из России. Раньше помещики были. Сказал кто неладно что помещику или нагрубил, вот и убегает. А на Урале мало народу было. Он и заселялся беглыми. А позднее проигранных сюда переводили. Деревня Шиловка вся из хохлов состоит. Их когда-то помещик заводчику проиграл и перевел на Урал. Наше село от одного брата Мирона пошло. А другой — Антон — основал деревню Антоново под Ирбитом. Сначала поселочки небольшие были, а потом разрослись.

Зап. в с. Миронове Артемовского р-на от М. П. Пиджакова, 1890 г. р.

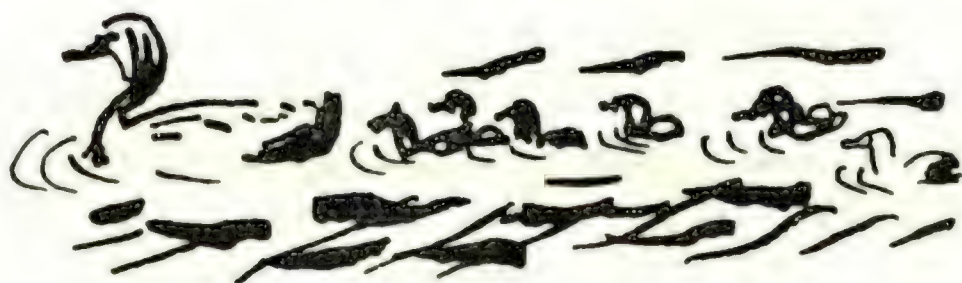
Р
РАБЪ
ТВОЙ
СЪМЪ
43Ъ

О начале Староуткинского завода

Завод заложили в 1727 году. Первыми заводскими рабочими были крепостные да кто еще из беглых каторжников. Поселок раньше называли просто Уткой. А когда Демидов построил завод, стали называть Уткой Демидова. После постройки поселка Новая Утка поселок стали называть Старой Уткой. Еще говорят, что название пошло от реки Утки, которую называли так потому, что уж больно много уток было на ней.

Зап. в пос. Староуткинске Шалинского р-на от А. П. Горбунова, 1890 г. р.

То ли проиграл в карты Демидов Строганову завод, то ли продал из-за денежных затруднений — всяко говорят. Но бумага о продаже завода есть. Строганов, так тот богатый был. Говорят, крышу своего особняка хотел позолотить, да царь не разрешил. Завод-то был демидовский. По истории — первый был Демидов Никита. Григорий был хороший сын, Акинфий и Никита — неважные были сыновья. Григорию Ревда отошла, Акинфию — Невьянск, Никите — Утка.

Зап. в пос. Староуткинске от Ф. С. Карнаухова.

О поселке Палкино

Слышал от стариков, что Палкино вперед Екатеринбурга стало. У нас раньше даже ребят крестить ездили на лодках в Уктус, мы прихода были Уктус-

ского, по двое, по трое суток ездили. Верх-Исетского завода не было, река Исеть была, а пруда не было, на его месте лес был. А вот в каком году его затопили, не знаю. У нас теперь каждое лето на горе празднуют 300 лет нашему Палкино, в июле месяце.

Зап. от А. И. Кузьмина, 1903 г. р.

Уктус и Палкино — они старше Свердловска.

Тогда еще крепостное право было. Работали — кучонок жгли. Хорошо, что кучонок удастся, а как не удастся — голод. Большинство вот работали на Верх-Исетский завод, получали за работу мукой.

Зап. от В. П. Телегина, 1897 г. р.

Иванов, Комаров, Кузьмин и Палкин — вот первые наши фамилии. Палкин — разбойник был, проходил через нашу местность на Московский тракт, тайга здесь была все.

Вот эти семьи появились. Они напостоянно поселились. Закрывали крыши так: зацепят сучком, а верх обстроят.

Зап. от С. Г. Кузьмина, 1900 г. р.

Рассказывают, что здесь жили разбойники. Здесь был глухой лес. Сюда были сосланы Кузьмины, Комаровы, Ивановы, и был во главе Кузьма Палкин. По нему и дали имя поселку, первый житель. Они победили разбойников, заняли это место. Стали заниматься рыбалкой. А потом стал строиться город Екатеринбург. Городу осенью будет 250 лет, а поселку, может быть, лет 300. Старики так говорят.

Зап. от А. М. Кузьмина, 1913 г. р.

Он разбойник был, Палкин-то. Тятя говорил. Ссылные были — Ивановы, Кузьмины, Комаровы. А родиной они все московские.

А перво-наперво все здесь было на горе. Вот здесь похоронили своего предводителя Палкина. Он, Палкин-то, холостой был (мой тятя рассказывал все). У него ни семьи, ничего не было — в честь его и назвали.

Зап. от Е. А. Кузьминой, 1901 г. р.

Поселок Висим Пригородного района

Раньше здесь — давно это было — жили разные народности. У нас еще сохранилась поговорка:

Чудь белоглазая,
Чудь белобрысая —

это так называли местных жителей пришлые люди. А татары, калмыки, мордва потом пришли.

Зап. от П. Е. Ременца, 1903 г. р.

...Чудь белоглазая? Про такую не слышал. Здесь говорили в старое время про лесных людей. Они жили возле Ивделя, держались около Уральского хребта. На реке Конде было что-то вроде их управления. Ловили уток, с медведем справлялись, оленей держали. Лесные люди, и только. Жили в берестяных балаганах. Убьют оленя, отрежут кусок. Режут, отрезают у самых губ, в кровь макают. Сырое все ели. Это было, а про чудь белоглазую не слышал.

Зап. от А. М. Огибенина, 1882 г. р.

До Демидова здесь было восемь домов. Это еще кержаки не приходили. А после того как Никон разделил церковь, сюда кержаки прибежали. Потом Демидов пришел, построил завод, плотину. С Демидовым много народу пришло. Раньше-то только на Шихане люди жили. После Демидова людей много стало, потому что завод был.

Зап. от А. Х. Вершинина, 1880 г. р.

Моя свекровь в старое время была проиграна на картах царицей какому-то помещику. Царица приехала к ним и говорит: «Отправляйтесь через реки и моря на новые земли». Они приехали сюда. Им кол воткнули: «Стройтесь, — говорят, — здесь». Так и начали бедствовать.

Зап. от Е. С. Шурьгиной, 1892 г. р.

Вот мать-то моя как сказывала. Господин проиграл хохлов. Сама-то не знаю, но мать так и сказывала. Построили им тут дома. А все над ними смеялись: дескать, клеть запрем, а ключ в сторону бросим. Не умели в домах жить. Вот, бывало, выйдут к берегу и крикнут: — Чурка-палка, подплывай на мою сторону. Скажи тятеньке наш поклон, и только поклон. Заставляют нас на кривых деревьях воду носить.

Пока дома строили, они были на постое у нас. Нынче-то вот моксуна нет, рыбы-то, а ране была. Поймают хохлы рыбу и говорят: «Тетушка, — говорят, — что нам над ним делать». А та смеется: «Да надо его мочить».

Они возьмут да на лоханку и повесят. У лоханки-то ушки. Они и повесят в лоханку моксунов на ушки.

Скотину не поили в домах. На речку гоняли. А наши научили пойло делать. И ишо. Станут мыть в избе, а они и хохочут: в своих-то домах они скоблили пол.

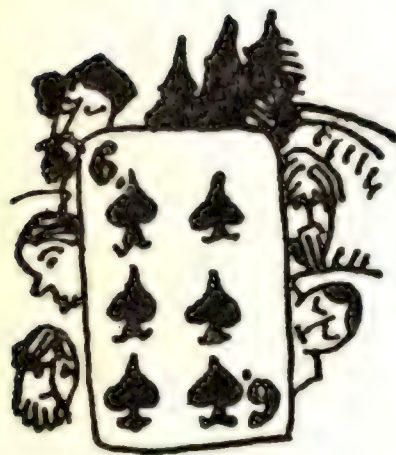
Вымоют, бывало, в избе и смеются: «Вот теперь хорошо».

Нынче хохлы и туляки обиходные шибко.

Зап. от М. В. Корляковой, 1885 г. р.

У нас в Висиме три конца: Хохлацкий, Туляцкий и Кержацкий. В Кержацком конце есть еще Гнилой конец. Назван он так потому, что первый заселялся всех раньше, а остальные позже уже

заселялись. Кержаки бежали с реки Кержанки при патриархе Никоне. Их еще иначе называют старожилами или раскольниками.

Баронская (часть поселка. — В. К.) появилась ранее завода. Тут поселялся барон, вот так и прозвали поэтому.

Зап. от Ф. Журавлева, 1884 г. р.

Когда кержаков (старообрядцев) сгоняли в церковь, чтобы переработать их в новую веру, они убежали с речки Керженки сюда и стали здесь жить. Туляки и хохлы были проиграны Демидову на шеститку виней в 1741 году. Он их и привез сюда для работы. Сначала один дом здесь был барона. Потом три стало: один вогульский в логу, второй баронский, третий — за рекой, в Гнилом конце.

Зап. от П. Т. Пепеляева, 1887 г. р.

Это не при мне было, не помню. От стариков слышал, что еще давно, может, при втором Демидове, в Висиме был большой пожар. Весь Висим сгорел, все хохлы и туляки. А у нас, значит, тоже весь конец сгорел, а несколько крайних домов остались. Огонь дошел до них и остановился. Дома старые были, гнилые, ну и остались. С той поры и зовут эту сторону Гнилым углом. Это мне еще старики говорили.

Зап. от Е. Т. Катаева, 1882 г. р. Подобное толкование записано также от М. Уткина, 1876 г. р., К. О. Рассадникова, 1891 г. р.

Гнилой конец почему? Когда-то здесь тайга была, никем не заселенная. Три реки сходились: Висим, Шайтанка и Утка. Демидов, когда строил заводы, разведку пустил и разведаль: по Шайтанке, по правому берегу, кержаки настроились. Где лес-то брали — пеньки остались. Потом они сгнили. Поэтому Гнилой конец.

Зап. от В. В. Вахромеева, 1900 г. р.

Раньше на реке Висимке был остров, на котором жил барон. Потом приехал Демидов и построил здесь плотину, а барона поселил на место, где мы сейчас живем. С тех пор наш район и стал называться Баронской стороной.

Зап. от П. Т. Пепеляева, 1890 г. р.

Течет Висим из-под горы, ручейком с камня падает, будто висит, — отсюда и слово Висим. А старики говорят, если что тонко да ненадежно: «Висим, висим да и оборвемся».

Зап. от Т. П. Зайцевой, 1879 г. р.

Какой-то жил по речке Висим. Даже могилки нашли. Келейщики жили. Холы тут были, туляки. Одни были проданы, другие — проиграны. А первого человека звали Висим, потому и название реки и поселка Висим.

Зап. от Д. Ф. Федорова, 1903 г. р.

О реке Шайтанке

Раньше-то здесь одне вогулы жили, а как пришли сюда белые люди с Ермаком Тимофеевичем, то встретили их вогулы у камня, откуда Шайтанка-то течет. Увидели их белые люди и выпалили из ружей. «Шайтан, шайтан!» — закричали вогулы (черт значит по-ихнему) и убежали. Отсюда-то и прозвалась река Шайтанкою.

Зап. от М. Е. Шинкаренко, 1889 г. р.

Шайтанка бежит от горы Шайтана, потому и называют так. Шайтан — гора высокая, крутая, пропастей много. Там змей много. Страшная гора. Поэтому Шайтаном назвали. А речка Шайтанка от этой горы бежит. Она из болота бежит, потом километра два под землей идет, совсем пропадает. А болото, с которого она начинается, называется Мохнатеньким. Там две Шайтанки. Одна — «дикая Шайтанка», быстрая, другая — наша. Они навстречу друг другу бегут.

Зап. от А. Х. Вершинина, 1878 г. р.

Река Шайтанка бежит с гор. Весной, в половодье, она бывает дикой. Вот так и прозвали Шайтанкой, то есть черт по-татарски.

Боронская сторона называется так потому, что она за рекой, откинутый поселок. Ей годов уже двести, и первыми жителями там являются Токмаковы, они вечно работали на заводе.

Зап. от Е. П. Журавлева, 1887 г. р.

О Галашках

Дед мой говаривал еще: «Зовутся Галашки так потому, что приехал сюда старовер первый с Керженца — Галактион, попросту Галаня, Галашка». Вот по его имени и прозвали Большие Галашки и Малые.

Зап. от П. С. Ковальчук, 1896 г. р.

О Межевой Утке

Речка Утка называлась. Из-под Синих гор выпадает, сорок километров отсюда. По ней все рудники были. Правая сторона — демидовская, а левая — господская¹. Так Демидов не мог ни на один вершок заработать. Межой

¹ Господская — здесь: строгановская.

Утка-то считалась. Вот и стала Утка Межевой. А Утка? Я думаю, потому, что извилистая больно, вверх-вниз, как будто ныряет, вроде утки.

Зап. от Н. А. Синицина, 1900 г. р.

Старики так говорили: «Снег тает, все ручьи в нее, много их — оттого и Межевая, а раньше уткой назывался ковш с водой». Отсюда и название Межевая Утка.

Зап. от А. В. Евстратова, 1897 г. р.

О Канаве

Канава — это небольшая станция между Нижним Тагилом и Висимом. История ее названия такова. У одного помещика, которому принадлежали эти земли, был крепостной Ушков. Это был молодой парень. Однажды он задумал жениться и стал просить у помещика вольную. Помещик обещал вольную, но с условием, если он выкопает один без чьей-либо помощи канаву для сообщения вод. Ушков копал ее два или три года и выкопал. Помещик исполнил свое обещание, и Ушков получил вольную. С тех пор канава эта называется Ушковской, а по ней и станция получила название Канава.

Зап. от П. Г. Бородина, 1895 г. р.

О названии села и речки Шурала (Шуралка)

Шурала — потому и Шурала, что она из-под горы Ежовой выбегает, по камням шуршит, шуралит, вот потому и Шурала.

Шурала — село богатое, ее раньше называли Златница.

Еще одно объяснение: жили тут нерусские люди. Их спросят, откуда они, они говорят: «Мы ш Урала (с Урала) —

так и пошло: Шурáла да Шурáла, а потом и Шуралá начали называть.

Зап. в с. Шурала Кировградского р-на от Т. Ф. Долгорукова, 1871 г. р.

О деревне Квашнино

Раньше все старались земли побольше прихватить. Вот и выехал мужик по прозвищу Квашня. Поселился здесь у речки. Деревня и стала называться Квашнино.

Зап. в д. Б. Квашнино Камышловского р-на от П. Н. Бессоновой, 1898 г. р.

Ссылный Квашнин был отправлен в Сибирь. Здесь он построился. Первый-от дом построился у речки, пятьдесят метров от дороги. Теперешние Квашнины — потомки его, родственники, хоть и не помнят его. Вот и село Квашнино.

Зап. в д. Б. Квашнино от Т. С. Бессонова, 1904 г. р.

Блудный был один, бездомный. Так ходил везде, где приютят. Земской урядник Квашней его назвал. А он здесь у нас построился. Блуждал везде, а наше место ему приглянулось. Лес был дремучий да речка. От него и село пошло — Квашнинское.

Зап. в д. М. Квашнино от М. А. Поповой, 1896 г. р.

О селе Кочнев

В Сибирь была проложена дорога, короткая и прямая. По ней-то и стали проникать переселенцы, основывали новые населенные пункты — слободы. Знаешь, чо тако слобода-то? Где тебе! От слова «свобода» образовано. Потому как жители слободы на пять лет освобождались от всяческих налогов и от всех повинностей. А те слободы, которые на проезжих путях были, еще

куш отхватывали: в них таможенные стояли. Вот в эти-то времена и образовалось село Кочнево. Его основателем простой мужик был, беглый крестьянин. Удрал он от притеснений и налогов из Ирбитского уезда, из деревни Кочневой... И видно, по старой памяти назвал поселение на реке Ляга — Кочневская слобода. А поселенцы все первые ютились на месте усадьбы братьев Степана и Терентия Капитоновичей. От них-то, первых поселенцев, и пошла фамилия Кочневы. Да, а как они появились-то тут? Когда этот беглый Кочнев место на Ляге облюбовал, то дал знать кое-кому, вот тебе и первопоселенцы. А местность эту Кочнев недаром облюбовал: не скоро их там найти можно было. Неожитый таежный край был. На север, километрах в трех, непроходимые болота были, оттуда-то и брала свое начало наша речка. Вот она, деревня-то наша, какая старая! На четвертую сотню перевалило.

Зап. от Г. Н. Кочнева, 1897 г. р.

Село наше Кочнево прозывается. А почему — тут легко догадаться. Когда первые дома ставили, кругом болота были да кочки. Вот и пошло название Кочнево, то есть все в кочках. — Да ты кого городишь-то! Вот эть важно дело — кочки! Их кругом тьма тогда была, дак чо-то только нашу деревню так назвали. Мне дедка Миша говорил, что первый дом тут каким-то Кочневым был построен. Вдвоем с бабой своей они его по бревнышку скатали. Сейчас уж его нету, развалился. Наверное, лет триста эть минуло, а название осталось, по сей день живет — Кочнево.

Зап. от А. К. Ваюкиной, 1916 г. р. и от В. Х. Куликова 1905 г. р.

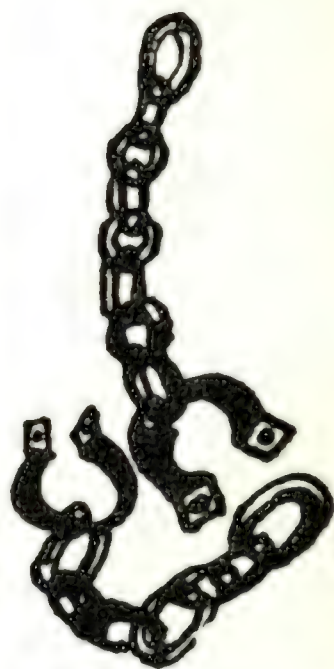
О городе Камышлове

Отчего наш Камышлов назван так, об этом я слышал такое предание. Через Камышлов проходит Сибирский тракт. Прежде около города по долине Пышмы росло много камыша. По Сибирскому тракту гнали арестантов. Они все шли спокойно до Камышлова. Как стали к нему подходить, давай разбегаться и укрываться в камышах. Конвойным приходилось ловить беглых в этих камышах, то есть получался лов в камышах. И стали с тех пор звать Камышловом, прежде-то он назывался Камышевской слободой. Если мне не изменяет память, это я слышал от Гриднева, того самого, который считается камышловским Мичуриным.

Зап. в начале 1920-х гг. в Москве от камышловского уроженца, известного популяризатора математики и физики для детей П. В. Албычева, 1887 г. р. (Из собрания В. П. Бирюкова).

Триста лет назад с небольшим место нашего города одни болота были, все камышом заросли. И пролегала скрозь них одна дороженька — в Сибирь, к белым медведям, на каторгу. И каждый день по этой самой дороге люди тащились, по сторонам и не глядели. Одна вода да камыш; кто его знает, где селенье-то было. Одно слово — глухомань, темное место. И странники тут спокойно шли отдыхали. Да нашлись, видно, люди, которым терять больше неча было: все равно погибать, так уж лучше на свободе умереть, чем под плетями чьими-то. Вот и эти люди решили бежать.

Ну, в общем, проходили когда возле болот, которые на месте теперешнего базара были, переглянулись да и врассыпную. Половина и разбежалась. Долго их потом ловили. Кто сам погиб,

в топях захлебнулся (и такие места были), кто обратно пришел, только таких слабаков мало было, ну, а остальных почти всех переловили да и в кандалы. Собрали всех и под надзором дальше погнали по этапу. Пожизненно уж теперь в кандалы да под плетки. А пока их ловили, и появились первые домики-временючки. С этого-то наш город и начался. Потом сибирский казак один крепость строить начал как перевалочный пункт для ссыльных, чтоб больше убегов не было. Вокруг этой крепости и город расстроился. А за то, что беглых ловили в камышах, и возникло название Камышлов.

Зап. от Л. М. Спиридоновой, 1903 г. р.

Острог очень нужен был. Бежали ссыльные каторжане в болото; прятались в камыши, так как запереть их некуда было. Дали разрешение. Собрал Семен Бутаков пышминских казаков, и стали они бревна возить на строительство, да не под силу это им оказалось: мало народу. Пришлось отложить постройку. Сообщил об этом Семен воеводе, а тот ему в ответ грамоту: «Ежели ты к будущему году силы нужные не наберешь да строительство острога не возобновишь, быть тебе биту кнутом крепко». Возобновил Семен Бутаков работы. Теперь и пышминские казаки, и беломестные, и крестьяне разные — все работали на строительстве. Скоро рапортовал Семен, что построен острог и Камышевская слобода. Ясно, что вместе с острогом люди и домики ставили для себя, а кое-кто и хоромы для господ. А вскоре переименовали слободу, так как рядом где-то еще появилась одна с тем же названием в верховьях Исети. Камышенску-то суть слободы оставили, а за то, что в камышах беглых каторжников ловили, еще лов прибавили. Вот и

стала она слободой Камышловской. Да опять ненадолго. Как учредили Пермскую губернию, переименовали Камышловскую слободу в уездный город Камышлов. Всего за одно столетие три переименования было!

Зап. от П. П. Кошкина, 1905 г. р.

О деревне Калиновке

Красивое название у нашей деревни — Калиновка! А получила она его оттого, что глубокой осенью огненно-каленевого цвета. Вся деревня в калиннике утопает, а ягоды у калины этой как кровью налитые. То ли за то, что калины много было, то ли за прекрасный ее каленевый цвет, но назвали наше село Калиновкой.

Зап. от З. С. Мартьяновой, 1915 г. р.

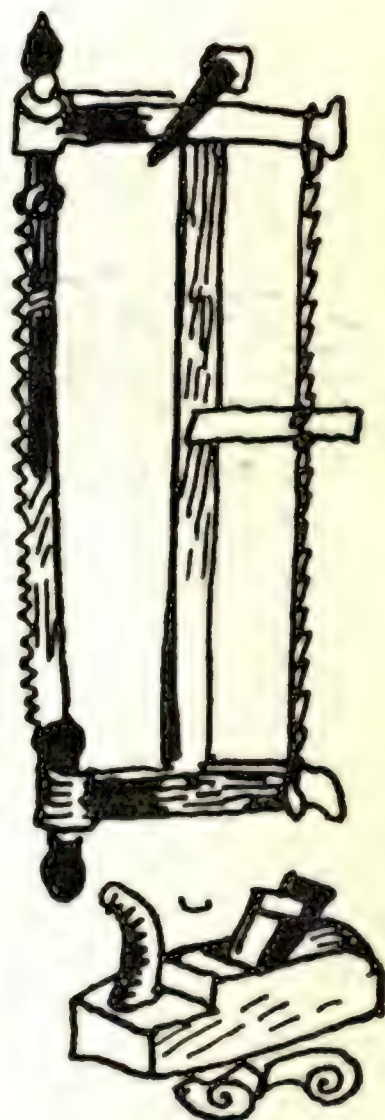
Деревня Солодилово

Здесь раньше были топи да болота. А мужики здесь начали строиться. Ехавшие и говорили им: «Зачем вы строитесь здесь? Место-то все рассолодело. Одни болота». Деревню с тех пор и зовут Солодилово.

Зап. в д. Галкино от Л. Х. Семенова, 1921 г. р.

Предание говорит так. Здесь места были болотистые: топи да болота, топи да болота. Но большак-то был. Ехали люди мимо, а здесь начинали уж строиться. Проезжие говорили: «Какая на вас напасть? Что вас присолодело¹ строиться в этих болотах?» Отсюда и пошло — Солодилово.

Зап. от А. С. Шмакова, 1888 г. р.

¹ Присолодело — приспичило.

О деревнях и селах по реке Чусовой

О деревне Галкино

Она, эта деревня, не Галкино раньше была, а Кочковатое. Одного мужичка-старичка Галкой прозвали: рот у него полный был. С него и пошло: Галка да Галка — вот и Галкино.

Зап. от А. А. Тетериной, 1905 г. р.

Об Усть-Койве

Название дано по речке — Койве. Повогульски кой — светлая, ва — вода. При первых Строгановых еще образовалась. В России тогда крепостные мужики «бузотеры» были, ну вот их и высылали сюда по решению сельской общины. Большинство крестьяне из Пензы, с Орловщины, лет 200 назад тому. Кругом рудники примитивные были, часть крестьян в горе работала. Многие из них работали только зимой, а летом в страду сенокосили, жали.

Зап. от В. Е. Волковского, 1904 г. р.

О Кумыше

Лет 300 тому назад был на месте Кумыша постоянный двор лошадей на пятьдесят — сто. Жили здесь два старика, Бугрин да Долматов, они и основали деревню. Во всем Кумыше было только две этих фамилии. Раньше ведь зимой по реке шли обозы, сверху вниз всякого рода припасы везли, поди, возов по сто обоз, на версту по реке растянется. Вот для роздыха и были на берегах Чусовой такие постоянные дворы, от государства они были.

Зап. от Ф. А. Бугрина, 1914 г. р.

О деревне Кисели

Красивое у нас место здесь. Лес, река, а весной тут черемуха расцветала, много ее было, все бело. Вот сюда и ездили из Кына служащие да учителя отдыхать, веселиться. Так прозвали Веселым Лугом. Место шибко красивое было, да и народ веселый да хороший — оттого и деревня называлась Веселый Луг. Это уж нынче почему-то Кисели называть стали.

Зап. в д. Кисели от Е. С. Старцевой, 1885 г. р.

Об Усть-Серебрянке

Наши-то из-за Камы пришли. Леснята раньше деревня называлась. Три старика сюда первыми пришли. Трое Чудиновых топором срубили три дома. А кругом лес и лес — и больше ничего. Дома-то далеко друг от друга поставили. Утром рано один встает и кричит: «Ну как, сосед, жив?»

— Живой! А ты?

— Живой!

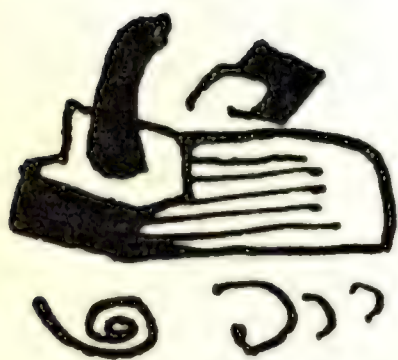
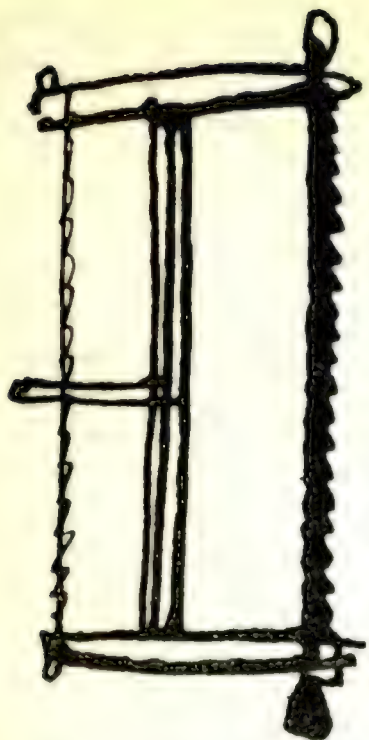
Вот так они и жили. От них-то наша деревня и пошла.

Зап. от Н. С. Чудинова, 1890 г. р.

Первыми два жителя были. Один на устье жил, а другой у фермы. Пил-то не было, так они топором себе избы рубили. Сюда от Демидова раньше бежали. Здесь и поселялись лесные люди. И назвали свой поселок Леснятами. Чудиновы первыми были. Люди, которые проплывали по реке мимо, кричали: «Вот чудо-то!» Этих людей называли «чудом», т. е. Чудиновыми. В Харенки, Екве, в Чусовом тоже много Чудиновых.

Трудно раньше люди-то жили. В Березовку на лыжах по хлеб ходили. А много ли на себе хлеба принесешь. Но рань-

ше рыбы и зверья было! Так люди пики поставят на тропки — звери и накалываются на пики.

Раньше избы в восемь вершков ставили. Когда я молодой был, всего домов пятнадцать здесь было. Первый дом и сейчас стоит. Там Пойлова Арина Федоровна живет. Он еще топором рубленный.

Зап. от П. С. Чудинова, 1872 г. р.

О деревне Харенки

Деревня наша старая, уж годов двести — двести пятьдесят будет. Леса тут кругом хорошие; в Кашке пристань была, там барки добрые строили да отправляли — вот здесь и поселился народ. Харенками они называются потому, что первый житель был Харитон, так отец сказывал. Харитон жил тут один, охотничал да рыбу ловил, а потом пришли сюда Чудиновы из Чусовских городков (верст 250 по реке от Харенок), за Чудиновыми — Пермяковы. Эти пришли из села Комасино, оно недалеко от Чусовских городков. Долматовы пришли позже всех из-за Тагила.

Так жили три семьи, и было у нас в деревне только три фамилии. Сейчас молодежь наехала, так фамилий семь стало.

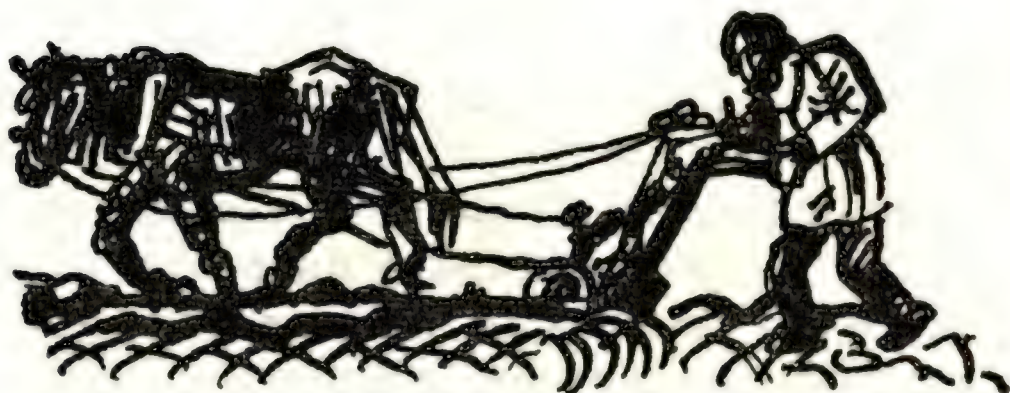
Зап. от А. Ф. Чудинова, 1885 г. р.

Тятенька-то мой помнит, еще мало здесь было людей. Говорили, что с Плеса здесь первые-то были. Плес-то ниже по Чусовой. Приехали они сюда, тайга кругом была, лес, а приехали сюда добровольно, оттого что рыбы, зверей много было, сохатых. Потом появилась рубка леса, потом плавили по реке, а вообще занимались-то хлебопашеством. Стало быть, хуже жилось им на Плесе-то. И сейчас есть деревня Плес. У нас в Харенках, у Максимыча-то, яма во

дворе, вот там вот первые-то люди были — вот и разродились. А всего трое приехало: Чудинов, мой прадед, Долматов и Пермяков.

Владения-то тут Демидовых. Строгановых и Голицыных.

Зап. от М. Ф., 1881 г. р., и М. В. Чудиновых.

О деревне Кашке

Кашка — будто бы фамилия была какого-то человека. Деды наши были привезены сюда из Алапаихи Строгановым. Раньше тут пристань была, барки делали. По 60 барок делали, книзу отправляли с железом, зерном.

Первые привезены были сюда Зырянкины, Зворыгины и Путинцевы. По Кашке они плоты гоняли, а потом в гавань выпускали на Чусовую, зарабатывали ничего. Я девяносто три раза со сплавом ездил.

Зап. от И. С. Зырянкина, 1889 г. р.

О селе Сулем

Старики были завезены, проиграны, что ли, раньше людей проигрывали. Лет полтора, наверное, Сулем стоит. Тайга была этта, был помещик Демидов, он имел работы по Чусовой, заводы строил: Старая Утка, Тагил, Черноисточинск, Невьянский. Он по этой реке металлы сплавлял, строил барки, он людей покупал, приписные они. Сперва до Камы сплавляли, потом по

Каме шли, а потом по Волге дальше и за границу уральский товар шел. Это старики рассказывали.

Зап. от В. П. Гилева, 1883 г. р.

Тут ссыльных, вероятно, не было. Сюда шли на работу, когда навигация открывалась. Беглые здесь могли быть. Наш предок Егор Гилев приехал из Старой Утки, а жену взял здешнюю. Это был наш первый родственник, он всех Гилевых наплодил. Вся деревня Гилевы. Сын у Егора был Яков Егорыч, от Якова Егорыча было пять или шесть сыновей: Акинфий Яковлевич — знаменитый сплавщик, Григорий Яковлевич уехал в Кын, и там тоже теперь много Гилевых.

Предок Егор, наверное, барки строил, работал на строительстве — это годовая работа. В Илеме была лесопилка. Зимой барки строили. Компаниями робили — полбарки или четверть барки на семью. Углежжения тогда еще не было. А потом начали уголь жечь. И были у них занятия: барки и уголь.

Зап. от А. И. Гилева, 1895 г. р.

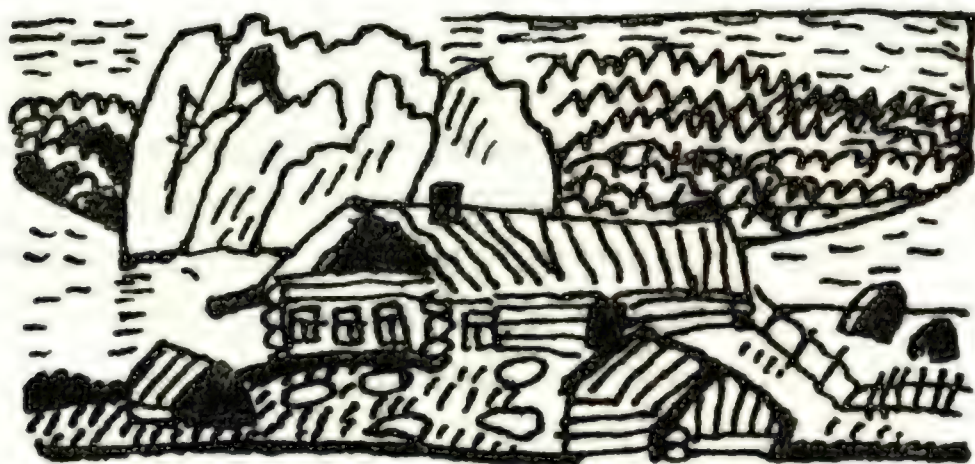
О деревне Илим

Триста лет уж слишком, пожалуй, нашей деревне. Наши прадеды первые сюда приехали, из Подмосковья, из Поволжья; переселенцы были. Бежали из тюрем. Сначала ссыльные были. Политиканами везде было насыщено. Больше все по большим речкам бежали. Сюда крепостные были закинута. Ведь для демидовских заводов много надо было.

Зап. от П. М. Попова, 1902 г. р.

Деревня Мартьянова возникла в 1617 году. (Помню, в 1917 году отец говорил, что деревне — 300 лет.) Первый дом был не на берегу реки, а несколько в стороне. Было двое — один Мезенин, другой Ошурков. Мезенин был за религию гонимый с севера, из Новгорода, а Ошурков был каторжник беглый, а за что попал на каторгу, откуда бежал — это неизвестно. Отец мой знал, что у Мезениных есть родословное древо, выпиленное из кедра. Основные занятия вначале были охота и рыбная ловля. Дед мой был крепостной. Работал он на Серебрянском заводе — рубили дрова, жгли уголь. Весной барки гнали.

Зап. от В. З. Мезенина, 1909 г. р.

Раньше только было две фамилии: Ошурковы, Мезенины, а Турланов после пришел, в дом его баба взяла, вот и пошли еще Турлановы. А Мезенины и Ошурковы и жили не здесь, а вверху, километра четыре отсюда, у речки Мартьянихи, а потом спустились сюда, им здесь и приглянулось.

Деревня была больше 300 дворов, и всё две фамилии — Мезенины и Ошурковы. Волеговы были — так тоже не наши, не мартьяновски. А сейчас много пришлых-то.

Раньше здесь коломенки строили, возили на них вниз сало, масло, пшеницу.

Деревня наша была приписана к Невьянскому заводу, потом к Висимскому. Наши жгли уголь да возили его в Висим и в Невьянск, к Демидову. Демидов тут и не бывал. А здесь полным хозяином был лесообъездчик, он всем командовал.

Зап. от группы стариков в д. Мартьяновой, от Н. К. Ошуркова, М. П. Мезенина и др.

Где живем, там лес был, бор. Мой отец у цыган лошадь выменял, что меж ног человек проходил. Земли-то не было, он лес расчищал. Надо пахать, а пахать негде было, земли не было. Боронь железной не было, а из елки вырубят сучья и этим боронили. Жили бедно.

Зап. от С. Д. Турланова, 1885 г. р.

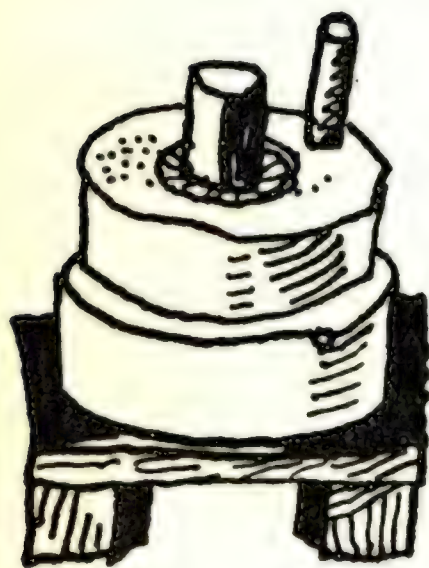
О селе Чусовском

Здесь в древние годы пустыня была, леса были. Здесь, я помню, два дома стояли, так говорили, что для них лес на месте был нарублен. Фамилии-то у жителей разные, смотря по тому, кто откуда приехал. Из Вятки много — Лапины, Ждановы. Последние приехали Бардины и Фроловы, они были проиграны нашему заводчику в карты.

Народ здесь пришлый. Кто от армии убежал, кого за веру гоняли.

Наша фамилия, Петелины, из Москвы, за веру были изгнаны. Никон книжки менял, исправлял, а они не согласились с его книгами и бежали сюда. Назвали их старообрядцами, как они старых обрядов держались.

Зап. от Л. И. Петелина.

Первые-то жители Фроловы были, на пристани жили, они высланы были из Камышлова или еще откуда-то. Все здесь высланные. Заводы начали строиться, заводчики начали перебрасывать людей, сначала Яковлев, а потом Стен-

бок-Фермор. Придет в голову начальству загреза и перебросит за 30 верст. Рабочих нужно по специальности, вот и перебросит.

Зап. от А. В. Бондаревой, 1885 г. р.

О поселке Висимо-Уткинск

В старой книге пишут, что Висимо-Уткинск был Васильево-Уткинск (в честь сына Демидова, Василия). Висим — слово-то нерусское (какая-то народность жила).

А Усть-Утка была крепостью. Это была последняя крепость владений Строгавых, а дальше инородцы жили. Названия инородные: Чизма, Чауж.

Сюда первые переселились кержаки (при Петре I), староверы. Они жили на реке Керженец под Нижним Новгородом. Давно жили, а когда их разорили — пошли в горы: здесь-то необитаемы горы были. А когда Демидов пронюхал — переманил к себе.

А вот у нас есть улица Арзамасская. Демидов выиграл в карты у одного помещика людей из Арзамаса. Отсюда и наша улица называется.

Вот ведь людей-то живых и продать, и проиграть могли.

Зап. в пос. Висиме от И. И. Худякова, 1891 г. р.

О названии города Красноуфимска

Раньше называли Красное село. Красный — значит красивый. От бабушки это слышала. Да и она сама не знала, как давно это было — при царе-косаре.

Зап. от А. И. Быковой, 1897 г. р.

Раньше Красноуфимск назывался Красный Яр. Во времена Пугачева стали называть Красноуфимск, потому что город стоит на Уфе, вода в которой красная.

Зап. от М. А. Корякова, 1888 г. р.

Город Красноуфимск получил свое название за то, что был основан на красивом берегу реки Уфы.

Зап. от И. П. Серебренникова, 1896 г. р.

Раньше была здесь деревня башкирская Красный Яр. А потом на этом же месте построили крепость. Когда же крепость в город переросла, то называть его стали Красноуфимск, потому что деревня была Красный Яр и стояла на реке Уфе.

Зап. от Е. В. Сысковой 1887 г. р.

Про Салавата Юлаева

Есть у нас улица Салавата Юлаева. От деда я про него слышала. Башкир он был, а за русскую волю дрался. Останавливался он здесь у нас, так все богатство бедным раздал, только ненадолго, одолели его казаки. Он им не сдался и ушел в гору, раненный уж больно был, там сидел и силы копил, а потом, слышь, в другом месте воевал, а уж у нас здесь не был больше.

Зап. от М. И. Чухаревой, 1898 г. р.

О деревне Соболя

Деревня наша старая, казацкая, потому как первый-то домик здесь построил казак Соболюшко. Правая рука Пугачева был (старики так говаривали), а как их тутока окружили на Атаманской горе, он и ушел от батьки с казаками Сальниковым и Петрищевым (места-то их так до сих пор и называются, к примеру, Петрищевы луга, Сальников овраг). От их домов и пошла наша деревня; это мне дед мой рассказывал, он до 90 дотянул, так, почитай, полторы сотни лет уж прошло, а те, старые-то люди, все помнят.

Зап. в г. Красноуфимске от П. Г. Волкова, 1912 г. р.

Соболя-то наши нынче совсем неправильно называют, нужно Соболи. А основал их помещик, фамилия у него Соболев была. Он здешних крестьян купил по дешевке, прежний-то помещик отказался от них, непослушные были. Вот он и купил их да еще навез гамаюнов¹, и пошла наша деревня. Это мне еще мама рассказывала, она этим интересовалась, да и я тоже. Оно ведь интересно, почему Соболя, дивно даже.

Зап. в г. Красноуфимске от А. Ф. Трофимовой, 1905 г. р.

Раньше на месте поселка был дремучий лес. И много водилось в нем соболей. А потом лес вырубили, соболя перевелись. На месте леса стали строить дома, но название Соболя так и осталось за этим местом.

Зап. в г. Красноуфимске от С. Н. Копыркина, 1894 г. р.

Лес «Барыня»

Лес «Барыня» называется так потому, что в нем было именье барыни-помещицы. Мы, малые дети, придем в лес по ягоду да все опасаемся, как бы не помять «барыниной» травы, не попасть в руки ее злого кучера и в зубы ее собак. Так и пошло — Барынин лес да Барынин.

Зап. в г. Красноуфимске от А. И. Быковой, 1897 г. р.

Собачья яма

В той яме-то все бродячие собаки помирали. А как-то раз мужики приказчика туда скинули. Он, вишь, до баб

¹ Гамаюн — человек, говорящий на ином диалекте, т. е. чужак.

да до девок большой охотник был, ну, притеснял. Вот собрались мужики да и порешили убить его. Убили, в ту яму кинули да плюнули вослед: «Собаке и смерть собачья».

Зап. в г. Красноуфимске от Е. М. Федотовой, 1879 г. р.

Красный бережок

Находится между Сухоречкой и Стекольным заводом, по Башкирскому тракту. В старину богатые люди выезжали туда рыбачить и отдыхать. Это очень красивая местность. Один берег пологий с белыми березами. Другой — очень высокая скалистая гора, обросшая кустарником. Течение реки там тихое, спокойное. Вода почти не движется, и в ней все отражается.

Зап. в г. Красноуфимске от Е. К. Попониной, 1928 г. р.

Улица Антонова

Есть в нашем городе улица Антонова. Мало, кто теперь помнит о подвиге драгунского барабанщика Фомы Антонова. Когда началось присоединение башкир к Русскому государству, не все башкиры без сопротивления переходили под власть царя, вспыхивали бунты. В один из таких бунтов башкиры захватили и перебили отряд драгун, выставленный на Караульной горе. Две роты солдат, посланные на преследование мятежников, были разбиты. Бунтовщики решили овладеть Красноуфимской крепостью, но были отбиты. Тогда они переоделись в драгунское платье, решили захватить Ачитскую крепость и с этой целью взяли с собой пленного драгунского барабанщика Фому Антонова, который забил тревогу

и дал знать ачитцам, с кем имеют дело¹.

Зап. в г. Красноуфимске от А. А. Можаяева.

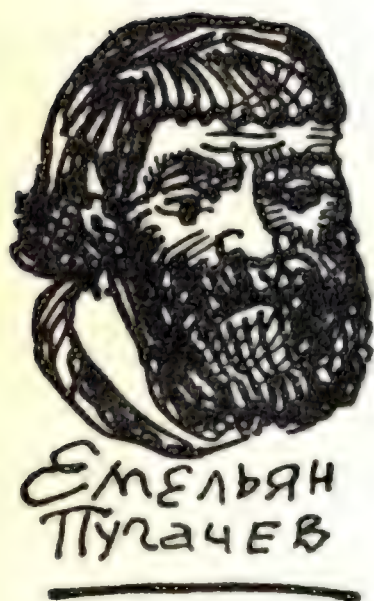
Сочинение Вершинина Фирса Гавриловича, 83 лет

Преславное чудо, небо украшено звездами, земля цветами, Петербург господами, Москва церквями, Дон казаками, Казань татарами, Вятка слепнями, Оренбург башкирами, Красноуфимский черемисами, Екатеринбург торгашами, Верх-Исетский мастерами, Шарташ варнаками, Шадринск пихтовыми голенищами, Верх-Нейвинск обушниками, Шурала немытыми кулаками, Невьянский голубятниками, Быньги сундучниками, Тавалги шубниками, Висим ко-

¹ Событие, о котором рассказал А. А. Можаяев, произошло во время второго башкирского бунта (1755). И. Лепехин в «Дневных записках...» довольно подробно его описывает: «Приступ башкирцев к Ачитской крепости стоит также быть замечен... Под Красноуфимском не только побили драгунов, но еще хотели пользоваться и их снарядом. Они, содрав с них платье и оружие, украсили оным своих сотоварищей и в виде драгунском во всяком порядке на драгунских лошадях приближались к Ачитской крепости. Но, чтобы обман свой тем более прикрыть, оставили одного драгунского барабанщика, который должен был бить благополучной им поход. Ачитская ландмилиция, состоящая из мужиков, будучи наружным обманута видом, отворила ворота своей крепостцы и дожидалась гостей. Но барабанщик, не рача о своей жизни и наблюдая долг верного солдата, вместо похода забил тревогу и тем дал знать ачитцам, с кем они имеют дело. Ачитцы, приготовясь к бою, пресекли намерения башкирцев, которые, оказав свою суровость над барабанщиком в виду ачитцов и отступив от крепости, воротились и перебрались через Уфу» (Лепехин И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ив. Лепехина по разным провинциям Российского государства 1768 и 1769 гг. — СПб., 1771 — 1805. — Т. IV. — С. 269 — 271.)

Рассказ А. А. Можаяева, вероятно, основан на данных письменного источника.

курочниками¹, Грязный завод творожниками, Нижний Тагил хохлами, Верхний Тагил кошелями, Воробьи зобами, Утка косыми лаптями, Пермьки грязными местами, Сылва дубасами², Шайтанка хвастунами, Мартьянова зипунами, Волегова токунами³, Илимка колдунами, Тепляки соломой, Кедровка пареньками, Симонята ерунами⁴, Лом тремя зобами, Кын бражниками, Пермь сигами, а мы, братие, здесь добрыми делами. Аминь.

С пометой в конце: от дедушки внучке на память.

Зап. в с. Чусовом от внучки Ф. Г. Вершинина.

Про Думную гору⁵

Когда Пугачев пришел к Полевскому, то он поставил свои посты на вершинах гор Думной, Никольской и на Азовгоре. Рабочие Полевского шли за Пугачевым. Они помогли его войску продовольствием, оружием и советом. Но вот царские войска стали подходить к Полевскому. Пугачев со своим отрядом стоял на Думной и размышлял, что делать: идти ль в наступление или отступить. С тех пор зовется эта гора Думной.

Здесь, в Полевском, было восстание, оно носило стихийный характер. Восстание было уже после пугачевщины,

¹ Кокурочки — от кокурка — пирог с творогом.

² Дубас — одежда из холста.

³ Токун — токовик — самец на току.

⁴ Ерун — ерник — беспутный человек, плут, мошенник, шатун.

⁵ Думная гора связывается во многих преданиях с пребыванием в этих местах Е. Пугачева, который якобы сидел на горе «объятый думой». В конце прошлого века юный Бажов слушал здесь рассказы старого рабочего В. А. Хмелинина — знаменитого дедушки Слышко. Эти рассказы легли в основу многих сказов П. П. Бажова.

когда заводы купила Турчанинова. На восставших были вызваны регулярные царские войска. Старики, мужики собрались на Думной горе и думали о том, что же предпринять дальше, как спасти свои семьи. Вот еще, говорят, поэтому называли гору Думной.

Вообще, все значительные события в жизни людей Полевского происходили или обсуждались на Думной горе. Духовенство использовало это, и на гору по престольным праздникам поднималось церковное шествие с молитвами и иконами.

Зап. в г. Полевском от В. В. Хмелинина, 1907 г. р.

Ходит такая легенда: пришел будто сюда Пугачев, сел на эту гору и думает: куда пойти. Сюда пойдешь — погибнешь, туда пойдешь — потонешь. И вот видит: со стороны Полднейвой идет несметное войско. Тьма-тьмущая народу. Народ, народ, сколько глаз хватает, и впереди на белом коне — Николай-чудотворец. Подумал он, подумал и говорит: «Нет, против Николая-чудотворца я не пойду». И ушел, а после оказалось, что то был не народ, а лес и в том лесу нашли будто бы икону Николая-чудотворца. С тех пор и святили эту икону ходили.

Зап. в г. Полевском от А. А. Шахминой, 1892 г. р. Отношение рассказчицы к легенде — ироническое.

Про Азов-гору

С Думной горы ведь Азов-гору хорошо видать. Когда Пугачев с войском пришел на Урал, он разделился на два отряда, чтобы воевать легче было. Первым отрядом он сам командовал, а вторым — его помощник Азов. Постояли на Думной горе, смотрят, с нее еще гору видно. Вот Пугачев и говорит: «Иди, Азов, на ту гору, сигналы в слу-

Пути
твоя
гди,
скажи
ми

твой ѿемь
 азъ, спаси
 ма, какъ
 шпавда,
 ній твоихъ
 взыскахъ.

чае чего друг другу кострами подавать будем». Стоял на той горе этот Азов с войском, вот и зовут с тех пор ее Азов-гора.

Зап. в д. Полднейой от Д. А. Вишнева,
 1895 г. р.

Про Азова-то слышали тоже. Жил на этой горе и в пещере скрывался разбойник Азов. Вот было у них безвыходное положение, всем уходить надо из этих мест. А в пещере много награбленного хранилось, его с собой не возьмешь. Вот и решили они вход и выход в пещеру закласть. Ну, заложили пещеру, а Азов и спрашивает у разбойников: «Кто желает остаться здесь при кладе?» Один и вызвался, Азов его пристрелил, чтобы никто про клад не узнал и кости чтобы его этот клад караулили. Когда Азов пристрелил этого человека и разошлись все в разные стороны, видимо, преследовали их. Я слышал от стариков, что по имени этого Азова гора названа.

Населению Азов ущерба не делал, не убивал, забирал ценности-то только у богатых.

Зап. в д. Полднейой от П. Я. Пастухова,
 1895 г. р.

Об нашей Азов-горе много разных слухов ходит. По-всякому рассказывают о названии ее. Говорят, что был в старину разбойник, Азовым он прозывался. Много храбрых разбойников было, но он самый храбрый. Его любили люди. Он грабил только купцов да других богачей, а деньги раздавал бедным людям. Многие прислужники богачей вызывались погубить его, да не тут-то было: умнее он их был да проворнее. Но однажды темной ночью поймали его и загубили. Тогда товарищи его в память о нем называли гору, на которой жили, Азов-горой. А когда умирали другие разбойники, то называли их име-

нами реки, что возле горы Азов. Поэтому Лавров-река так и называется.

Зап. в г. Полевском от А. В. Кирьяновой, 1905 г. р.

По обе стороны Азов-горы проходили дороги. По одной дороге шел грузовой транспорт от Ревды, а по другой — от Уфалея. Часто по этим дорогам везли золото и другие драгоценные камни, добытые на Урале. Разбойники нападали на обозы и грабили добычу. На Азов-горе была ставка разбойника Айзина. Из его шайки были поставлены сторожевые по горам. Если идет обоз по дороге, сторожевые дают факелом сигнал Айзину, который и делал нападения со своей шайкой на проезжих. Вот в честь этого Айзина и называется гора Азов.

Почему гора называется Азов-гора, а не гора Айзина? Само слово Айзин было трудно для произношения простому люду, поэтому люди упростили это слово. И стали называть не Айзина гора, а Азов-гора. Разбойнику Айзину рабочие сочувствовали, так как он делил свою добычу между бедными. В его шайке находились некоторые бывшие рабочие Полевского. Эти рабочие ночью приходили в поселок за продуктами.

Зап. в г. Полевском от В. В. Хмелинина, 1907 г. р.

Азов-то гора не простая. Богатства в ней много, да достать-то его трудно. Была тут дорога, ездили старинные люди. Многие хотели богатство достать, да не умели. Было здесь имечко закланено, кто его назовет — тому гора откроется. Угадать надо было имечко это. Тогда было бы счастье. А имечко ...девочки Азовки имечко было. Это ее люди девкой-то Азовкой прозвали.

Зап. в г. Полевском от Е. В. Потеряевой.

Грѣхъ

З
Завѣтъ

Была у нас на заводе девка, Азовкой ее называли. Красивая была, стройная. Уж любили ее родители, уж холили. А она спозналась с разбойниками и стала им носить на гору еду, питье, стала помогать грабить прохожих и проезжих. Родители плакали, просили ее не ходить к разбойникам, да она не могла не ходить, потому что под сердцем уж дитя носила, а отцом-то ему был главарь разбойничий. Узнали родители правду всю и проклинали дочь свою. С тех пор и стала она жить в пещере в той горе. Некоторые видели ее и называли гору Азовкой. Так и пошло: Азов-гора да Азов-гора.

Зап. в г. Полевском от А. Я. Голубевой, 1900 г. р.

Может быть, видели у Азов-горы ключ-родник? Думаете, вода в нем? Нет, то слезы девки Азовки. Когда ее заточили в пещеру, стала слезы лить горькие, просить, чтобы выпустили ее на свет поглядеть. Да не тут-то было. Не раз-жалобила Азовка разбойников, не выпустили ее из пещеры той. Так и плачет она, все глаза уж выплакала. Потому и родников у Азов-горы совсем уж мало осталось. Нет уж больше слез у Азовки. А соседи мои, когда сено косили лет десять назад, слышали даже плач ее.

Зап. в г. Полевском от М. И. Теткиной, 1898 г. р.

На Азов-горе разбойники жили. Золота много у них было, драгоценных камней. А не было у них девушек. А на нашем заводе красивые девки были. Стали разбойники красавиц себе подглядывать. Нашли одну девку и украли ее. Азовкой называли, потому что главный-то разбойник Азиным прозывался. Уж до чего красива девка была: статная, пригожая, глаза большие да темные, как колодцы. Стали разбойники ссориться. Всем хотелось Азовку женой своей сделать.

Делили-делили, да так не могли решить. Тогда взяли Азовку и спрятали в пещеру. Так и жила Азовка в пещере. А иногда людям являлась. Красоты она была невиданной.

А вот говорят, что геологи нашли ту пещеру и много золота. И еще говорят, что девка Азовка и теперь жива, но не является людям, боится.

Зап. в г. Полевском от М. А. Семыкиной, 1902 г. р.

Помню, когда я была маленькая, то меня часто стращали девкой Азовкой: «Не ходи в огород, там тебя девка Азовка возьмет». Я и боялась. Мне мама рассказывала, что однажды ее отец ходил на покос. А покос-то у нас недалеко от горы Азов. Наступила ночь, такая темная. Страшно ему стало, он и говорит: «Господи, благослови!» И вдруг видит, стоит перед ним огненная девка. Вся светится, так что даже светло кругом стало. «Оставайся, — говорит, — у меня, а то мне скучно здесь одной! Ты мне приглянулся!» Да и правда, красивый он был, светлый, кудрявый. Испугался он, креститься стал. Смотрит, заплакала девка Азовка и все дальше и дальше от него отодвигается. А потом скрылась совсем. Тогда он быстрее домой побежал. Прибежал, дрожит весь. С тех пор не любил он к горе Азов ходить.

Зап. в г. Полевском от Т. И. Глинских, 1901 г. р.

А вы знаете, что у Пугачева здесь была жена? Эта, девка Азовка. Сделал Пугачев ей пещеру, и долго жила она там. Много золота давал Пугачев девке Азовке. Потом Пугачев ушел, а золото в пещере осталось. Вот с тех пор и ищут люди пугачевское золото, но никак не могут его найти. Сам я по молодости тоже пытался искать это золото.

Но я не копал, как другие, просто ходил и смотрел, вдруг где найду эту пещеру. Но так и не нашел.

Зап. в г. Полевском от Д. А. Соловьева, 1893 г. р.

Жили рабочие раньше очень плохо. На заводе-то на Полевском медь выплавляли, работать было трудно, а Турчанинов денег мало платил. Вот рабочие раз и взбунтовались. Пришли к Турчанинову и говорят: «Плохо нам жить! Если не будет нам легче, то тебе будет плохо». А у Турчанинова была красивая единственная дочь. Турчанинов посмеялся над рабочими, думает: «Что они мне сделают?» Тогда многие рабочие бросили работать и стали вольными разбойниками, поселились на высокой горе. И дочь Турчанинова выкрали и с собой взяли на гору. Говорят, долго плакала-металась эта девушка, но потом смирилась, стала тоже купцов грабить. А люди ее стали называть девкой Азовкой, от ее имени и гору прозвали.

Зап. в г. Полевском от Ф. А. Никифоровой, 1900 г. р.

Говорили раньше старые люди, что гора называется Азов, потому что живет на ней в глубокой пещере девка Азовка. Скучно ей там одной, но людям на глаза она не любит показываться, если и показывается, то редко. Но чтобы знали люди, что она жива, каждый вечер, как стемнеет, зажигает она на самой вершине горы огонек. Многие люди видели этот огонек, девку искали, но не нашли.

Зап. в г. Полевском от П. С. Маслякова, 1887 г. р.

На Уральском тракте есть Пугина гора. На этой горе скрывался Пугачев — отсюда и название.

Зап. в пос. Висиме от Н. А. Канонеровой и М. Ф. Ерохина, 1891 г. р.

Пугиной горы вовсе и нет, это просто местность. Там был покос Пугинин. Название отсюда, а как же.

Зап. в пос. Висиме от В. А. Ковальчука, 1892 г. р.

Вот, говорят, на Пугиной горе красавица пела. Так уж, говорят, баско пела! Кто идет эдак к горе, то заслушивается. Она его и испугает. Оттого и Пугиной зовется. Только что-то ноне она не поет.

Зап. в пос. Висиме от П. А. Мякишева, 1909 г. р.

У меня отцу было лет пятнадцать, холостой еще был. Его один дядька попросил привезти смолы. Поехали они, а все зимой. Ехали уже назад. Доезжают до Пугиной горы, а кони встали на дыбы, не идут. Смотрят — стоит женщина сажени две ростом. В газовом платье, напевает, хлопает в ладоши, ноги у нее — какие-то копыта, а руки необыкновенные. Ребята ругаются на нее, кричат, а она — ни с места. Кони рвут, а один парень и говорит: «Это она нас пугает». Взял переобулся да и прочитал молитву — и исчезло. Там, на горе, всегда водились всякие дьяволы и лесные. Потому и Пугина гора.

Зап. в пос. Висиме от Е. С. Шурыгиной, 1893 г. р.

О Кирюшкиной горе

Там схоронен Кирюшка, который собирал девушек грешных. Посадит их в сани, вымажет углем и увезет их к бабушке Парунье. На Петров день¹ парни пришли к кельницам² и увидели там увезенных девок. Они начали браниться. Им указали на Кирюшку. Парни пошли на гору и взяли с собой Кирюшку. Там они его и убили. С того времени так и называется гора Кирюшкиной.

Зап. в пос. Висиме от Е. С. Шурыгиной.

Белая, Билимбай, Кирюшкин пригорок. Слышал я это года два назад от одного старика. Давно еще жили рядом два великана-богатыря: Кирюшка и Билимбай... Могучие и высокие были, выше других гор. А рядом была красавица Белая гора. Однажды поссорились великаны из-за красавицы и стали бросаться камнями. С тех пор и сравнялись они вершинами с другими горами. А склоны Кирюшкина пригорка и горы Билимбай — сплошное нагромождение камней.

Зап. в пос. Висиме от В. А. Замараева.

О Белой горе

Первый снег растает, а на ней нет. Лесу-то нет на россыпи, как вот у человека на голове волос не бывает. А мы, старатели, на нее отдаля смотрим, верст за двадцать, и видим: везде лес чернеет, а она одна — белая. Вот и зовем Белая гора.

Зап. в пос. Висиме от П. Е. Шарапова, 1903 г. р.

¹ Петров день — 29 июня по ст. стилю.

² Кельницы — монахини.

Этот камень лежал в самой чаще леса, и о нем никто не ведал. А когда люди вырубили вокруг него лес, то увидели его — старый, весь обтянутый мхом. И люди называли его Стариком, потому что он был очень стар.

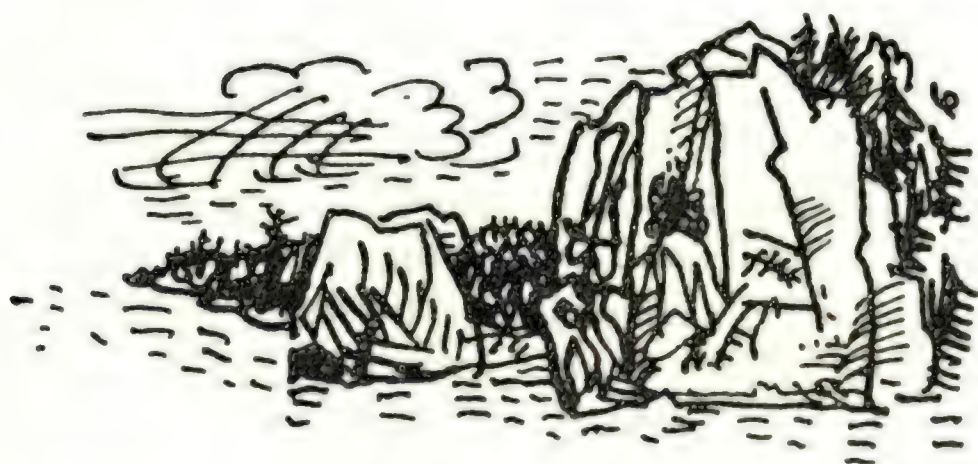
Зап. в пос. Висиме от С. Ф. Рожковой, 1886 г. р.

У Старика-камня, говорят, старец Павел похоронен. К Павлу ходили молиться, молодые — повеселиться. Отец Павел знал, где золото, так люди думали. Караулят, караулят — не увидят. В жар кормили соленой рыбой, чтоб сказал. Убили его.

Зап. в пос. Висиме от А. А. Новожиловой, 1886 г. р.

На Чусовой Старик-камень есть: старик на старуху замахнулся, она присела.

Зап. в пос. Висиме от А. К. Долгих, 1895 г. р.

Метелев Лог потому, что Метелев первый пришел. Про него барабушка есть:

У нас старатель Кузька Шаньгин
Развесела голова,
А Метелев его приятель,
Он не знает ни черта.

Кузька Шаньгин был доверенный Метелева, обманывал его.

Зап. в пос. Висиме от Ф. М. Журавлева, 1884 г. р.

Плавали мы на барках, шириной-то пять сажен, по сорок человек. Часто налетали на камень, а налетят, так сразу же утонут, только одни косные и спасались — это которые впереди каравана шли. Больше всех зорил и убивал Разбойник — оттого так и звали. А вот Красный камень — так его так звали за красоту его, за красный цвет. Бойцами звали их, потому что барки били, — вот кто бойкий-то, так тот проплывет, если сумеет, а кто прозеваает да струсит, так и потонут все.

Зап. в д. Пермяково от М. Ф. Чудинова, 1881 г. р.

Плавали-то мимо бойцов, об которые барки разбивало. Волегов боец — страшный боец. Около него деревня Волегово. От Усть-Утки — Красный боец (тоже злой был, красный цвет имел). Омутной боец, гладкий; он много барок побил. Большой-большой был когда-то. Вода о стенки трется-трется — камни и обрываются. Тут почему-то никогда не стынет вода, вечно родничком бьет. Омут тут большой, глубиной в двадцать — тридцать метров. Потому и называется Омутной. У Кашки камни Погребки были, ровно что два ящика. Синий боец — это после Погребков, синий цвет имеет. Дальше там Столбы о четырех углах. С одного угла — старик в тулупе, с другого — старуха с котомкой (может, были молоды когда-то, а теперь состарились совсем). Отмятник — большой утес был, как будто чем-то расколотый, — от него и отстало. Он и называется Отмятыш. Вот и вышло: четыре брата и дядя. Эткими столбиками — два с одного конца, два — с другого, а один в середине. И называли «Четыре брата — молодцы ребята», а в середке «Дядя».

Другие были бойцы: Сплавщик, с левой руки (с одного конца на другой бросает тут), Молочков, а дальше до самого Кына больших бойцов нет.

Один раз за час двенадцать барок убило. Это войны страшнее. А еще были раньше кликуны. Стоит он на камешке и кричит: «Эта барка убьется!» или «Не убьется!».

Зап. в д. Пермяково от Д. Т. Пермякова, 1894 г. р.

Камни на Чусовой, к которому ни подплыл, — все интересны. Сколько есть на Чусовой камней, каждому имя есть. Омут-камень — как стена гладкий, около него сильно глубоко — омут. Писаный камень — высокий; на нем написано — буквы высечены давно уж. На лево памятник, и на нем такие же слова высечены.

Разбойник — сильно опасный камень. Навешен на Чусовую. К нему приваливает барки. Горчак-камень — приваливает тоже к нему, но при большой воде не опасен. Дыроватый камень — пещер в нем много, дыр... Все камни опасны: на самом повороте. Так к ним барки и подваливает. Иной раз плывешь — как в камень. Доплывешь, а там поворот.

Плакун-камень — с него все бежит вода. Ермак-камень — Ермак в нем жил. В пещере там веревка была. Он спустился по ней. Я еще небольшой был — она все тут болталась. Так и попрела,

Творѣи
мѣтѣни
твоеѣ гдѣ

видно. А как туда поднялся — не знаю. Слух был, что Ермак набрал войско и подымался по Чусовой.

Зап. в с. Чусовом от А. И. Плюснина.

Омутный — тут глубокая яма была. Омут — это первый камень. Затем Дыроватый — в нем дыра большущая была; купцы все плавали, золото, хлеб возили. А разбойники в той пещере жили. Вот они нападали на барки и грабили. Перед войной там кости нашли разбойников.

Олений камень — олень добежал до него, охотники гнали его, сюда и пригнали, а он пал сверху, рога обломал да сам убился. С тех пор и называется камень-то Оленьим. А дальше по Чусовой Собачий камень, потом Синий, здорово синий он, и все кругом сине. Затем идут острова Пермьковские. Быстрый остров, здорово тут быстро несет. Золотой остров — здесь часто барки садились, а везли они много товару всякого, ну и дорого это стоило — снять барку с мели, за то его и называли Золотым. Потом деревня Пермьково идет, потом остров Нижний, потом камень Писанный — тут крест есть, тут жена заводчика Демидова родила. Потом Столбы идут — старуха там сидит горбатая, пряжу прядет. Один подле самого берегу стоит столб.

Зап. в д. Кашке от И. С. Зырякина, 1889 г. р.

Баба Яга — камень. Как женщина. Она сидит на камню-то, как Баба Яга. Об него тоже разбивались барки: камень жесткий, навал на него большой. Там глубоко. Лот¹ как залезет туда, и тянет его вниз: половину плота затопит. Тут уж отсекали его; лот-то загубишь. Под Бабой Ягой вятских много пото-

¹ Лот — приспособление для измерения глубины.

пили: поносенные лодки-то были, а вода-то большая. Сейчас отведена вода-то.

Зап. в д. Мартьяновке от С. А. Ошуркова,
1882 г. р.

Камень Сплавщик — тут барка села на мель. Стали якорь ставить, а якорь-то сплавщика на дно удернул. Вот камень Сплавщиком и зовут.

Зап. в д. Сулем от Е. С. Гилева,
1873 г. р.

Олений камень потому так и называется, что с него олень прыгнул — загнали его охотники на камень, а он и прыгнул в Чусовую. А олени здесь были, через реку их стреляли. Винтовки кустарным способом делали. Это говорит за то, что здесь дичи было много.

Зап. в с. Чусовом от В. З. Мезенина.

Этот камень издавна Оленьим называется. Дело было еще при царе Косаре. Гнали охотники оленя по лесу. Красив, сказывают, олень тот был, красив, могуч да быстроног. Долго и хитро петлял он по лесу, с одной горы на другую взлетал как стрела. Охотники уж утомились, а олень — ничего, сила еще есть. Ушел бы он от охотников-то, да только сам не заметил, как оказался на камне. Взлетел он на камень и остановился: сзади охотники с ружьями, впереди — Чусовая. Не захотел он дать-ся в руки людям, взметнулся в последний раз, пролетел как птица, и упал, и разбился. Насмерть разбился.

Зап. в д. Екве от А. Н. Долматовой,
1895 г. р.

У деревни Пермяково есть остров. Он расположен среди Чусовой, разделяет ее прямо перед деревней на два рукава. Называют этот остров местные жители Золотым.

Раньше по Чусовой барки, груженные чугуном, плавил, около нашей деревни

очень часто садились. И все из-за острова, ведь река тут неглубокая. А барка как сядет на мель, так ее разгружать надо, иначе с мели не стащить. И так из года в год. Много денежек этот остров вытянул из карманов. Вот и есть Золотой.

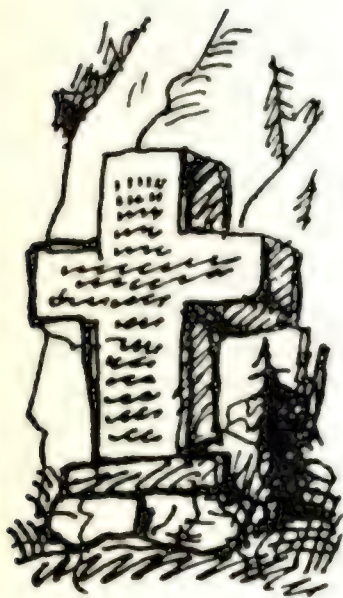
Камень Воробьи. На барках я не плавал, а вот плоты гонять пришлось. За весну раза три-четыре сгоняешь. Гонишь, бывало, плот да робишь без остановки возле каждого камня. Каждый-от камень имеет свою хитринку. Камень Воробьи — он как бы два камня, близко друг от дружки стоят, на первый-то взгляд вроде и нестрашный, а подтягивает к нему, только успевай отгребать. Отгребай да отгребай, а чуть прозеваешь или растеряешься, так плот и шоркнет, черкнет по камню боком. Глядишь, два-три бревешка и нет, как не бывало, как будто воробей отключнул. У неумелого да робкого сплавщика этот камешек клюнет раз, другой — вот и нет пяти-шести бревешек. Есть камни-бойцы — разбойники, а этот чисто воробей, клюет по два-три бревешка, да и только.

Зап. в д. Пермяково от С. П. Латкина, 1893 г. р.

Писаный камень так называется потому, что Демидов писал на нем. В 1724 г. 8 августа сын у него родился от незаконной жены, а они тут проплывали.

Зап. в с. Сулем от А. С. Гилева, 1883 г. р.

Плавать по Чусовой я начала еще в девках, потом мужик сплавщиком был, я опять же с ним плавала. Вот плоты мы до Камы гоняли. Жизнь-то раньше была трудная. Летом страдаешь, скотинешке ведь корма надо, зимой лес рубишь да к Чусовой возишь, а как весна придет, настанет пора сплава. Чусовая-то раньше беспокойная такая была, особенно в большую воду, все но-

ровила к камням плот прибить. Много всяких бойцов на Чусовой стоит, каждый грозен да силен, устанешь да измучаешься, пока до Камы плот догонишь, а как выплывешь на Каму, так вспомнишь тятю и маму. Ну, Мултык, он тоже сильный боец был. К нему как подплываешь, так чуть не версту надо мултыть¹. Тут не робей да гляди в оба. Однажды у нас с мужиком то ли заминка вышла, то ли еще что, только выправить вовремя не успели плот-то, да и стукнуло нас об Мултык. От плота одни бревешки. Мужик-от половчее, он сразу на камень выскочил, а я уцепилась за бревешки. «Сашуха, — кричит он, — плыви». Я и поплыла на этих бревешках-то, до самого Долгого лугу доплыла, это у Бабенок. Плыву, вижу баба на берегу белье полощет, я ей кричать. А она как увидела меня, так без слов все поняла. Сняла меня с этих бревен в лодку да еще и помогла бревна вылавливать. Весь плот почти мы с ней выловили по бревнышку.

Зап. в д. Екве от А. Н. Долматовой,
1895 г. р.

Тут у нас камень Мултык — течение там большое, сильное; к нему и притягивало. Сильно грести надо тут. Вот и говорят: «Помултывишь ты тут!» Вот так его и прозвали.

Коврижка — камень небольшой, кругленький, ровно из каких круглых наслоечек, потому и зовется так.

¹ Мултыть — мутовить, работать (пояснение рассказчицы).

Ш
ЩЕДРЪ
И
МЛТВЪ
ГДЪ

Собачий камень — собака взбежала на него, пала и убилась — вот так и называется.

Зап. в д. Пермяково от А. С. Пермякова, 1889 г. р.

Выше камня Разбойника есть камень Кликун. В старое время барки бегали по реке. На гладкой площадке Кликун собирались бабы, девки. Начинали плясать, петь, всякие штуки выкидывать. Лоцманы заглядятся, и барка налетит на камень. Тогда выплывают мужики на лодках и начинают грабить. Страшное дело было: бурлаки из воды хватались за борта, чтоб спастись, а им рубили топорами руки. Лихие люди этим занимались из Кумыша, чаще пришлые, а может, вместе с ними и коренные.

Зап. в д. Кумыш от К. И. Бугриной, 1919 г. р.

О Плакун-горе

Вода с горы капает, кап-кап-кап, как слезы льются, плачет камень.

Зап. в д. Нижне-Ослянка от Н. И. Сивкова, 1889 г. р.

Ссылные тут жили. Работали они в рудниках. Кругом лес был. А матери с детьми забирались на гору, смотрели вдаль и плакали. Потому и называлась та гора Плакун.

Зап. в пос. Кыне от П. А. Чазова.

О горе Волчихе

Сначала гора Волчиха называлась. При Демидове через нее лес волочили (а она ведь вон какая высокая). Срубят лес и до завода волоком. Волчихой ее уж позже называть стали, когда первое название забылось. Говорят, волков там немало водилось.

Зап. в г. Ревде от В. П. Машинцына, 1926 г. р.

О горе Чертово городище

Давно еще было, погнали русские татар. Добежали они до Туры. И обороняться стали. Яму огромную вырыли, камней натаскали, заложили ими все. Крепость сильную построили. Да пришли русские с луками, палицами — отчаянные. Разогнали татар. Взяли крепость. Живых татар в плен взяли. И сказал атаман их: «Какую крепость одолели, ее сам черт не взял бы». И пошло название Чертово городище.

Зап. в г. Верхотурье от П. Т. Макрушина, 1891 г. р.

Чертово городище — это такая гора круглая. Раньше там татары были заключенные, так люди сказывают, они котелками натаскали эту гору и вырыли озера под Чертовым городищем. Мы боялись ходить туда. Чертово — так вдруг померещится что.

Зап. в г. Верхотурье от М. Мызниковой, 1909 г. р.

Аликаев камень

Был такой атаман башкирский Аликай, руководил большой группой башкир. Во время колонизации башкирских поселений на Урале эта группа оказывала сопротивление русским. Аликаев камень называется так потому, что там скрывался Аликай со своей группой.

Зап. в г. Красноуфимске от Б. Я. Башкирцева, 1892 г. р.

Жил-был башкир Аликай. Была у него очень красивая жена. Случилось так, что она ушла от него, тогда он бросился с этого камня и разбился. И по сей день зовется это место — Аликаев камень.

Зап. в г. Красноуфимске от Е. К. Попониной, 1928 г. р.

Атаманова гора

Пугачев проходил через город Красноуфимск¹. Где ныне Атаманская гора, там есть еще Пугачев лог — это между горами. В нем крепость была, вроде деревянная, загороженная какими-то кольями. Пугачевские избушки и сейчас сохранились. Две — по Ленинской улице, одна — внизу. Избушки рубились топором, из четырех толстых бревен. Были окошечки — очень маленькие.

Зап. в г. Красноуфимске от А. И. Тетерина, 1893 г. р.

Раньше в этих местах жили казаки, и все местное население (коренное) — это потомки казаков. Атаман, их предводитель, прятался от своих врагов в пещере, которая была на горе. Пещера большая, в ней удобно было прятаться. Потому гора — Атаманская.

Зап. в г. Красноуфимске от Ф. А. Мичурина, 1883 г. р.

Возле этой горы была станица. В ней жили казаки. А командовал ими атаман. Когда надо было ему посоветоваться с казаками или приказ им приказать, сзывал он их на гору. Так и пошло название этой горы — Атаманова.

Зап. в г. Красноуфимске от Ф. Т. Заколюкина, 1904 г. р.

¹ Емельян Пугачев в Красноуфимске не был. Но был его ближайший сподвижник — Салават Юлаев. Однако в преданиях упорно утверждается пребывание Пугачева в Красноуфимске.

Атаманская гора, или Сторожевая. Так ее называли еще во времена казачества. На ней, говорят, пост казачий был. За Уфой наблюдали. По Уфе башкиры хозяйничали. Говорят, тогда ружей не было, а были топоры и железные, и деревянные даже. Луки были со стрелами. На берегу избушка стоит, вся из толстых бревен, доски на полу не пиленые, а рубленые. Не меньше трехсот лет той избушке. В стене есть у нее две бойницы: для пушки и для наблюдения. Направлены они в сторону Атаманской горы. Видно, связь какая-то была. Вольный был народ казаки и смелый.

Зап. в г. Красноуфимске от А. Т. Копыркиной, 1895 г. р.

Атаманская гора наша, это которая больше всех у нас, еще лысинка у нее на вершине. Эта лысинка-то и стала причиной названия. На ней в старину атаманы собирались думу думать. Атаманы эти были вожаки крестьянские, а было это во время бунта крестьянского. Главным у них был атаман Золотой. В честь его и его дружинников и называли горку эту.

Зап. в г. Красноуфимске от М. Ф. Тюриной, 1920 г. р. Рассказ слышала от матери.

Казачьи горы

Гор много у нас, и каждая свое название имеет. Самая большая — Казачья гора. Со времен Пугачева так называется. Казаки его лагерем там стояли. Пещеры есть там. Только я не ходила. Раньше-то боялись внутрь входить. На другой горе росла вишня барская, ее караулили и близко никого не допускали. Так и кличут в народе — Караульная гора. На третьей горе жил когда-то одинокий старик Байдашин, его именем так и прозвали гору.

Зап. в с. Александровском Красноуфимского р-на от В. М. Родионовой, 1873 г. р.

Шайдакова гора

Эта гора находится недалеко от города. Когда здесь проходил Ермак, то против него сражались отряды атамана Шайдака. Его лагерь располагался на горе, которая потом стала называться Шайдаковой.

Зап. от К. С. Чикашева, 1933 г. р.

Соколовский камень

По реке Уфе есть три высоких скалы. Одна из них носит название Соколов камень. На нем в старину скрывались восставшие. Их предводитель был по кличке Сокол. Всех разбили, один предводитель остался в живых. Когда и его окружили враги, он спрыгнул с самого высокого камня — и разбился.

Зап. от Е. К. Попониной, 1928 г. р.

Называется так потому, что на камне жил сокол. Эта птица жила там много лет, местные жители охраняли ее. Птица исчезла неожиданно, после чего многие стали считать ее заколдованной. А может быть, называется так по имени революционера Соколова, который, спасаясь от преследования полиции, бросился с камня в Уфу-реку. Очевидно, это было в 1918 году.

Зап. от В. Ф. Власова, 1901 г. р.

Давно-давно жил на этом камне сокол. Гнездо там у него было. Если кто пойдет на охоту и с ним полетит этот сокол, то тому обязательно повезет. И поэтому люди охраняли этого сокола. А когда он от старости умер, то в этих местах не стало удачной охоты.

Зап. от А. М. Маниловой, 1898 г. р.

И сейчас у нас гора-то такая есть, и раньше была, а назвали ее Девьей вот почему: стояли на горе казармы солдатские, целый полк солдат был, и частенько туда, на гору, девушки гулять приходили. Там и веселились, и плясали, и любили. Из-за девушек-то Девьей и прозвали.

Зап. в г. Красноуфимске от Е. В. Сысковой, 1887 г. р.

Чудесная эта гора. С давних пор помнят эту гору. Люди всегда поднимались на нее и дивились тому, как много они могли видеть с этой горы, как далеко они видели. Город — как на ладони.

Зап. в г. Красноуфимске от Е. К. Попониной, 1928 г. р.

Раньше на этой горе наблюдали, откуда враг идет. Удобная гора, лысая, деревьев нет. Вот и устроили там наблюдательный пункт. А назвали так от украинского слова «дивись» — смотри. Вот и называется гора Дивьей.

Зап. в г. Красноуфимске от Е. М. Лагуновой, 1902 г. р.

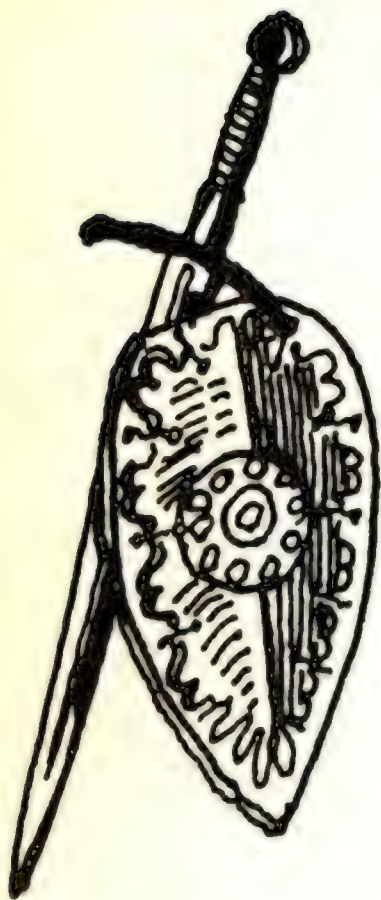
Титешные горы

Раньше эти горы назывались Голубцовскими и деревня под горой тоже была Голубцовской. Позже ее стали называть Подгорной. А горы эти имели форму женской груди, поэтому горы в народе стали называть Титешными горами, а деревню Титешной. Но это название сохранилось только в народе, официально их стали называть Александровскими горами, а деревню Александровкой.

Зап. в г. Красноуфимске от Е. С. Поспеловой, 1902 г. р.

Подземные ходы в Соликамске

Легенда одна рассказывает, что были подземные ходы. Из воеводского дома ход под Усолку есть и под дом Кузнецова. Рассказывают, что по подземному ходу спасались от татар. Когда сибирский хан напал на Соликамск, соликамцы сами не могли осилить его и послали послов к Ивану Грозному. — Царь-батюшка, помоги!

А тот отвечает:

— Не могу.

Тогда занят был Казанью. И послал икону Николая-чудотворца. «Он спасет», — говорит. Ну, что делать. Отслужили молебн. Обошли все войска с иконой. И поднялся энтузиазм войска. И хана разбили. Это было в девятую пятницу перед Пасхой.

Говорят, что в тыл к татарам по подземному ходу наступали. Видно, ходы нужны были для самообороны.

Зап. от В. М. Гуляева, 1900 г. р.

В Соликамске два монастыря было: монастырь за Богоявленской церковью и монастырь в стороне поселка Красное. Говорят, что монастыри сообщались между собой подземным ходом.

Во время осады Соликамска татарами по этим подземным ходам доставляли оружие, боеприпасы.

Зап. от А. В. Поповой, 1900 г. р.

Я с малолетства слышал, что были подземные ходы в Соликамске. Они шли от дома воеводы к реке Усолке, под колокольню и в Кашкин лес, туда, где лога. Говорили, что ход в Кашкин лес шел через дом Кузнецова, кверху.

Мы, ребяташки, шарили там, но не нашли выхода. До сих пор подземный ход от воеводского дома не нашли, где начинался. Но когда делали дорогу по улице Ленина, это в сторону Кашкина

леса, то обнаружили провал: деревянные укрепления, похоже на ход.

Говорили, что когда татары нападали на Соликамск, то по подземному ходу пробирались за водой к реке Усолке. А по ходу, идущему в Кашкин лес, людей выводили в безопасное место. Я слышал, что ход еще от воеводского дома идет к колокольне.

Зап. от С. М. Богданова, 1904 г. р.

Слышала я про подземные ходы. Говорили, что они были сделаны, чтобы убегать, чтобы спастись от набегов татарских. Значит, они были в разные стороны. От воеводского дома хода шли и в Кашкин лес, и к реке Усолке, и к дому Кузнецовых, и к колокольне. Под землей целое разветвление ходов.

Зап. от Т. В. Кучиной, 1919 г. р.

Я слышала, что есть подземные ходы от воеводского дома. Старики говорили, что Суровцев, один из владельцев воеводского дома, обладал несметными сокровищами. И спрятал он их в своих подземных ходах. И так хорошо ходы замуровал, что до сих пор не могут найти, где они начинаются.

А сторожилы рассказывали, что напротив воеводы двухэтажный жилой дом был. Там подвал. Из подвала вел ход к дому воеводы. Пытались пройти по нему. Кладка там из красного кирпича. Свечки стали гаснуть. А люди стали задыхаться и дальше не пошли.

Зап. от Р. И. Татариновой, 1953 г. р.

Тут есть поселок Красное у нас. Говорили, что на Красном подземный ход есть. Мне бабушка покойная рассказывала: у Турчанинова-заводчика дочь была богатая. И она красивая была. И приехал граф Зубов и женился на Турчаниновой. Так вот из воеводского дома в зубовский дом ход уходил.

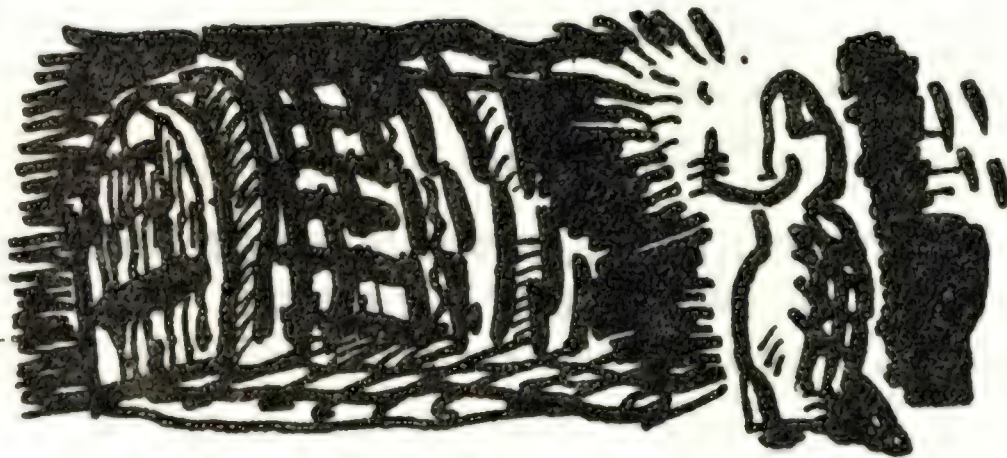
Зап. от С. И. Богданова, 1902 г. р.

Есть подземный ход. Женский монастырь был за пределами города. От воеводского дома в село Красное в сторону женского монастыря ход шел.

Зап. от П. Я. Беляева, 1919 г. р.

Верхотурский подземный ход

С 1965 по 1972 год я жил в Верхотурье. Работал в детдоме, это бывший поповский дом был. Около детдома начали земляные работы и обнаружили старую кирпичную кладку: уложено ребрами, так капитально заложено. Разобрали кирпич — провал. Залезаю, а там — хоть туда иди, хоть туда. Я заинтересовался.

Рассказывали старожилы про подземные ходы. Где сейчас детдом, жили мужчины-монахи, а где детская колония, женский монастырь был. Хоть монахам и не разрешали, а все же сходство у них было. В декаду один раз сходились монахи и монашки.

Под землей был как бы зал. Там и разрешали им сходиться. Рассказывали, что ход есть прямой из мужского монастыря в женский. По прямому ходу сообщения монахи тайком ходили друг к другу.

Старые жильцы говорили, что нигде не было подземных ходов столько, сколько в Верхотурье.

Зап. в г. Березники от И. С. Бабинцева, 1918 г. р.

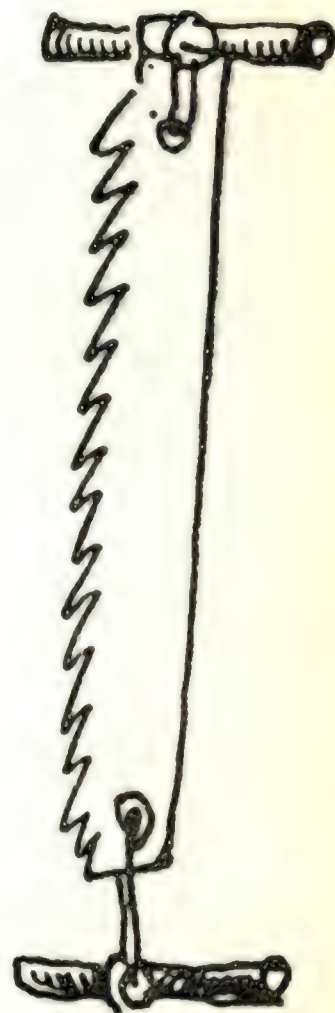

Предок Строгановых был татарский мурза в Золотой орде. Поддавшись России, он принял христианскую веру. Из-за этого татары начали войну с Россией. Великий князь послал против них татарского мурзу, ставшего христианином. Он попал в плен к татарам. Они рассекли его на части и тело его строгали. Его оставшаяся в России беременная жена родила сына. Сын от мученической необычной смерти отца прозван Строгановым.

Цит. по кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири. 1750. — Гл. II. Примечание. — С. 68.

В старое время шибко за веру стояли, вся жизнь на вере была. Здесь были кержаки с реки Кержань. Там их разорили, они перебрались по рекам на Урал, здесь обосновались. Что не обосноваться-то: из-под ног летела дичь, в реке рыба, в лесу масса ягод, грибов. Люди сильные, грубые пришли, принесли в кармане репы да бобов, топор да долото, так дед Федот рассказывал. Однажды дед Федот стал перешагивать через колодину, а тут глухарь из-под ног, чо-то он запутался, дед его палкой и зашиб.

Начал строиться завод, а показаться-то нельзя было: ловили, работать заставляли. У Демидовых все работали. В лесу жила девка с сыном Григорием. В старое время девка родит — позор. Ну, а она родила и жила в лесу. А Демидов стал строиться, она и вышла из леса. А Григорий уже взрослый был, работник. Это было где-то в 1730 году. Она вместе с сыном Григорием стала работать на постройке плотины через Шайтан-реку. Пилили лес, работали. Григорий был очень сильный, ростом почти в сажень, большой, высокий, сутулый. И вот когда на козлы для распиловки катили толстое бревно, изог-

нудое, Григорий сказал: «У, какая огибенья!» Это слово «огибенья» пристало к нему. Он тоже был похож на бревно-огибеню. Гриша Огибеня. Фамилии-то у него не было.

По другому рассказу, прозвище Огибеня Гриша получил при постройке барок на Чусовой, где он доску, пришитую за средние ребра барки, гнул один к носу или к корме. Григорий Огибеня был первым плотинным в заводе.

Зап. в пос. Висиме от А. М. Огибенина, 1882 г. р.

На заводах всегда много остряков было. Вот они и начали прозвища давать. Всех ленивых называли Тепляками и говорили про них: «Поедут Тепляки в субботу на сенокос, спать лягут, в понедельник встанут и домой едут. А думают-то, что воскресенье».

Зап. в г. Н. Салда от В. К. Гудковой, 1909 г. р.

Жили в Салде два брата Тарасовы. Робили они на руднике, там золото добывали. Неделю проработают, в субботу домой приезжают. Вот раз приехали, в баньке помылись, выпить придумали. А в понедельник они должны были в шесть часов быть на руднике.

Они переопохмелялись, встать не могли. Встали поздно. Говорит один другому: «Что, Семка, все равно дрань¹, выпьем для смелости сороковочку». Выпили. Потом раздобыли два колокольчика, привязали к дуге, сели в короб и поехали. А раньше на рудник ездил управляющий на тройке с колокольцами.

Услыхали на руднике звон и думали, что исправник едет. Тут такое поднялось! Кто метет, кто чистит. Потом увидели, кто приехал. Выпороли их. И до смерти они были «исправники».

Зап. в г. Н. Салда от М. А. Бойцовой, 1888 г. р.

¹ Дрань — то есть за опоздание их выпорют.

На нашей улице дело было. По соседству с нами. У матери три сына было. И вот выйдет за ворота и все рассказывает: «У меня Ванюша так чисто пимокат. Толстенный, кругленький, пимокат, пимокат и есть». А второго сына не любила она. И все его харковником звала. Зато третий сынок — ее любимец был. Оденет она его, а он ручки в карман засунет и идет так важно. «Петруша у меня писарем будет. Писаречек мой». Так и пошло. А этот Петруша Писарек всю жизнь прожил и ни единой буквы не знал. А Писарем так все и звали.

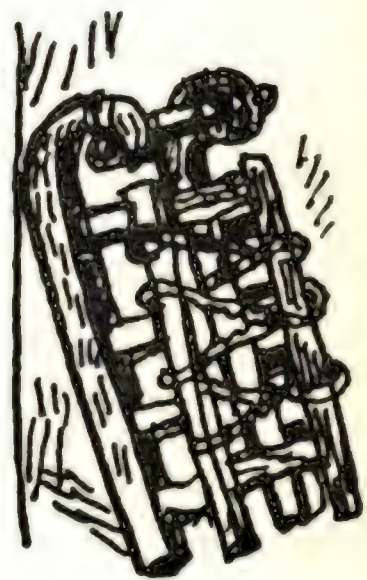
Зап. в г. Н. Салда от А. А. Лукиной,
1906 г. р.

Нашего прадеда Тарелочкой звали. От него и пошло это прозвище. А вот как это было. Деда Анастасом звали. Вот отец Анастаса подкидышем был. И рос он в двух семьях, между двух братьев: Ивана и Василия. У них еще свои дети были, а он самый маленький был. Любили его, лелеяли. Хороший он мальчонка был. «Его бы на тарелочку посадить и любоваться на него», — говорили. Так и прозвали его Тарелочкой. Несколько поколений Тарелочки были: отец у Анастаса, Анастас, Анастасовы дети: Иван, Илья, Родион, Андрей и от них тоже дети. И от Родионовой дочери — тоже Тарелочки.

Зап. в г. Н. Салда от В. И. Волковой,
1901 г. р.

Прозвище у меня Пупа. Это с детских пор. У меня братишка был, Василий. Он зимой любил с горки кататься. Катался без рубашки, пуп у него видно было. Вот и назвали его Пупа, а потом и ко мне перешло. А есть и по наследству прозвище переходит: от отца к сыну, от матери к дочери.

Зап. в г. Н. Салда от М. В. Щукина,
1919 г. р.

Всякие прозвища были. Был у нас один парень. Его все звали «Лева, ухни». Он когда коней запрягал, громко кричал: «Ух, ух».

У Анны Михайловны мужа звали Гриша Краснощекий — это потому, что у него на щеке родинка большая была.

У меня мужа звали Миша Фролик. Он у меня модный был, вот и прозвали — Фролик.

У Лиды Исаковой сына звали Темка-похлебка. Мать обед ему приготовит и кричит его: «Темка, иди похлебку хлебать». Мальчишки и стали дразнить его: «Темка-похлебка».

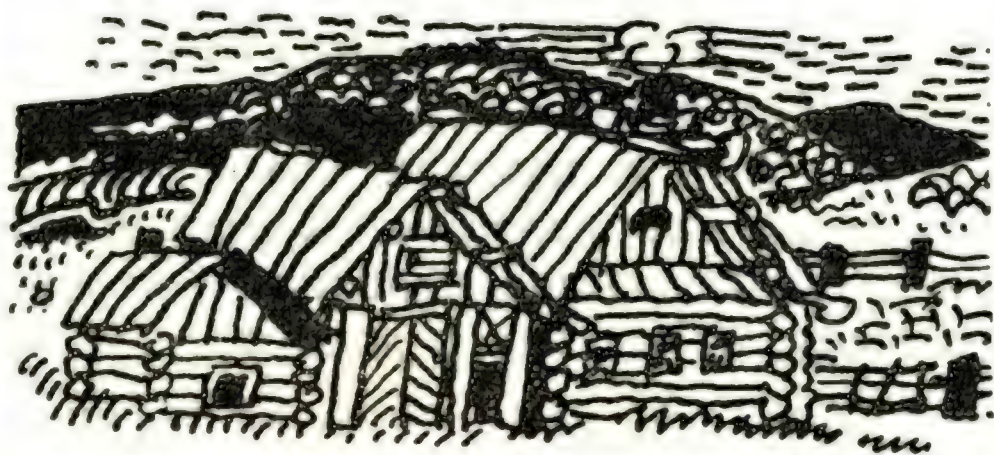
У Тарасовой мужа Карась звали. Он был полный, маленький.

А рядом жил мальчик Тима. Здоровый рос, крепкий. Мать его называла Темкаблин: «Вот какой блин растет».

Зап. в г. Н. Салда от О. М. Фроловой, 1907 г. р.

Михаил Дементьевич Калинин — старатель имел прозвище Дорогая Рыба, так как по приезде в Невьянск всегда просил у купцов самой дорогой рыбы и те, чтобы угодить богатому покупателю, нарочно набавляли цену: вместо десяти копеек фунт — один рубль.

Зап. в с. Шурала Кировградского р-на от Т. Ф. Долгорукова, 1871 г. р.

Начиная с последней четверти XV в., то есть со времени прихода русских людей на Урал, бытуют рассказы о земельных богатствах уральских недр. В 1700 году был издан указ, разрешающий всем производить розыски руд «на чьей то бы земле ни было». Всем, кто сообщит о местонахождении руд, было обещано вознаграждение, а «кто, ведая, не объявит, тому чинить наказание». В обстановке упорного общественного интереса в поисковую работу включились широкие слои уральского населения.

В 1718 году Федор Бабин нашел Полевское месторождение. Плавильный мастер Федор Яковлев да Климентий Рыбников из Полевского медного завода отыскали в 1729 году на речке Кособродке горновой и запорочный камень. Рудоискательство становилось делом целых семейств, потомственным занятием. Зарождаются и передаются от отца к сыну рассказы о навыках и секретах рудоискательства, золотого промысла, горщицкого дела (поисков цветных камней).

В поисках земельных богатств принимали участие все народности Урала. Академик И. И. Лепехин, проехавший по нашему краю с научными целями на рубеже 60—70-х гг. XVIII века, называет чудские племена «древними горорытцами», башкир — «наши рудопромышленники», русских — «рудоискателями».

Открытие золота, платины, драгоценных цветных камней также принадлежит крестьянам и рабочим. В 1745 году шарташский житель переселенец-раскольник Ерофей Марков нашел золото. В 1831 году крестьянин Белоярской слободы Максим Кожевников открыл изумруды в долине реки Рефт.

В народных рассказах первой половины XIX века возникла тема малахитового богатства недр.

Много преданий рассказывают о манси Степане Чумпине, открывшем железную руду на горе Благодать и поплатившемся за это жизнью.

Многие рассказчики охотно вспоминают истории о самородках золота и платины необыкновенной формы: золотая свинья, золотой стул, самородный лапоть, золотая веревка. Они уверены, что «золото себя оказывает». Многочисленны и разнообразны фантастические образы, в которых якобы «оказывает себя» золото: столбы пламени, необыкновенные женщины, старец с большой бородой, с огромными руками и т. д.

Подобные рассказы, как правило, очень эмоциональны и насыщены любопытными подробностями быта, верований золотоискателей.

Чей край богаче

Был я на службе на действительной. Пospорили с одним украинцем. Украинiec говорит:

— Наша Украина лучше всех. Я сын Украины.

А я:

— А я сын Урала.

— А что у вас на Урале?

— А что мне только понадобится, у нас все на Урале есть, всякие металлы.

Ему невзлюбилось. Дошел спор до начальства. Доложили ему: спорят Гилев и Ткаличенко, вот о чем спорят: один го-

ворит, что на Урале богатства больше, другой — что на Украине.

Собрали нас, офицерство сидит.

— Чем ты докажешь, Ткаличенко, что Украина богаче?

— У нас хлеба много, свеклы, сахару.

— А ты, Гилев, чем докажешь, что Урал богаче?

— А я сам своими руками золото, платину добывал, мыл.

Разрешили спор на мою сторону.

— Нет, Ткаличенко, Гилев прав, мы всеми богатствами золотыми, платиной пользуемся с Урала.

Командир полка похвалил меня:

— Молодец, Гилев, правильно сказал. Все с Урала берут, все с Урала.

Зап. в с. Сулем от В. П. Гилева, 1883 г. р.

Богатства Ильмень-горы

В Миасском районе я разговорился с одним стариком. Говорили о войне с Германией 1914 года. Он спрашивает у меня:

— А знаешь, почему Вильгельм пошел на нас воевать?

— Нет, — говорю.

— А он попросил у нашего Николая, чтобы тот отдал на разработку в Германию Ильмень-гору.

— Ну, и что же, — спрашиваю, — согласился Николай?

— Нет, не согласился, и вот из-за этой Ильмень-горы и война началась. А отдай бы — ничего, никакой войны бы не было. Вот какие богатства в нашей горе.

Зап. от учителя из Юрюзанского завода К. И. Дубровина в 1936 г. (Из собрания В. П. Бирюкова, г. Свердловск.)

Как открыли магнитный железняк на горе Благодать

Раньше здесь вогулы жили, потому кушвинцев вогулами и зовут. Открыл руду

один из ихнего племени, Степаном его звали, а по фамилии Чумпин. Получилось это так. Никак не шла на этой горе охота, стрелы все в землю утыкались. Стал Степан рыть там, где стрелы падали, да и вырыл камни. Не знал он, что это руда, и направился в Екатеринбург. Сам много дней шел, тогда ведь пешком ходили. А как вернулся, сожгли его недрузья на этой горе. Не хотели они, чтобы русские к вогулам пришли. А русские пришли, завод здесь построили, тогда и пруд запрудили из двух речек — Кушвы и Лаи. Степану-вогулу потом памятник поставили: там он стоял, где Степана сожгли¹.

Зап. в г. Кушве от А. И. Жигалова, 1888 г. р.

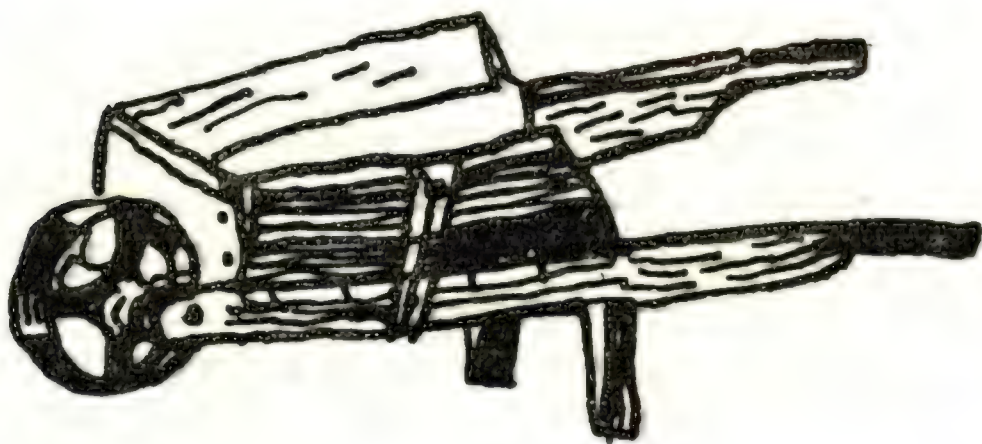
Раньше в нашем месте вогулы жили. В основном промыслом-то они и жили, охотились да рыбешку мелкую ловили. Только на одной горе не могли они охотиться. Стрелы-то раньше с наконечниками железными были, так они в землю падали. Слухи об этой горе ходили всякие темные, не могли люди понять, почему же стрелы в землю летели. Один из вогулов, Степан Чумпин, обнаружил как-то на этой горе камень, посмотрел: вроде руда это. Решил он этот камень в Москву отвезти. Дошел пешком до Екатеринбурга. Там он попал к Татищеву, который заинтересовался камешком-то

¹ О расправе с первооткрывателями рассказывают многие предания XVIII и XIX вв. Видимо, реальные конфликты между рудознатоками и горными чиновниками, между рудоискателями и их народом возникали часто, ведь открытие вело к тому, что народ лишался рудной земли, она переходила к заводчику. Однако существует мнение, что мотив расправы соплеменников со Степаном Чумпиным на горе Благодати — вымышленный, появился в рассказах только в 20-х гг. XIX века. Есть основания утверждать, что эпизод сожжения Чумпина был придуман и пущен в общество и в известной степени послужил основой для постройки на горе Благодати памятника Степану Чумпину, часовни и для учреждения ежегодного крестного хода к часовне.

этим. Приехал Татищев, обследовал гору и нашел руду. Направил он послание царице. Пишет, что, дескать, руду нашел на горе. Говорят люди, что писал он, будто это есть божий дар, благодать божья людям. С тех пор и называют гору — Благодать.

Зап. в г. Кушве от П. Ф. Панова, 1898 г. р.

Сам я на Карпушихе, на шахте, с 16 лет робил. А шахту оттого так кличут, что основал ее рабочий Карп Суздов. Он-то в разведке был, на шурфовке работал. Пробил он шурф и наткнулся на рудное тело. Стали там бурить и в 1912 году шахту пустили. Потом руда там кончилась. Шахту закрыли.

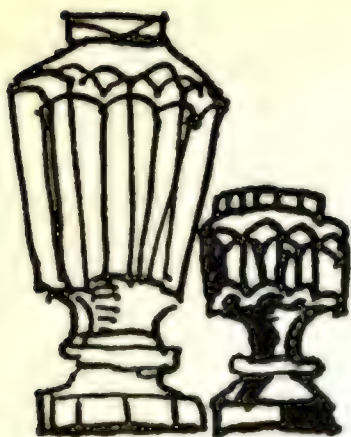

Близко от Карпушихи был Ломовский рудник. Там руды было много. Тоже случайно на рудное тело наткнулись. Большой поселок был — 500 человек жили. Как Карпушиху закрыли, так у речек Пьянка и Ломовка шахту открыли. Сейчас ее «Победой» зовут.

Зап. в г. В. Тагил от Долгорукова 1903 г. р.

Рассказывают, что первым на будущем прииске «Красный Урал» открыл платину в породе старатель Ивановский. Он долго держал свое открытие в тайне и пользовался один. «Опять у Ивановских мак толкут», — говорили соседи, прислушиваясь к стуку в сарае. А это он дробил в ступке платиновую породу. Ивановский все же проболтался кому-то о своей находке. Рудную жилу опеча-

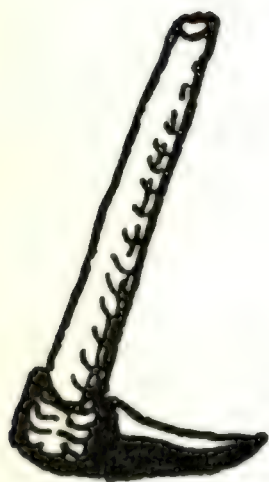

тала полиция. И досталась она богачам Демидовым. Разорившийся старатель нанялся в демидовские рудники рабочим поднимать породу из шахты, дробить руду.

Из очерка уральского писателя А. Бармина «Золото и платина» (Уральский следопыт, 1935. — № 9. — С. 39 — 41).

С самого начала приисков старатели искали золотую веревку. Золотой веревкой называли жильную платину в отличие от платины россыпной. Но искали, не могли найти. Нашли уже при советской власти в 1923 г. Нашел ее Голицын.

Зап. в пос. Черноисточинске Пригородного р-на от П. С. Щелокова.

А здесь, на приисках, опять другое было дело. Здесь металл гнездовой, а не жильный. Как попадешь на гнездо — никуда не девается. Найти только надо было. Вот у Егора Степановича как раз случай был. «Иду, — говорит, — раз по речке Мальчовке. А уж вечер был, туман потянуло. Вот и слышу, что кто-то кайлу бросил — сбрыкал стук-то. Думаю, кто-то старается. Ну, подошел — никого нет. Потом стал шурф на этом месте бить — оказалась богатая платина».

Речка Березовка есть — тоже рассказывали. Так там все петух пел. Потом попадали там самородки — как есть петушок.

Зап. в пос. Кытлым Ново-Лялинского р-на от Г. А. Ощепкова, 1880 г. р.

В Калате (теперь — г. Кировград) рабочий медеплавильного завода копал у себя огород под картошку. На лопате вывернулся желтый кварцевый песок. Рабочий шутя сказал жене: «Похоже, золотистый! Не помыть ли?» Она бегом за ковшом. Ну, раз ковшик в руках, так надо потряхнуть стариной — рабочий был раньше старателем. Промыл — и грам-

ма два получил с первого ковша. Теперь каждый день копается понемногу в своем огороде.

В Березовском заводе один житель менял дощатый настил под сараем. У самой поверхности увидел кварцевую жилу с богатейшим золотом. Всю жизнь по этим доскам ходил — ничего не знал. Заявил в трест, ждет премии за открытие.

Был такой случай. Старатель дробил около шахты породу в мелкие куски, чтобы удобнее сыпать под колеса бегунов на паровой дробилке. Под себя подложил увесистый обломок — устанешь целый-то день на корточках! Работал нехотя, руда, видать, бедная. Тут дождь полил, старатель скрылся под навес. А после дождя к обломку подошел штейгер. Подошел, взглянул на обломок да как схватит его и бегом в контору, сгибаясь от тяжести!

Дождь обмыл камень, и платина из него кругом выглянула такими большими серыми тараканами. А старатель на себе волосы рвал, — проворонил премию!

Извлечено из очерка уральского писателя А. Бармина «Золото и платина» (Уральский следопыт, 1935. — № 9. — С. 39 — 41).

Золото мыли в Северушке. Хозяином был Макарыч Уфалейский. Рабочие работали, все больше вдовы да сироты. Шахты часто водой заливало, гибло много людей. Остался там стул золота. Из-за воды взять не смогли.

Потом уже с Уралзолота приехали, установили два котла; хотели стул добыть, но из-за воды не удалось. Так оно и осталось там.

Каждый год геологи приезжают, выпрашивают про него. Да, видимо, не выходит ничего, да и невыгодно, видно.

Зап. в с. Полдневая Полевского р-на от А. И. Булатовой, 1900 г. р.

Золото на Азов-горе

На Азове в пещере жили разбойники (теща видела эту пещеру заваленную). Проходила тут Московско-Сибирская дорога. Купцы ездили на лошадях по ней. Их-то и грабили разбойники. Когда открыли рудник, появилась полиция. Они и стали теснить разбойников. Люди считали Азов-гору волшебной. С разбойниками жила девка, была она у них то ли кухарка, то ли сожительница. В пещере у разбойников оставалось много золота. Люди говорили: свеча горит, значит, золото.

Когда разбойники уходили, спасаясь от полиции, старший атаман спрашивает: «Кто же золото будет сторожить?» И вызвалась девка Азовка золото охранять. Видели люди девку Азовку, когда она сгребала сено граблями. Они спрашивают: «Где вход в пещеру?» А она только приговаривает: «Вот вам грабли, вот вам грабли». Пошли от нее, смотрят — яма глубокая, а там слиток золота. Спустили одного человека, он его долбил и не мог ни кусочка отдолбить.

Зап. в г. Полевском от Г. Ф. Безбородова,
1892 г. р.

Сперва жили на Азов-горе вовсе и не разбойники, а мирные люди. С купцами торговали, что по дороге рядом ездили. А потом пришли сюда разбойники. Они услышали про золото. А мирные-то люди не знали, что тяжелые камни, рядом которые валялись, — золото. И когда защищались от разбойников, бросали это золото.

Всех разбойники перебили, осталась одна девка, и заставили разбойники ее у себя работать.

Зап. в г. Полевском от С. Т. Чуркина,
1920 г. р.

Кроме золота добывали здесь и хризолит. Это ценный зеленый камень. Залегает обычно на глубине четырех метров от поверхности. Ценится он дороже золота. Золото тянет шестнадцать килограмм, а хризолит двадцать килограмм. Шел хризолит в основном на украшения — на кольца, браслеты, иконы. Отсюда его даже отправляли в Америку. Церковь местная его покупала на украшение. Богатая была церковь. Золото, камни покупала, украшалась. О хризолите я такое слышал от дяди. У Николая Кремлева была хризолитина, величиной с кулак. Как она ему досталась, не знаю. Бывало, вытащит он ее из сундука, посмотрит, полюбуется на нее и опять положит.

Зап. в д. Полднейой Полевского р-на от
Д. А. Вишнева, 1895 г. р.

Наша деревня в основном курени жгла, в Сысерть возили уголь. Это уже на моей памяти. А при наших стариках хризолиты добывали больше казной¹. Но и я еще помню хризолитчиков. Раньше говорили, что землю даже в огородах брали да мыли, находили хризолиты. А было время, когда хризолиты и вовсе в ход не шли, так тогда они прямо на улице валялись, и никто их не подбирал: камень и камень, камней везде много всяких. Добывали хризолиты так же, как и золото, только споласкивали по-другому. Хризолитчики хорошо робили, ну и хорошо пировали.

Зап. в д. Полднейой от С. Ф. Рябухина,
1893 г. р.

Про хризолиты слышал я от стариков наших. Шибко давно это было. Два старика полдневских натакались на хризолиты, намыли два мешочка неболь-

¹ Добывали казной, т. е. от государства.

ших, повезли в Екатеринбург продавать ли, сдавать ли, а их не берут. Ну, они приехали в деревню да и бросили эти камешки в воду. Что с них толку! А потом поняли, что камень этот цену имеет. Казна стала мыть, ну и по-частному разрешили. Говорят, мыли их по речке возле деревни. Найдет кто камешек, на ладони покрутит да скорей на блюдечко, либо в баночку какую да в воду. Слышал я, что на солнце хризолит цвет свой настоящий теряет, так лучше его в воде держать. Так вот, каждый моет и в воду его скорей. А по бережку уже покупатели ходят, ценят каждый камень. Тот дает восемьдесят, тот девяносто, тот сто рублей. А потом казна запретила частникам мыть. Ну, хризолитчики крадчась мыли. Их с собаками караулили, лупили плетями, если поймают. Все равно мужики ночью на казенные места пробирались, крадчась породу имали, а уж днем где-нибудь в лесу у ручья промывали.

Зап. в д. Полдней от Я. Д. Раскостова,
1897 г. р.

Долго я на хризолитах робыл. На них робыли — не тужили. Хризолит — он веселый камень. Красивые камни — зеленый цвет. Мыли их, хризолиты-то, как золото мыли. Бывало, целую неделю работаешь — ничего нет. А бывало, выйдешь, и он, хризолит-от, тут как тут. Один раз на заимку приехали, двенадцать километров от Полдней, за им. Я стал лошадь распрягать да и нашел камень. Восемьдесят шесть рублей за него получил.

Сначала, когда их нашли, хризолиты-то дешевые совсем были, а потом в цену вошли.

Зап. в д. Полдней от Н. А. Костина,
1887 г. р.

Об аметистах

На Верхнем Тальяне робили, рассказывал Григорий Никонович Конев о своем дедушке, у них глубина шахты была 12 метров. Ничего не попадало, артель вся разбилась, а потом Василий Никонович и говорит Никону: «Пойдем, Никонка, на Тальян, я сон хороший видел». Пошли на Тальян и нашли занорыш аметистов. Когда потом разложили на столе, то они как огонь горят. Слышал, в старое время церковь была, старатели завещали богу пай: была одна икона Прасковьи Великомученицы, на ней много было граненых камней.

Зап. в с. Мурзинка, Пригородного р-на от Н. В. Конева, 1929 г. р.

Малиновая шерла

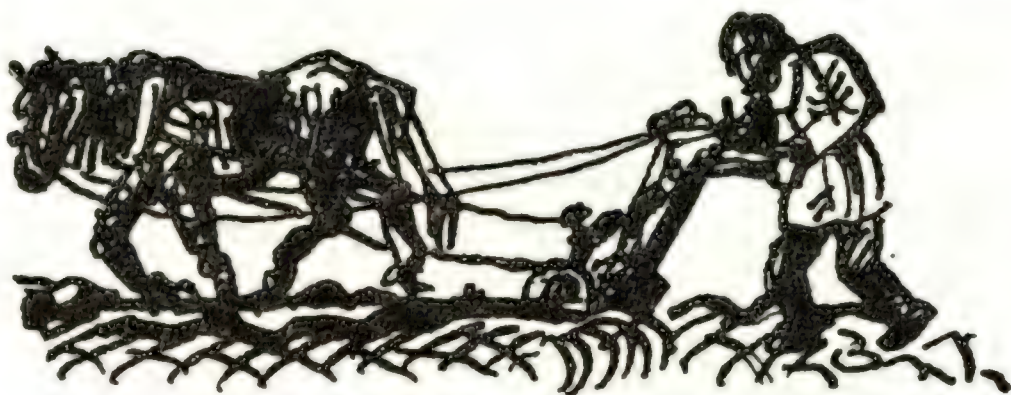
Мне теперь семьдесят два, а на двадцатом году, как я женился, у нас один человек, Русин Петр Родионович, пахал пашню и выпахал малиновую шерлу¹. Видно, вымет ее был, самый верх. Там, вниз-от, в камне пойдет как бочка, а от ее в стороны как корни от дерева. В их — мякоть, мягкая глина, а в ей камни, как панки (рассказчик показывает на большой палец правой руки). В бочке этой шерлы так туго набито, что не знаешь, куда ломок засунуть, кое-как засунешь. И как разворишь, камень-шерла так и рассыплется. С виду иной камень и ничего не оказывает, а как его огранят, так он так засияет, ну, скажи, прямо глазам больно. Ох, и камня что этого раньше не было! Прямо тарелками, шапками продавали. Как он, мужик-от, выпахал, дознались, пошли искать. Все вымета находили,

¹ Шерл — ценный камень, черный турмалин; рассказчик называет шерлой розовый (малиновый) турмалин.

а по ним и до жил... Когда верховик-от вырбили, пошли вглубь. А там вода появилась, работать стало нельзя. Тут какие-то приехали, два копра поставили, стали воду откачивать. Только уж мало шерлы стало попадать, так породу зачали добывать. А порода-то очень красивая, всякая. Давай добывать, в ящики складывать да отправлять куда-то.

Только наши липовцы мало кто нажил-ся на этом камне. Перекупщики же нажились... Приедут, вина навезут. Дадут сколько-то денег да вином напоят. Приезжали южаковцы, сизиковцы. Они домов потом каменных настроили, а у нас разве что один только разбогачел. А до того, как талану-то объявиться, что было! Робята в сумерках поедут в лес с конями с ночевкой. Утром соберутся и давай рассказывать друг другу, что им мстило. Один рассказывает:

— Слышу я, ровно баба где-то как по покойнику причитает, так причитает, заливается слезами, причитает. Вот в той стороне...

А другой:

— А я опять слышал, как вон в той стороне ровно как свадьба идет. Колокольчики так и брякают, звенят, звенят — только звон звоном стоит.

Ну, конечно, все это к тому было, как талану вышло вскрыться, объявиться. Он, Русин-от, борозду чистил последний раз и в ту пору нашел камень, на вымет напал. Пришел к мужикам — он вроде как не совсем умом-то был, —

принес и говорит: «Какие-те камешки нашел...» Тут народ и бросились. Каменщики первым делом, кто знает. Намыли пудовками. Приедут с поля и рядятся мерой, а не так, чтобы по камню, как южаковцы. Особенно нажился коло камня Василий Лович, шайтанский.

Зап. в д. Липовке Режевского р-на от
П. Е. Минеева.

Редкое это дело — самородки. Но нет-нет и везло золоторям на них. И вот что странно. Все они формой своей похожи на животных: собаку, лошадь, корову. Самый большой самородок, про который я слышал, весил пятьдесят граммов и тоже походил формой на животное

Зап. в с. Полдневом Полевского р-на от
А. И. Курицына.

Недалеко, за пекарней, за чайной расположены Зеленые горы. Говорят, в этих горах находится золотая свинья. Найдёт её парень, у которого нету отца. Только в глухое время можно её видеть, и не всем, а особым она покажется. Вот как столбы пламени показываются, где золото, так и свинья показывается. Тут только столб пламени может помочь её найти. Где столб, там и она.

Золото признаки подаёт. Сидим мы как-то дома, в избе. Я говорю:

— Анатолий, ты слышишь, как часы ходят?

— Слышу.

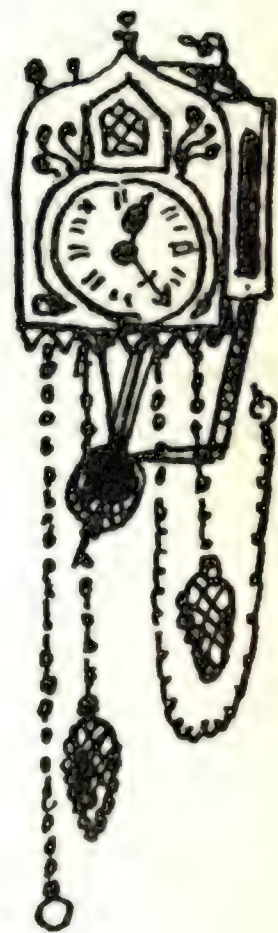
— А ты, Люда, слышишь?

— Слышу.

А часы стоят. Видно, золото признаки подавало.

А не то в красном платке женщина ходит, — под этим домом золото, значит. Я насчёт этой женщины точно не могу сказать, а насчёт часов точно!

Поехали за кормом для коров по Краснопольской дороге. Наложили, поехали назад, а смотрим, где Митревская шах-

та, недалеко от Коневой, — столбы пламени разливаются. Там золото богатое. Время вечернее было. Ну нигде никого нет. Отъехали подальше, стали подъезжать к селу, уже не видно стало. Я пока жива, все помню.

Зап. в с. Коневе Невьянского р-на от
Е. С. Казанцевой, 1912 г. р.

Конева на золоте стоит. Где золото, там и показывается. Я пошла по ягоды, беру, вижу: старик в шляпе, а лица-то у него не вижу, он нагнулся и руками что-то перебирает. Страшно мне стало. Прибежала домой. Меня спрашивают: что рано пришла? «Дедушка, — говорю, — какой-то мне показался». А тут золото оказалось.

Грибы брала там, где поварня сейчас, режу грибы, а сзади меня стоит мужик в синей рубахе, палка ли, ружье через плечо; побежала, а грибы попадают, еще наклоняюсь, беру грибы, оглянулась, а он опять за мной. Тут уж и грибами попустилась. Не помню, как домой прибежала.

Зап. в с. Коневе Невьянского р-на от
А. Т. Казанцевой, 1900 г. р.

Вся Шурала старатели были. Все золото искали. Вот если б можно было сейчас единолично, так старички некоторые покапывали бы.

У меня вот в задней избе мой дед раньше жил. Спал он, спросонья видит, из голбца вылезли три девицы. Русые все три и красивые, говорит. Он испугался и убежал, потом уж вдвоем зашли, а никого уж нет. Говорят, в голбце копать надо, самородки должны быть. Изба-то старая, копать надо метров на двадцать пять, не стали избу-то рушить.

Зап. в д. Шурале Невьянского р-на от
Н. И. Заркова, 1902 г. р.

Тятя мой робил старателем. А я тогда еще маленькая была. И вот стали ему являться какие-то видения. Раз он приходит вечером домой, зашел в избу и слышит, кто-то во дворе возится и кряхтит. Он вышел во двор и видит, что по двору ходит свинья. Отец удивился, откуда она могла попасть к нам во двор. А свинья какая-то особенная, страшная. Только отец хотел к ней подойти поближе, глядь, а свиньи-то нет, пропала, будто ее и не было совсем. Говорили, что если где эта свинья появляется, то там надо золото искать. Так вот под нашим домом, может, тоже золото лежит.

Зап. в д. Шурале от М. Д. Серебряковой, 1905 г. р.

Работал я в Обжориной, в Лукавом логу, золото добывали. Золото там с пережимами. Идет, идет жила, а потом раз — и нет ее. Потому и лог Лукавым назвали. Золото там явное было. Сказывают, некоторым овечка блазилась. Вот там-то и золото в самородках находили.

На золоте всегда много змей живет. Они все на россыпном не показывались, а на жильном. На жильном золоте ковшика два за день наработывали, жильное-то золото молоть надо.

Зап. в д. Шурале от А. М. Серебрякова, 1896 г. р.

Свекровушка рассказывала, что в Обжориной за огородами у них выходил козел. Как двенадцать часов ночи, так он стоит за огородами. Ребята говорят: «Ой, бабушка, козел стоит». А потом люди им стали говорить, что золото тут, вот козел и мерещится. И стали искать, и нашли. Где золото казалось, тут жила Овчинникова Александра Ивановна. И все тут вылезали змеи. Змей тут ужасно было. Змеи на золото вылезают, видно.

Зап. в д. Шурале от Н. И. Кичигиной, 1902 г. р.

В Шурале раньше много было золота. Да и сейчас под избами наверняка золото лежит. Когда мой тятя на драге на приисках работал, случился один случай. Через эти места мимо Шуралы шло целое стадо змей. Люди видели, как они шли. После того в этих местах стало золото появляться.

Зап. в д. Шурале от Ивановой, 1904 г. р.

Про Комариху

Сказывают, была какая-то Комариха, Комарова, значит. Она помогала старателям золото искать. Ее на этом месте ломало. Где сейчас Левиха, ее сильно ломало. «Здесь страшный материал лежит», — говорила она. А тут ее опять на Осиновке ломало. «Жар, — говорит, — здесь лежит». Только шахту там пробить не могли, выживало забойщиков. То камни на них полетят, то плахи. Так и забросили это место. Есть у нас Душная грязь. Ложбинка так называется. Говорят, Комарову тут тоже шибко ломало.

На Левихе раньше черника росла. Колчедан светился на шахтах, как звезды. Этот рудник еще помещик организовал. Меди там самородной попадало полковша в рудный ковшик. А настоящие-то разработки на Левихе уж при советской власти начались.

Зап. в пос. Черноисточинске Пригородного р-на от И. С. Малкова, 1874 г. р.

В старое время жила в Черноисточинске Комариха. Дом их был на углу, где сейчас стоит киосочка-ожидалка. В молодые годы жила она у богатых Треуховых. Однажды она пошла в подвал, где были платина и золото. И ей помешался пожар. Она закричала: «Горим!» А пожара-то не было. Что за инстинкт такой! Ей приходилось с мужем ездить через Левиху, про залежи

которой еще никто не знал, а как доезжала до этого места, становилась беспамятной, и впоследствии здесь открыли богатые золотые залежи Левихи. Она говорила: «Если здесь выбить шахту, достать одну бадью, то полбадью будет золота». А. И. Шмелеву она говорила: «Не там, Абрам Исаич, стараешься, а здесь надо». И Шмелев построил домик на Комарихино золото. Этот домик стоит и сейчас.

Зап. в пос. Черноисточинске от А. А. Матвеева.

Слышал я от дядюшки Тита Васильевича, что жила одна старуха. Ей казалось, что, где золото, там жар горит. Повезут ее старатели. Она и говорит: «Здесь маленько жару. Это только дымок! А здесь давайте начинайте». А жила она в прошлом веке в нашей улице, с приходу.

Зап. в пос. Черноисточинске от Е. М. Цыпушкиной.

Раньше, когда нас еще не было, змеи шибко страшные были. Говорят еще, летом в трубу залетали, золото носили. Золота тут много было. Золото за вершком, да вот не пищит. Может, по нему ходишь, да вот не знаешь.

Зап. в г. Березовском от Н. П. Дементьева, 1901 г. р.

Золота в нашей местности много найдено, но это еще не все. Был у нас один человек, старичок Артюша. Он знал все места, все клады, но не каждому их открывал, а лишь смелому да удалому. Куда он теперь делся, про то никто не знает, но доброму да нежадному он нет-нет да и покажет клад. Только примечать надо, где увидишь клубок змей, смело подходи к ним и рой в том месте. Не испугаешься, так и клад добудешь, а не пожадничаешь, так и счастье придет.

Зап. в г. Полевском от А. Д. Храмцовой, 1905 г. р.

Вот что Бажов-то выдумал! Огневушка-Поскакушка попляшет — и золото появится. Если золота нет — то пляши не пляши — не найдешь. Тут не попляшешь — золото искать надо. Поработал я на платине, на золоте. Приглядим место, пробьем — ничего нет, второе — снова нет. Вот мне давно ученый человек рассказывал: надо измерить расстояние от вершины горы до другой вершины. И на самой середине копать — вот там и будет золото. А то выдумал — девчонка попляшет, и золото появится.

Зап. в г. Полевском от И. М. Медведева, 1883 г. р.

Сказывают мужики: поприметили они вечерами, что свеча горит на Азов-горе. Утром собрались кто посмелее и отправились; пришли, а там золото. С тех пор повелось: там, где вечером свеча горит, утром золото находят.

Зап. в г. Полевском от Г. Ф. Безбородова, 1893 г. р.

Раньше суеверия были разные. Говорили, где золото, то девка красивая покажется, то огонь загорается, то змеи кучами выходили, если близко от воды. Что-нибудь да казалось.

Зап. в д. Полдней от Н. Г. Тупицина, 1904 г. р.

Если свечка горит — золото, клад. Тоже от стариков я слышал. В Уфалее мы были. Увидели на другом берегу свечку. Поедут в ту сторону — ничего нет. Вернутся обратно — опять на той стороне свеча горит. Так и не могли они засечь, где свечка горела. Не показалась она им.

Зап. в д. Полдней от И. П. Вишнева, 1899 г. р.

В Кунгурке слышал от стариков: если свеча горит — значит, богатое золото. А еще так узнавали, есть ли золото: берут шляпу, катанную из шер-

сти, если она падает кверху дном — копают золото, если наоборот — не копают, идут дальше. Наука была тогда слабая, тогда так делали.

Зап. в д. Полдней от А. М. Булатова.

Это у нас здесь было, на Семеновском. Я от стариков слышал. Там были намыты гали. Побежали купаться. Прибежали, а там змей клубок — целая яма. Мы, говорит, прилетели обратно без души. Старшим сказали. А когда мужики пришли — ничего нет... А потом там золото мыли, богатое золото было. Только воды там очень много, бросили потом — трудно работать без машин.

Зап. в д. Полдней от Н. Г. Тупицина, 1904 г. р.

Был Гилев Иван Яковлевич, охотник-медвежатник, лесник. Около 40 медведей за жизнь добыл. Верил в лесного и удачу. Он рассказывал, что ему показывался въявь лесной на реке Даньковке.

Занимался приискательством. Рассказывал как-то: «Лежу я спокойно на полянке, около избы. Гляжу, по лесу шум пошел, как вихрь. «Ого-го», — кричит. Я был не трус. Приподнялся. Гляжу, выходит барышня, вся в шелковом. Высокая, стройная, подол тащится шлейфом, в туфлях, в светло-розовом платье. — Здорово, Иван Яковлевич, как живешь?

— Ничо.

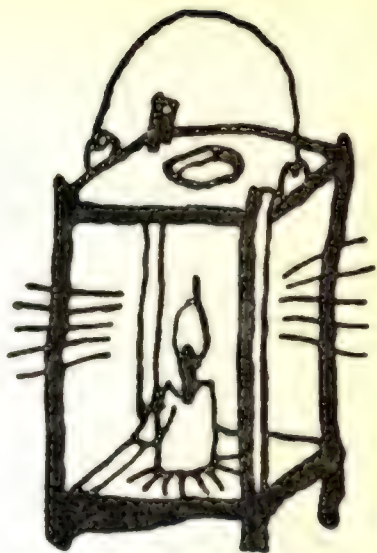
— Как золотит?

— На хлеб хватает и от соли остается.

— А ты по Иверке кверху поднимайся да в сторону слеву. Тут тебе и будут богатства.

Тут пошла по тропинке, рассмеялась, хлопнула в ладоши и ушла. И правда в том ложке начинает золотеть».

Зап. в д. Серебрянке Пригородного р-на от А. Г. Везденева, 1892 г. р.

Один бедняк залез в погреб крынку с молоком поставить. Отодвинул камень, глядь — комок золота с пятак. Дальше посмотрел — крупицы. Начал рыть. Рыл, рыл. По два часа в сутки спал (от жадности), все рыл, с фонарем. До соседнего дома дорылся. Купил дом у соседа за девять тысяч, а дом-от и трех не стоил. Копал, копал. Пока жила кончилась — разбогател сильно.

Зап. в д. Полднейой Полевского р-на от В. Ф. Шадринной, 1895 г. р.

В наших местах золота много. Раньше даже в лесных ручьях его мыли и самородки находили. Говорят, что на этом месте, где золото, обычно рыжая собака сидела. Кто ее увидит, если мимо проходит, сразу копать надо; где сидит, там и золото.

Зап. в г. Алапаевске от М. В. Чечулиной, 1906 г. р.

Я сам-то в 30-х годах работал на Кушмянке десятником. Женщина шла из Павды, слышит, песни поют, а нет ничего. Это просто чудилось. Женщина мне рассказала, что в правой руке поют. Я пошел, шурф прорубил, с метр прорубил, а дальше не стал.

Ушаков, товарищ мой, помер он сейчас, ходил за рябками в тех же годах в ту же логотину. Он набежал на разрез старинный, машерт¹ стоит тут же. Он заметил это место. На другой раз пошел, ну никак не мог нарваться. А разрез порядочный был.

А насчет змея не слыхал. Нету у нас, вообще, змей здесь.

Товарищ мой, Ушаков, работал на Малокозьвинском прииске с артелью. Делянка-то широкая. Вечером вышли по снегу, видят огонь. А он заприметил место, неподалеку от огня стояла сосна

¹ Машерт — вашгерт, станок для промывки золота, платины.

в свету, он поэтому и заметил. Вот платины-то у них не стало, сбились. Он и говорит: «Пойдемте, ребята, пробьем шурф, где огонь-то видели». Пошли вдвоем, пробили шурф и наткнулись на платину. Заработали хорошо. Потрафило им. Платина хорошая была. Вот он благодаря огню-то и нашел.

Между народом слышал, что идут человека два откуда-нибудь, встречается женщина впереди, не разговаривает, ничего, а дорогу пересекает. Тут и надо искать.

Раньше на Банной в балаганах ночью спали, слышат, как пески на решетке протирают, каталь прибежит, который пески из забою прикатывает. Пески шумят, решетки брякают, а утром придут — чисто, как оставили работу, так и есть. А шум слышно, будто робят. Это называлось по-мужицки раньше, что блазило. Ну, только это не на пустом месте блазило, а на золоте.

Зап. в пос. Павда Ново-Лялинского р-на от А. А. Онянова, 1882 г. р.

Был у нас как раз смотритель в Сосновке. Еще в ту войну с немцем. «Еду,— говорит,— из Кытлыма на Сосновку по Тылаю, слышу — женщина ревет. Потом,— говорит,— вижу по ложку-то идет — волосы распущены, голову захватила этак, а сама вся в белом и причитает: «Мужа-то у меня взяли, убили, а я осталась сирота одна». Приезжаю, рассказываю такое дело.— Никого, говорят, у нас не убили, никакой женщины не было. Так я так признаю, что мужа взяли у нее — это вот платину-то вырбили. А сейчас вторые добычи отыскиали — это она сама».

Зап. в пос. Кытлыме от Г. А. Ощенко-ва, 1880 г. р.

На Урале-горе дремучей памятник стоит. А на том памятнике надпись высечена: «Стукни меня три раза по голове, и получишь клад». И много вокруг того места палок, елок поломанных валяется, потому что многие люди здесь счастье пытали. Но того они не знали, что только по тому месту ударять нужно, куда в полдень тень падает. Так и стоит этот памятник на Урал-горе, а клад все ждет своего молодца-удальца, счастливец.

Зап. в г. Кушве от А. И. Жигалова, 1888 г. р.

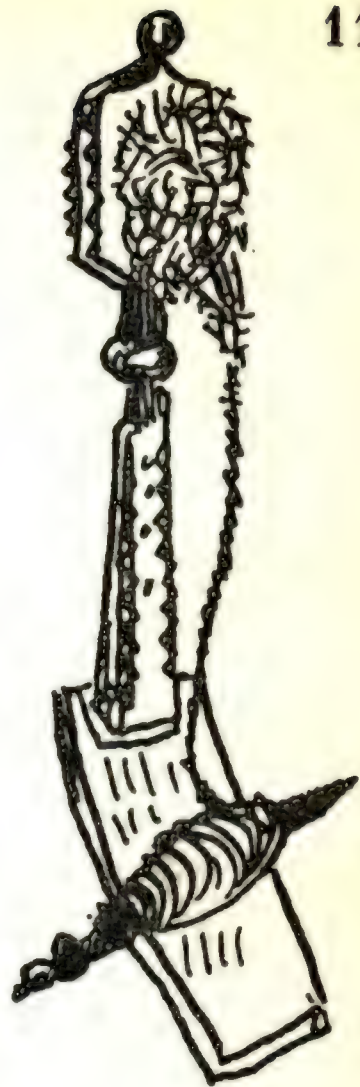
Люди говорили, что есть такой змей трехголовый. Он указывает на те места, где клады лежат. Люди в старину сильно верили в таких змеев. Одни говорили, что такие змеи счастье приносят, другие — несчастье, горе. Золотари об этих змеях много знают. Вот слышала я такой случай. Был у меня один хороший знакомый. Раньше он золото добывал, а года три назад умер. Так он видел такого змея. Шел как-то пьяненький из кабака, идет, песни поет. Глядь, а по небу змей летит огненный. Страшный такой, искры летят во все стороны. Небо светлое от огня его сделалось. Люди из изб повыскакивали. Все смотрят, крестятся.

Упал он где-то в лесу, а через два года нашли в том лесу клад очень богатый. Так вот, стало быть, змей указывает на клады. А если, падая, он рассыплется, то, значит, на том месте клад лежит очень крупный.

Зап. в д. Полдней от И. И. Иванихиной, 1904 г. р.

Крестьянская работа, известно дело, летом, а зимой время пустого много, вот мы и соберемся все бабы в одну из-

бу, кто прясть, кто шить, а кто с другой какой работой. Тут и песни пели, и сказки сказывали, ну и про клады тоже. А этот случай еще я помню. Лесник у нас был один, Егорычем звали. Так вот он однажды, когда по участку своему ехал, вдруг и видит: три сосны особнячком там стояли, так из-под них огненный конь выметнулся. Ну, Егорыч, понятно дело, спужался, приехал домой да и спросил у знающих людей, к чему это. Ему и сказали, что под этими сосенками надо клад искать. В другой раз он нарочно пошел под сосенки, и опять конь выметнулся. «Ну,— подумал он,— ежели и в третий раз явится, то искать буду клад». Сумнения его взяли: клад ведь на известного человека кладется да на определенный срок. А когда срок кончится, клад-от своего хозяина искать идет: то конем огненным выметнется, то овцой, а то зайцем — от величины клада зависит. Дак вот. Когда Егорычу и в третий раз конь выметнулся, решил Егорыч копать под соснами. Копал-копал да до чугунной плиты докопался. Только собрался приподнять ее, а плита от него в землю ушла. Егорыч дальше и копать не стал: не на него, видать, клад положен. А клад завсегда на работного, доброго да удачливого кладется. Вот у нас в деревне, люди сказывали, такой случай был. Жило у нас два соседа. Один-от вот и был работный да удалой, а другой скупой да ленивый. Надумали они клад вместе искать. День искали — не нашли, второй искали — не нашли, на третий-то приходит скупущий к соседу и зовет его клад искать, а тот говорит: «А, не пойду я. Бог захочет дать, дак домой принесет». И не пошел. А скупущий-то побежал клад искать: жадность в нем заговорила. Да зря только и проваландался. А когда ворочался домой мимо соседского-то дома, и вспом-

нил слова, что бог-от сам клад принесет; нашел дохлую кошку на дороге да и кинул ему в окно, посмеялся еще: «На, дескать, клад!» А кошка возьми да и рассыпья золотом. Вот как бывает.

Зап. в д. Северной Верхне-Салдинского р-на от Е. Г. Катаевой, 1880 г. р.

Между Северкой и Салдой есть клад. Раньше, когда леса необитаемы были, там разбойники жили. Ими клад был оставлен и должен быть взят тем, на кого был положен. Ну, находить клады находили, а брать не брали, так как не на их имя были положены. На сколько клад положен, столько и лежал, а потом выходил и хозяина искал. Выходил то овцой, конем огненным, то человеком.

Однажды один человек решился клад копать. Был он лесником. Копал, копал и до чугунной плиты докопался. Стал плиту открывать, и вдруг его что-то из ямы выкинуло без памяти. Значит, не для него клад был положен.

Один клад клал, приговаривал: «Тогда мой клад возьмется, когда берег с берегом сойдется». Мужчина услышал это и землю в шитике перевез на ту сторону и клад взял.

Зап. в д. Северной, Верхне-Салдинского р-на от Н. К. Щибрика, 1898 г. р.

Клад может свиньей представиться. Ее ударить надо, из нее клад получится. Серебро, золото — все раньше было. Клад любой скотиной может показаться.

Зап. в с. Махневе от А. Я. Шаровой, 1901 г. р.

Сказали тут какому-то старичку, мол, баран выходит. Мол, баран выходит — так тут кладок есть. Он и пойдет, глупый, искать. Думает, что много денег, да скажут еще, мол, корчага с деньгами

Пойдет, робит, робит, а там ничего нету.

Зап. в пос. Висиме от М. В. Корляковой, 1876 г. р.

Один старик до того достарался, что хлеба нет. Плохо жил. Идет с работы и задумался: везде он назанимал. «Меня старуха заест, опять ничего не заробил,— говорит сам с собой,— горе мне будет. И исть хочу, кусочка нету дома». Послышит — в стороне ревет барашек. «А вот дай,— думает старик,— я этого барашка поймаю». Он видит его: ой, да какой сытенький. Вот он его подманивает к себе, а барашек близко не подпускает, а все отбегает от его подальше. Вот все отбегает и отбегает, подальше и подальше. Мужичок все за им, и вдруг барашек падает в шахту. Шахта эта — золото добывали когда-то. Мужичок заходит в шахту, смотрит, а барашек там ревет. Думает: что это, господи, такое, что за чудо? Старичок понимал в породе, говорит: какая земелька-то хорошая. А барашек все там ревет. Старичку жалко стало. Вырубил он шестик и думает: «Я по шесту спущусь и там его поймаю». Вот туда спустился. Когда спустился, там оказалось золото. Не барашек, а самородок. Вот это клад! Это старики рассказывали. У старичка-то фамилия Бушин, он в Тагиле построил два каменных дома от этой самородки. Он разрубил ее да по частям и носил. Стал знаться со скупщиками, детей стал учить. Слышал в Тагиле, спрашивали: отчего Бушин такие дома построил? А старики: вот отчего он так расстроился — и расскажут это про него.

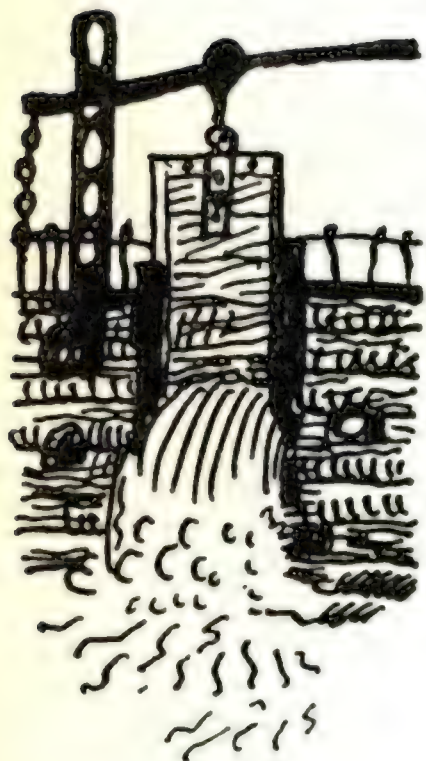
Зап. в д. Б. Лая Пригородного р-на от С. А. Зарихина, 1884 г. р.

Здесь недалеко, за Сергой, две пещеры есть. Много про них рассказывают. Говорят, у Михайлы Губина немец уп-

равляющий был, он к нему от Демидова перешел. Утаивал от Демидова доходы и себе капиталец сколотил. Губин узнал, что у немца золотишко имеется, а жадный был мужичишко, Михайло-то. Вздумал он выследить, где управляющий золото прячет. А немец почуял, что за ним следят, ночью пошел и третий грот-от завалил, там он прятал свое богатство. Да так завалил, что тот камень никто сдвинуть не может. Говорят, от жадности сил прибавляется, так, видно, и тут. Самого немца-то рабочие в пруду утопили, а золото осталось: ни ему, ни людям.

Зап. в г. Михайловске Нижне-Сергинского р-на от Н. В. Селезневой, 1878 г. р.

Сказывал мне отец мой, что, когда он робил на заводе, был у их десятником нашенский салдинский один, имя-то его я уж и запамятовал. Да только шибко уж лютый человек это был, рабочих так и за людей не считал, глумился над ими всяко. А уж о штрафах так и говорить нече, с правого и с виноватого драл. Ну, видно, шибко и поднажил на этом деле. Когда революция-то сделалась, испугался он гневу народно-го, убежал куда-то. Вот отец мне и сказывал, что не все добро, видно, он сразу сумел утащить, а чтобы людям не досталось, собрал грабленные деньги в бочонок да утопил в пруду у старой плотины. Как слухи об этом пошли, бают, которы и ходили на плотину-то искать. Искали, искали, но не слышно было, чтоб кто нашел, а может, кто и нашел, да притаил, но только сумлеваюсь в этом, где там найдешь, глубоко уж шибко.

Зап. в г. Н. Салда от А. Е. Голубцова, 1905 г. р.

Клад-то, говорят, ходит. Огонь горит на том месте. И никто его не хоронил, он всегда в земле был.

Золото там да другие разные металлы. Металлы-то растут. Вот на моей памяти даже землетрясение было.

Зап. в с. Махневе от Е. Б. Смагиной.

По иткульской дороге есть плита, она так и лежит. Она связана с Пугачевым. Говорят, что возле этой плиты жили разбойники, предполагалось, что там разбойники оставили золото, и говорят, что и Омелян Пугачев что-то оставил. Вроде проходили тут войска. Емельян Пугачев грабил-то только богатых, а бедного что им трогать. У него же армия была, а не какая-нибудь банда, и кого попало он не мог убивать.

Зап. в д. Полднейвой от П. А. Сабурова, 1903 г. р.

По Кунгурской-то дороге, как Чусовую переедешь и направо, стояли три березы, на одной березе вырублена подкова, и говорят, что возле этой березы клад был. Раньше-то ведь тоже выпивали. Вот в Полевском сидели два друга, один говорит: «Поставь штофик, я тебе про клад расскажу». Тот поставил штофик, и вот первый рассказывает ему: «Отмерь от березы семь шагов, когда будешь копать, ни о чем не думай, ни с кем не говори». А наш полдневской это подслушал, взял и отправился к этому месту, отмерил семь шагов и начал копать. Копал, копал, попало ему бересто, он стукнул кайлой-то в берестину и радуется, что нашел. Только он это подумал, слышит, на тракте кто-то гонит и кричит: «Берегись!» После этого он больше ничего не помнил. Его до дому довез какой-то посторонний человек, а про клад больше не слышно было.

Зап. в д. Полднейвой от М. И. Тупицина, 1901 г. р.

Твѣрзи
намъ
двери
милости
твоея.

Члѣкъ,
йкштрава,
днй егш
йкшцвѣтъ
сѣлный
тѣкш
шцвѣтѣтъ

Вот какую штуку слыхивал от тяти. Май месяц был. Все цветет вокруг. А на заводе пыльно, да жарко, да душно. Пришел рабочий с завода, лег отдыхать. Подушку розовую на подоконник раскинул, лежит и покуривает. А красота кругом! Умирать не надо. Вдруг какой-то проходящий мужик, прилично одетый, спрашивает у него: «Слышь, а? Богатым хошь быть? Идем со мной». Ну, рабочий подумал-подумал и согласился. Оно, конечно, кому же богатым быть не хочется! Собрался рабочий, сапоги свои большущие рабочие надел, пиджак. Идут они все в гору. Идут и молчат. Вскарabкались. В горе — дыра. Проходящий-то мужчина знаком кивает: «Лезь!» Влез рабочий — а там золота, серебра, брильянтов всяческих тьма-тьмушая. И все сверкает, а брильянты, как молнии, в глаза бьют. Рабочий полнющие голенища натолкал добра этого, в карманы, за пазуху и пошел домой. Вернулся, а дома нет. И никого уж нет, кого он знал и кто его знал. Ведь триста лет с тех пор прошло! Сошел с ума он с горя. Вот и богатство!

Зап. в г. Красноуфимске от М. М. Пастухова, 1883 г. р.

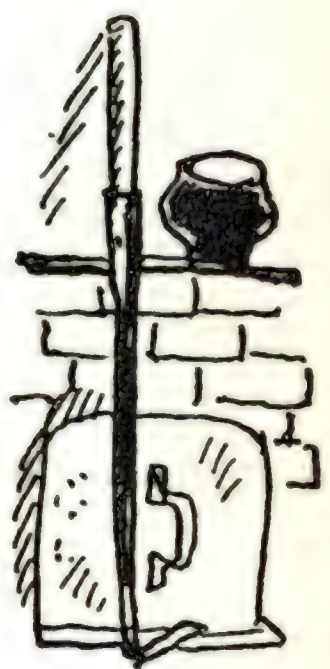
Жили два охотника, они же были и старатели. Однажды они собрались поохотиться. И вот отъехали они от дому на двадцать — тридцать километров. Искали они золото и нашли самородок. И до того он был велик, что они с собой не могли унести его, им потребовалась лошадь. Один из них говорит другому, чтобы тот пошел и взял лошадь, а вместе с ней и еды, то есть хлеба, а он останется караулить этот самородок. Золото у людей вырабатывало жадность. Один из этих охотников приехал домой, отдохнул и решил, что не стоит делить самородок. Он долго ду-

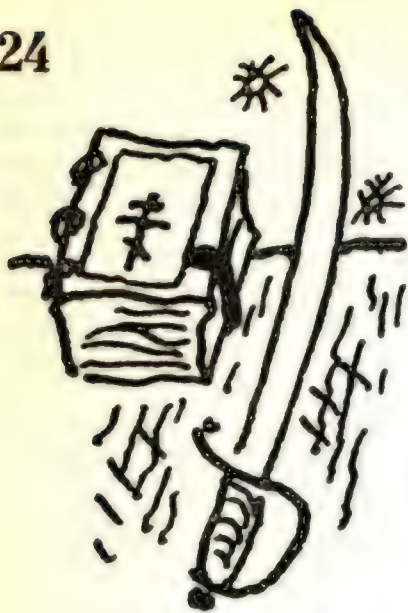
мал, как это сделать, и решил положить в хлеб яд и дать его своему другу. Так и сделал. Но тот, который остался в лесу караулить самородок, тоже решил оставить его себе и убить того, который пошел за лошастью. Так он и сделал. Когда он увидел охотника, подъезжающего на лошади, он выскочил и убил его. Но так как он хотел есть, то взял хлеб, наполненный ядом, и отравился. А золото осталось на том же месте, где оно лежало: оно ни тому ни другому не досталось.

Зап. в г. Березовском от Г. А. Устюжанинова, 1919 г. р.

В одной деревне жили старик со старухой. Дом у них старенький был, развалился весь, и решили они новый построить. Построили новый дом. В первую же ночь, ровно в полночь, из печи вдруг голос раздался: «Лезу, лезу!» Испугались старики. Утром решили, что это им показалось. На другую ночь, в полночь, опять слышат голос: «Лезу, лезу!» Все громче, все ближе. От страха совсем потерялись старики. Стали ходить ночевать к соседям. Вот шел солдат со службы. Захотелось ему переночевать в этой деревне. Постучался он в дом к старикам, на ночлег попросился. «Что ты, милоч, сами не дома ночуем», — ответ ему был. «А что так?» И рассказали ему старики все. Солдат решил узнать, что там такое. Взял солдат саблю, молитвенник и лег спать. В полночь из-под печки голос:

«Лезу, лезу!» Солдат за саблю покрепче ухватился: «Лезь, — говорит, — лезь!» Вылазит черный гроб. Солдат размахнулся саблей и ударил по гробу. Раскололся гроб пополам, а там кусок золота! Поделил солдат золото: половину старикам отдал, вторую себе взял. И все с тех пор хорошо живут.

Зап. в г. Полевском от А. Ф. Зыковой, 1899 г. р.

Жила одна семья. Сын недавно женился, это младший-то. Вот и невзлюбили они новую сноху. А она хорошая была, добрая, работающая. Вот и решил отец отделить младшего сына, выстроил ему дом на конце деревни. Вот переехал сын с женой в дом-от, сын домой обратно ушел, а жену ночевать одну оставил. Спит она на голбчике ночью и слышит шаги. Открыла глаза, а это старик, да какой-то чудной, лезет он к ней на голбчик, она и стукнула его по голове, чтобы не блазил, значит. А старик-от и рассыпался серебром. Вот не любили сноху-то, а она денежной оказалась.

Зап. в г. Полевском от М. А. Полетаевой, 1901 г. р.

Летал к одному богатому мужику огненный змей, притаскивал ему золото. Мужик этот жил богато, а выпаривал он этого змея из яйца три года, под пазухой. Так рассказывают, а может, и не было этого змея, а просто мужик был богатый сам по себе.

Зап. в г. Березовском от А. Е. Федоровой, 1912 г. р.

О Полозе

Полоз — это змей. Показывается много, да не каждому. Полоз в камнях, в пещерах живет. Пещера как ровно выложена камнями. Даже боялись около этого места ходить. Он на зиму, что потребно,

заготавливал. А вот для чего он жил, сказать не могу. Там, где Полоз жил, ничего около этого места не добывали. Говорили, что, если подойти близко, он может задушить либо похитить человека.

Зап. в д. Косой Брод от П. П. Зюзева, 1879 г. р.

Про Полоза слышал. Полоз как пройдет, так после него словно бревно толстое провезли — так продавливают. После него трава остается желтой. А почему желтой? В ём какие-то ядовитые вещества есть.

Зап. в д. Полдней от П. А. Сабурова, 1902 г. р.

Есть такой Полоз — змея большая, метров шесть в длину. Пройдет — листья свернутся и трава как выжженная. У него, у змея, хобот большой, голова над землей поднята. Он может человека захлестнуть и задавить. А богатство указывает ли? Так это, кто его знает, — мы не видели.

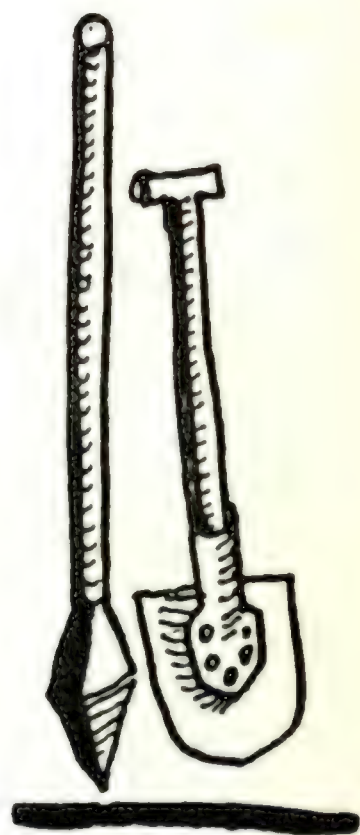
Зап. в д. Полдней от Т. А. Варакина.

Давно слышал. Один мужичок рассказывал, что я, мол, видел, как Полоз прополз, одна сакта¹ осталась. Мужик только это и видел. Про Полоза говорят, что он толстый и длинный. Боялись его все, как бы не встретиться.

Зап. в д. Полдней от Ф. С. Рябухина, 1887 г. р.

Слышал я одну историю про такого зверя. Боялись его все. А один мужик встретился с Полозом. Шел он стараться, золото искать. Весной дело было. Идет лесом, по дороге. Видит, две сосенки стоят рядом и Полоз под ними на солнышке развалился. Испугался му-

¹ Сакта — помятая, пожелтевшая трава, след.

ЖИЗНОДАВ-
ЧЕ ХРТЕ БЖЕ
НАШЕ
СЛАВА ТЕБѢ

жик. Думает: «Если идти мимо него, все равно удавит». А назад возвращаться уже поздно. У него на плече лопата железная была. Что делать? Вскинул он быстро лопату да как хватил Полоза по голове, голова отлетела. А Полоз хвостом как хватил по сосне, так от сосны дым пошел.

Сам мужик испугался до того, что два месяца болел.

Зап. в д. Полдней от Н. А. Прокопьева, 1893 г. р.

У нас покос был на Ржавце. Отец с матерью косили, выкосили, стали суп варить. Он и вышел, Полоз-то. Сами будто видели. Трава сгорела там, где он прошел. Он метров двадцать прошел: ползет — во рту у него копалуха, — прополз и ушел в болото клюквенное... Ползет, а голова-то поднята все время на полметра от земли и в хайле копалуха.

Зап. в д. Полдней от Н. Г. Тупицина, 1904 г. р.

Про Полоза слышал, раньше говорили про него. Жил он в лесу, но прихождение по ночам в деревню было. На снегу след оставался. Многие этот след видели... Говорили еще, что он как будто мог сжигать жаром и у него еще какое-то притяжение было. Притягивал людей.

Зап. в д. Полдней от Я. Д. Раскостоза, 1897 г. р.

Змей связывали с именем Полоза. Полоз оставлял следы на траве. Видели какие-то следы. Кто-то пройдет, остается мятая колея, но никто не видел самого змея. Что-то в этом было таинственное, и связывали с золотом. Таинственным местом, где обитал этот Полоз, было Гальенское громадное болото, простирающееся на десятки километров. Торф, трясина. В центр не пройдешь.

Легенда о Полозе не сочетается с золотом, так как золота никогда не может быть в болоте. Говорят, что Полоз оставляет после себя золотой след, но этого никто не видел. Так что легенда о золотом змее — народный вымысел.

Зап. в г. Полевском от В. В. Хмелинина, 1912 г. р.

Это давно было. Я еще мальчишкой был. На Вараксином логу у нас был покос. Один раз приехали на покос — там, как жердь, выжжена полоса, как бревно протащило горячее. Я у отца спрашиваю: «Тятя, что это такое? Кто прополз?» — «Полоз». А я говорю: «Что за Полоз?» — «А это большая змея, ей не попадайся, она может задавить». И мы боялись даже спать. Я у отца спрашиваю: «А почему тут Полоз прополз?» — «А тут раньше богатое золото было, теперь вынута, может, еще где есть. Вот он и кружает около этих ям». Это все старинные приметы.

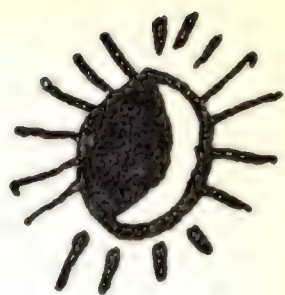
Зап. в д. Полдней от А. Г. Пастухова, 1894 г. р.

Полоз здесь был. Его даже моя мать видела. Трудолюбивая была. Сено на покосе оставлено было, пошла траву посмотреть. Смотрит, а траву всю припалило. Голову змей поднял, как зашипит. Мать километров двадцать отбежала, тогда вздохнула.

А отец у меня золотарь был, знал толк в песке. В Никольском ложке змей лежал, а круг него все белое. Раньше так старатели говорили: «Где змей, тут и золото».

Зап. в г. Полевском от С. А. Борисовой, 1888 г. р.

Про Полоза я, конечно, слышал. Мы жили у одного старичка. Он рассказывал, что его дедушка видел Полоза. Он метров десять длины и толщиной с бревно.

Л

Лѣта наша
ѣкко паучѣнка
поучахъся.

Еще другой старичок рассказывал. Это в Уфалее было. Полоз прошел по Ивановскому прииску, там потом золотые россыпи нашли. И мой дедушка повстречался с Полозом на покосе. Где он прошел — трава опалена была. Дедушка мой потом долго болел — испугался очень.

Полоз, возможно, есть такой — я не опровергаю!

Зап. в д. Полдниковой от А. М. Булатова.

Полоз — это как змея, голова у него змеиная, на шее белый галстук. Шипит, тоже как змея. Если осердится, так надувается, делается толстый-толстый. Жил в лесу, в горах. На людей не нападал, если они его не тронут.

Змей много там, где золото. И Полоз там не живет. Он хлеб ел. Кто в лес идет, уж носи с собой хлеба, вдруг Полоз встретится. Я сама несколько раз его видела. Ходила по ягоды. Батюшки, змея шипит! Скорее хлеба ломаешь да бросаешь, он ест. А в то время уж убиваешься.

Убивать Полоза нельзя. Если убьешь одного, то другие Полозы в дом приползут, всю скотину передавят. Уж непременно выведут скотину. А если кто его не трогает, и он не тронет. Питался он травкой, корешками.

Зап. в д. Полдниковой от Ф. И. Шептаевой, 1888 г. р.

Раньше в Полевском было много золота, а сейчас нет, а все потому, что змей Полоз жилу отвел. Нашли полдневские мужики жилу и стали то золото мыть, а полевские узнали и пришли на ту же жилу. Повздорили между собой мужики крепко, до кулаков дело дошло. Вдруг выполз Полоз, обогнул мужиков кольцом и провалился сквозь землю. Опомнились мужики, помирились, да уж поздно было: отвел Полоз жилу. С тех

пор и не стало золота в Полевском, сколько ни искали.

Зап. в г. Полевском от А. А. Антроповой, 1910 г. р.

Слышал я, люди про Полоза рассказывают. Говорят, будто Полоз указывает золото. Если человек хороший, то Полоз покажет ему, где золото, а если плохой — наведет на ложный след.

Когда Полоз ползет, то после него остается золотистый след. Сказывают, многие теряли голову от этого золотистого следа. Начинали копать, но ничего не находили. Главное — это заметить место, где Полоз исчезнет. Там и золото. Не правда, конечно, это.

Зап. в г. Михайловске от А. Ф. Щипанова, 1890 г. р.

Про горную матку

Было дело. В артелях работали, спали в бараках, только и было — сказки.

Знал и я сказки-то... В армии, в роте, первый сказочник считался. Бывало, в карауле, чтобы не дремать, все сказки рассказывали. Так ведь взводные меня — тот к себе, другой к себе тащит. Знал я много. А как революцию-то провел — все сказки отставил.

Много про тайную силу слышал от стариков, да перезабыл.

В Троицком еще жил, так слышал такое дело. В Кизеле будто найдена такая комната в шахте. Внутри бархатом обита черным, золотом, камнями разными дорогими украшена. Матка горная, что ли, там жила. Начальство эту находку в секрете держало.

Тоже вот такое рассказывал один смотритель, он на Коршуковской шахте был. Приходит будто в забой к шахтеру, скажем, штейгер или смотритель и распоряжается. Ругат и даже вот колачиват кого, бывало. «Ты, — говорит, —

чо за крепью не смотришь? Ребятишек осиротить хочешь?»

А то к конюхам. Тех опять за то, что овес от лошадей воруют. «Ты что, — говорит, — отработаешь и наверх, а лошадь пока не околеет, света не увидит». Вот они на другой день пойдут извиняться к тому начальнику, который их ругал. А тот в тот день даже и к шахте не подходил, оказывается, не только какое распоряжение давать. Вот будто это тоже матка приходила.

А то вот еще могу сказать. Товарищ — он на шахтах в Кизеле робил — так сказывал. «Нас, — говорит, — человек двенадцать сидело у ствола, клеть ждали. Молодежь все, ну и давай разводить разные прибаутки — пошел хохот. Тут как подымется вихрь — так и потянуло всех к стволу. Старики, которые тут подошли, давай нас отчитывать. Оно ведь в шахте не то что матерок какой, петть и то нельзя было. Не любила этого матка.

Отец и мать мне еще рассказывали, они сами-то бисертские. Там золотые промыслы были. Вот мать и говорила: — Раз стою ночью, гляжу на соседнюю шахту. Часов в двенадцать пришла женщина, вся в черном, а перчатки белые, и в шахту спустилась. А утром-то воротовщик туда пал. Сперва, значит, поблазнилось, а потом жертва получилась. Здесь-то мало слышать такого. Старинного нет ничего. С 91-го года электричество на прииске — какая уж тут тайная сила.

Зап. в пос. Кытлыме Лялинского р-на
от Г. А. Ощенко, 1880 г. р.

Про работу и жизнь старателей

131

Старатель — от страдатель слово произошло...

*М. М. Фирстова, Г. П. Цыпушкин
из Черноисточинска*

Старатель — общее слово, под ним подразумевается очень многое: крупный старатель, который сам не работал и эксплуатировал людей, рабочих; и мелкий старатель, который работал своим трудом на пару с кем-то, но их называли горными шаромыгами. Шаромыга жил очень тяжело: он селился в землянке, где сплошные нары, спал без всякой подстилки, а питался очень плохо: картошка и сухая рыба. Жизнь была не как старателя, а как шаромыги-страдателя.

Зап. в пос. Черноисточинске от Г. П. Цыпушкина, 1902 г. р.

Раньше у нас тут золото мыли. Было оно здесь, водилось. Может, и сейчас еще не перевелось, да не добывают его. Тятя у меня тоже старателем был. Работа эта тяжелая, маялся.

Плывет по реке плот, на плоту — вороток, а с плота совок специальный спускают. Им породу со дна загребают. Поднимут — и на грохот, промывать. Долго промывают. Золото — оно тяжелое, вот и остается. Да не все. Пропадает тоже много его. Кустарное ведь все, неловкое.

Работали всей семьей. Бабы на воротке обыкновенно стояли. Ну, а мужики уж все остальное. Уезжали на неделю. Избушки в лесу стояли, вроде покосных. Там и жили. Вечерами-то молодежь песни поет, игры играет, костры жгут. Весело было.

РАБЪ
ТВОЙ
ЕМЪ
АЗЪ

Найдут золото, сразу верхового за водкой в деревню посылают. Мужики наденут красные рубахи и пируют, гуляют. Все и пропьют.

А на следующей неделе золота-то и нет. Вот и пошел с сумой. Ненадежное дело это было. На удачливого. Люди и бросали, на завод шли, на лесозаготовки.

Тятька тоже бросил — лес рубить пошел.

Зап. в г. Н. Салда от Н. С. Лукьяновой, 1899 г. р.

Дедушка Логинов тут робил: одна нога — в пиме, а другая — в обутке: ходить не в чем. Здесь, в Березовском, жили, теперь — Октябрьская улица. С моим отцом вместе старался. Засадил раз кайлу, у него и заскрипело. Посмотрел — золото, самородок, значит. Привез к Бойчихе (Бойцову купчиху у нас так называли). Она взяла все золото и дала ему воз муки и из одежды самую малость. Он-то неграмотный был, цены настоящей не знал. А мать-земля с ним рассчиталась.

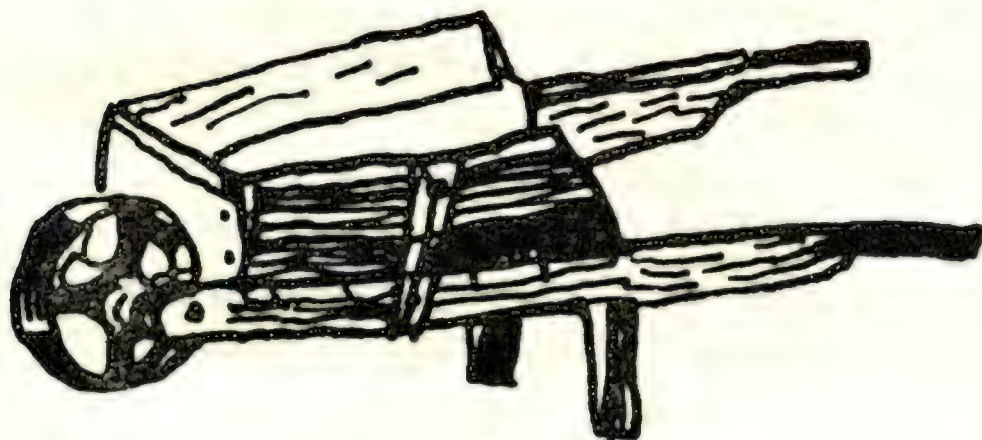
Зап. в г. Березовском от А. Н. Лопаевой, 1902 г. р.

Старатель был один тут — Максимовский. Он, видимо, хорошую где-то нашел россыпь: корчага золота у него была, так говорили раньше. Вот он это золото расходовал. Придет к Бойчихе: ну, Анна, я домой пошел, дорогу надобно! Идет по улице, а приказчик перед ним стелет ситец или сатин, а за ним уж женщины бегут, рвут, кому сколь надо! А то на портянки бархату возьмет!

Ну, а потом все богатство пропил, ничего не осталось. Нищий стал! Это я от отца слышал. Максимовского я и сам знал, только тогда уж никакого богатства у него не было.

Золото добываешь, как в двадцать одно играешь: то выигрываешь, то проигрываешь. Так и у него вышло.

Зап. в г. Березовском от П. А. Шуркова, 1902 г. р.

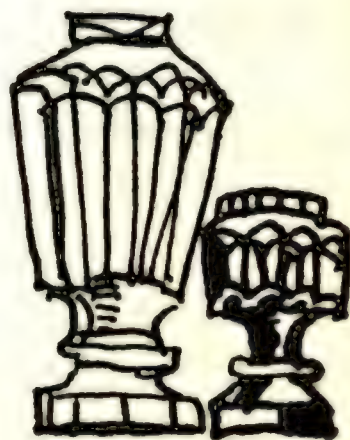
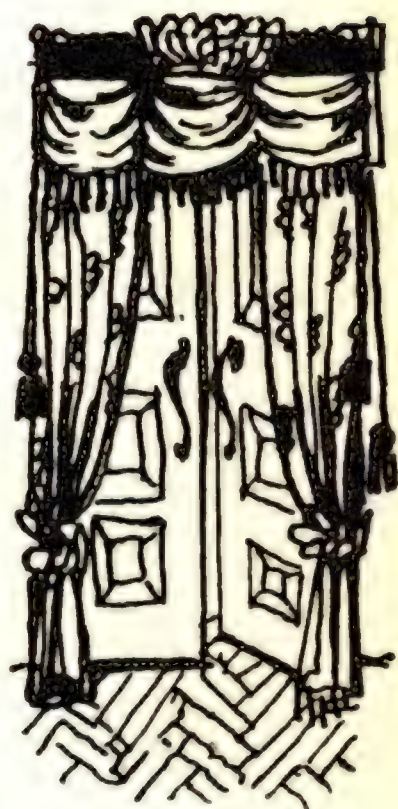
Как купцы обманивали старателей

Старатели сдавали золото в Екатеринбурге купцам Агафурову, Второву, Макарову. Принесет старатель золото, купец возьмет, унесет в другую комнату. А потом возвращается и говорит мужику: «Ты что ждешь?» Старатель и говорит: «Да вот, жду деньги за золото». — «Какие деньги? Я у тебя никакого золота не брал, никакого золота не видел. Вот позову сейчас жандарма». Мужик испугается и уходит. А у другого примет золото и рассчитается. Вот мужики и снова идут к нему сдавать. А он, глядишь, опять кого-нибудь и обманет. Так и наживались купцы.

Как старатели обманивали купцов

Хитрые были старатели! Надо им продать невыгодную делянку, они зовут купца на шахту, а сами перед этим насыпают в шахту мелкого золота.

Приходит купец, берет пробу, а золото, действительно, хорошее. Ну, купец и покупает делянку. Начинает мыть, а золота-то нет, а если и есть, то бедное.

Он бросает дело, а мужик смеется. Но в общем-то купцы реже страдали.

Зап. в г. Березовском от П. Д. Красной-рова, 1903 г. р.

Весь поселок летом уходил на прииски. Работа была трудная. Робили руками. Мыли платину в холодной речке. Скупал платину Левшин. Сбывали фунт платины за три фунта пряников. Ох, тяжело робыли! А за границу продавал Левшин — дорого. Вот и получалось — «Мы с лаптями, а они с сухарями».

Зап. в пос. Черноисточинске от П. Г. Коровина, 1904 г. р.

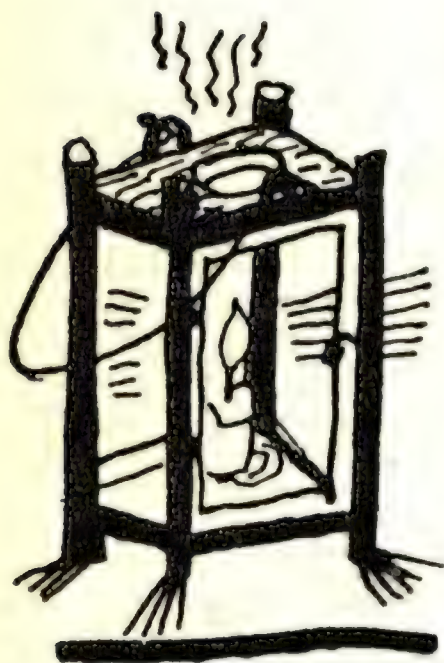
Левшин-то бедный был, с детства по миру ходил. Были здесь братья Черновы, знали они, где платина-то есть. Началась война с немцем, их и забрали. Написали они письмо, где платину искать. Отец-то ихний больной лежал. Письмо и дали прочитать Авдейке, т. е. Левшину. Стал он читать и как дошел до того, где место-то указано, то и заппулся. Пропустил он строчки, где указано, что платина есть. Стал сам стараться, разбогател, каменный дом выстроил. Когда капиталу у него накопилось миллион, он и устроил день миллионера: выкатил бочку вина, кто хочет, подходи, пей!

Когда красные пришли, хотели его расстрелять, да он сумел как-то выкрутиться, бежал в Китай.

А платина-то и сейчас где-то в стенах спрятана.

Зап. в пос. Черноисточинске от Л. И. Лошарева, 1881 г. р.

Денег у старателей полно было. Брата моего женили, так выкуп за невесту был: три таза, в одном — пятирублевки, в другом — десяти, в третьем пятнадцати — и все тазы с верхом. Другой брат вороного жеребца купил за семьсот

рублей и в несколько дней загнал. Что мне, говорит. Семьсот рублей тогда ох какие деньги были.

В бога старатели верили, на церковь жертвовали, когда в 1908 г. Кириллов нашу церковь стал строить. А примет никаких насчет золота не слышал. Моют-моют, то есть оно, то нет. Некоторые на золоте-то так поиздержались, что дрова не на что купить было. Пословица верно была: «Золото мыть — не дрова рубить, дрова рубить — не золото мыть».

Зап. от Д. И. Кириллова, 1898 г. р.

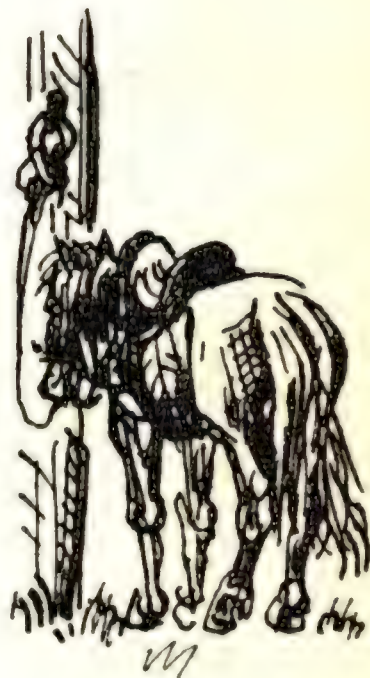
Раньше здесь были старательские прииски. Добывали платину. Люди на приисках жили так примерно: платина подворачивается — жили хорошо. Одевались, ели, коня покупали красивого, сиденье богатое, нагайку красивую. Все у него хорошо. Возвращается домой поздно и стучится в окно, спрашивая: «Молодца или денежки?» — «Денежки», — отвечает жена. Дав денег жене — уезжает, ни слова не сказав, сразу. Снова приезжает домой ночью и спрашивает: «Молодца или денежки?» — «Молодца», — отвечает жена. «А, молодец!» Привозит много подарков. Ботинки с пуговицами жене: «Ну-ка, меряй». — «Ох, муженек, вот на столько велики», — показывает она, на сколько велики. Муж, ни слова не говоря, берет ботинки и в сенях отрубаёт, на сколько велики.

Побыв два, три дня опять уезжает. Вот так издевались над женами.

Зап. в пос. Черноисточинске от А. Р. Якова, 1902 г. р.

Пойдешь на работу, мне вслед кричат: «Куда пошел?» Думаешь: хоть обратно вернись, прокудакал. Другой: «Далеко ли пошел?» Аха, хорошо, — далеко. А «куда» — это самое плохое

Пути
твоя
гди,
скажи
ми

слово. Прокудакал — неудача будет

Зап. в с. Коневе Невьянского р-на от
М. А. Казанцева, 1900 г. р.

Я на Исовских приисках был. У нас вот какой случай вышел. Иван Никифорович по прозвищу Кулага, Никонор Иваныч и Василий Михайлович — прожженные старатели были, жили бедно. У Василия Михайловича и Ивана Никифоровича две лошаденки, у Никонора — ничего. Пошли ширфоваться (шурфы бить. — В. К.). Поедемте, говорит, на Горелое. Василий Михайлович все смотрит по березнику, вилы для сена. То есть расположение веток на деревьях.

— Ой, ребята, вилы, вилы!

— Ну, если вилы — заворачивай обратно, фарта не будет¹.

Зап. в д. Шайдурихе от И. В. Кунгурова, 1897 г. р.

До чего дорабливали старатели, последнюю коровенку продадут. Учение ни к чему, говорили, золото надо искать. Золото мыть не дрова рубить. Дрова рубить — полено отрубишь, так заплачут, а тут день проходишь — ничего нет. Золото-то, оно затягивало. Вроде как картежная игра была — то буди выиграл, а то проиграл.

Зап. в с. Шурала Невьянского р-на от Е. Т. Худякова, 1895 г. р.

Много у Демидова было крестьян. Демидов — туляк, он и привез сюда мастеровых из Тулы. Неправда, будто он их выиграл в карты, не было этого. Люди давно были засланы Демидовым копать серебряные руды. Вместо этого обнаружили золото, платину. Платины намывали много, она шла за бесценнок. Но в России тогда не знали цену пла-

¹ Одно из суеверных представлений старателей.

тине, за бесценок сбывали за границу. Крупные старатели жили хорошо, а мелкие — скверно.

Когда освоили металлы, на прииске сделали балаганы. Были круглые нары, постельного белья не было, ложили под себя портянки.

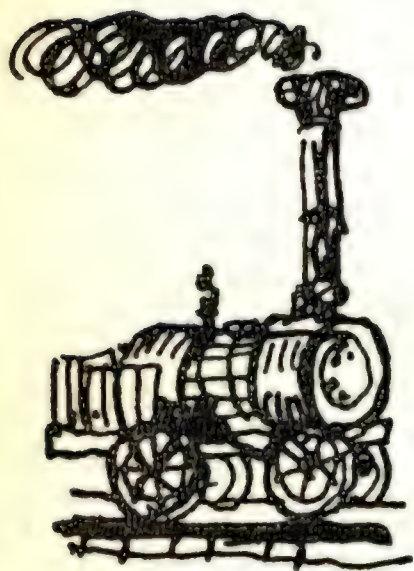
Каждый приезжает за две недели раз домой, гуляет, пропивает все, что заработал, и снова уезжает.

Многие с завода шли стараться. Работа старателей интересна. С детства внушали, что земля в долгу не живет, иногда и подфартит, и это привлекало людей, хотя жизнь была тяжелая. Все надеялись, что найдешь золото или платину.

Зап. в пос. Черноисточинске от Г. П. Цыпушкина, 1902 г. р.

О Демидовых и заводской работе Борьба народа против угнетателей

Металлургическое производство на демидовских заводах началось в XVIII веке. Со временем оно составило основу экономической жизни Урала. Поэтому не случайно рассказы о заводчиках Демидовых так многочисленны. Основное содержание этих преданий — обличение крепостнического произвола. В группе преданий о первом Демидове — Никите — особо можно выделить тему трудового мастерства. Царь Петр I послал на Урал возглавлять металлургическое дело именно тульского кузнеца Демидова, по царскому приказу отлично изготовившего оружие — пистолет. Много преданий существует и о Невьянской башне. Ее строил сын Никиты Демидова — Акинфий. Началась постройка башни в первой половине 20-х гг. XVIII века. Пошли толки и предположения о ее назначении, вероятно, и о возможной в ее подвалах чеканке денег. Основанием могло послужить начатое в Невьянске еще до строительства башни отделение серебра от черной меди, добытой в Сибири, а также тайная разработка сибирского золота. Таким образом, вполне возможно, Демидов начал строить башню для скрытого, потаенного производства. Историки и писатели, изучавшие хозяйство Демидовых, рассматривают факт изготовления денег в подвалах башни как достоверный. Конечно, были связаны с ней и другие намерения, она должна была использоваться как сторожевой наблюдательный пункт.

Малые Гулящие и Большие Гулящие горы за Выей, в Нижнем Тагиле, — там беглые скрывались, гулящие, кто за веру, кто от начальства. Убегут туда, кто как живут: кто украдет, кому так дадут. Потом семьей обрастут, явятся, никто их не знает, урядник один был, так и он далеко. Осядут, начнут жить, а потом в крепостное право попадут. Вот у нас тут Солдатовы есть, так от солдата пошла эта фамилия.

При крепостном праве шибко над людьми галились¹. Через строй пропускали. Поставят человек сто с вицами, а человека разденут, привяжут к кобыле да и ведут, и каждый должен его ударить. Ну, потом, как кончат, жив, так встанет, а то дак и в «могилевскую».

Сам-то Демидов здесь не жил, а сыновья, да и не они, а приказчики да управляющие. Пятнадцать лет мне было, как двадцать пять ударов присудили. А за что?! А вот за что. Шли по улице, в гармошку играли, я и спел:

Гуляю, веселюсь,
Никого здесь не боюсь...

А урядник меня и взял. Присудили двадцать пять разов, хорошо что отменили тогда...

С гонщика начал работать с двенадцати лет на медеплавильном заводе. Гонщики шлак отвозили, а богатый шлак обратно наверх поднимали. На Выйском медеплавильном заводе за пятнадцать копеек в день работали, не скажу, что жили хорошо. В откатчиках работали — шесть рублей в две недели зарабатывали, потом подмастером.

Швецов был послан Демидовым в Америку ли, в Англию. Приехали оттель, все грамотные инженеры. А управляющим-то был тут кержак поставлен, он

И аз
к тебе
гди,
богач

¹ Галиться — издеваться.

сядет обедать, так не стронь его, не встанет. Он их поставил куда не следует, которые спились, которые с ума сошли. Спустит в медный рудник щегерем, а он не по этой квалификации, так их и взбаламутил. А жены-то остались, которы немки, которы из крепостных были. Так он галился.

А Демидов-то к себе женщин на первую ночь брал. Вот у нас, этта, был Исаак Артамоныч Бурков. Сильный мужик. Он женился, жену-то Демидов к себе потребовал. А тот сам пришел. «Ты,— говорит,— чего сам-то пришел». Но ничего ему не сделал.

Шестерня¹ была тяжелая, они (Балабурдов и Бурков.— *В. К.*) взяли ее, подкатили к парадному да и навалили ее. Управитель не мог отворить. Говорит: это Балабурдов с Исааком устроили. Человек двадцать ее отваливали.

Я двадцать пять лет проробил, два раза видел Демидова. Первый раз увидел его, когда гонщиком работал, лет тринадцать мне было, не больше. Приехал, за ним вся артель бегаёт. Сам-то он среднего роста, черноватый, штанишки коротенькие до колен, чулки там. Все смеялись, то ли в юбке, што ли. Ходит. Пройдет, поглядит.

На охоту ездили они в Шайтанку. Так чо ведь раньше, приедет Демидов, припасут медведя или оленя и поедут охотиться. Поехали, едут.

На домне-то, когда верха падают, пламя шибко играет, прямо пожар кажется. Демидов увидал, говорит: «Пожар!» А ему говорят: «Это у вас на заводе».— «А разве там день и ночь работают?» Вот хозяин был, не знал, когда работают.

Добрый-то был, видно, тоже! Он на ворон охотился. А тут мужик ехал на тачке с дровами. Так он его чуть не убил.

¹ Шестерня — машинное колесо.

«Зачем дрова возишь?» А мужик: «Лесообъездчик говорит: хлам подбираю, чтобы пожара не было». Ну, тогда отстал.

Чо у него, говорят, сорок миллионов в мертвом банке было.

Мертвый банк — это, значит, деньги в казну пойдут, а Демидов проценты получает. Наверно, немало процентов на сорок миллионов. Старики говорили: «Не обедняет Демидов-то, сорок миллионов у него». Да виллы разные в Англии, во Франции да в Риме. Больше все в Риме жили.

Строил-то он хорошо. Хоть не он строил, да крепко. Вот чугунный мост построил, да вот горсовет где сейчас, контора его была.

Зап. в г. Н. Тагил от Я. М. Щербинина, 1880 г. р.

О первом Демидове

Петру I надо было хорошего и добросовестного мастера. Он поехал в Тулу; а Демидов работал в своей кузнице. Остановились где-то отдохнуть. Петр I послал своего слугу к Демидову лошадь подковать. Слуга и Демидов разговорились насчет мастерства.

— У нас у Петра есть револьвер, он испортился, отремонтировать его можно или нет?

— Надо сперва посмотреть.

Слуга сходил, принес. Демидов посмотрел.

— Отремонтировать его можно.

Взялся его отремонтировать, и по пути такой же револьвер сделал сам Демидов-то. Взял эти два револьвера и понес сдавать Петру. Подает ему:

— Вот вам я отремонтировал револьвер. Петр посмотрел: все хорошо. Потом Демидов подает второй. Второй подает и говорит:

— Этот признаете, нет?

АНТУФЬЕВ
НИКИТА
ДЕМИДОВИЧ

ПВЕРЗН
НАМЪ
ДВЕРИ
МИЛОСТИ
ТВОЕЯ.

Тот посмотрел: оба одинаковые.

И вот тогда он понял, что из Демидова можно хорошее получить. Спросил его: — Надеешься сам на себя, чтобы сделать нам оружие?

— Могу.

С этого пошла у них дружба. Сделал Демидов Петру оружие. Сдал. Петру поглянулось, он решил: надо его на ноги поднять.

Вызвал Демидова в Петербург, и договорились, что он обязуется сделать чугуны для пушек, железо для разных изделий. И вот он тогда завод построил первый в Невьянске. Выплавку сделал, отправил по Чусовой. Петр видит, что дело-то пойдет, он ему добавил Чусовую и Утку. А потом Демидов стал здесь строить Тагил, Висим, Висимо-Уткинск.

Зап. в пос. Висиме Пригородного р-на от Е. Г. Катаева, 1882 г. р.

Не Демидов он был, Антуфьев, он только Демидовым величался. Из Тулы он был, простым оружейником. Он стал великим, когда Петр ему ход дал, сказал:

— Вот тебе леса на Урале, строй заводы.

Почему прикрылись заводы? На юге заводы были открыты на коксе. Здесь все завозное было. Конкуренцию не выдержали.

Барабушка есть:

Невьянская башня на боку
Навалилась на Нейву на реку.

Демидов чеканил в башне монету, а когда узнал, что Екатерина пошлет посланного, то затопил все. Люди-то бежали с каторги. Паспортов не было. Когда люди бежали — они сбривали голову и бороду и работали на куренях, пока голова не зарастет.

Жестоким был к народу Демидов. Правило такое было, а жаловаться некому.

Государству оружие нужно, а он и выжимал. Время такое.

Зап. в с. Чусовом от Л. И. Петелина.

Его звали тогда еще Антуфьевым. Война со шведом была. Оружия мало было. Проводил Петр в Тулу своего подьячего, чтобы он заказал оружие. Ехал подьячий по лесу, вдруг видит, стоит кто-то. Подьячий стреляет, а пистолет дал осечку. Проехали это место, может, просто пенек был. Приехали в Тулу и спрашивают: «Кто самый хороший кузнец? Позовите». Позвали Никиту Антуфьева. Тот велел ему пистолет починить. На другой день Никита приходит и два пистолета принес. «Который твой?» Подьячий не мог отличить свой пистолет, так хорошо сделан был второй. Подьячий приехал в Петербург и сказал Петру. Тот сам поехал в Тулу и нашел Никиту. Берет сам молот, молотобойцем у него стал. А потом предложил: «Ты поедешь на Урал и ковать оружие будешь». И дал ему Невьянский завод. А потом уж много заводов Демидову принадлежало. На Урале тогда зверья много было, пушнины. Демидов Петру посылал. Один раз Петр приехал в Невьянск к Демидову. «Ты меня богаче, наверно, живешь?» А Демидов и вправду богатый очень был, сам серебряные рубли делал.

Зап. в д. Ощепково Режевского р-на от А. М. Батенькова, 1888 г. р.

Никита делал Петру I подкову. Петр взял подкову и сломал. Демидову дал рубль. А Демидов взял рубль между пальцев и согнул, третью подкову сделал. Петр так и так, ничего сделать не мог. Петр дал Демидову пять рублей — тот тоже ничего с ними сделать не мог. Оба проворные, оба здоровые.

Зап. в пос. Висиме от Г. Я. Отливана, 1877 г. р.

Демидов были друзьями с Петром I, слыхивала я, что запросто он обращался с царем. Угощал его из берестяного ковшика-утки. Оба были очень сильные. Демидов подковы гнул, а Петр во время строительства Петрограда бревнища таскал на плече.

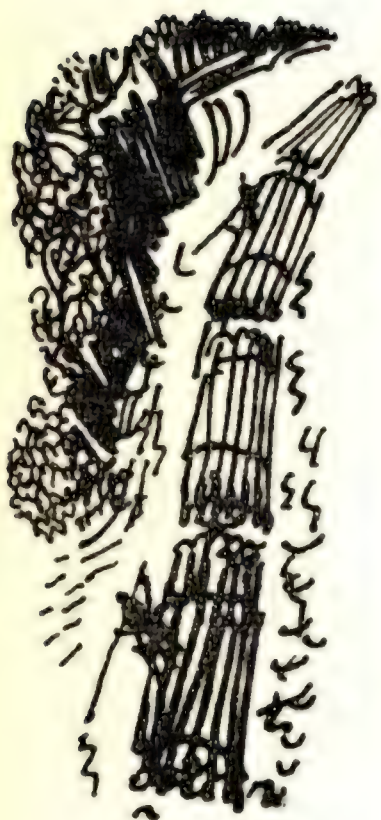
Демидов был нехороший. Жилось у него плохо, кроме редьки да кваса, ничего не видели. Поэтому много было у него бегляков, но их ловили и заковывали в цепи. Слыхала, что много затопил он людей. Ему-то что. Деньги они ему де-

лали, вот он и прятал концы в воду. Что ему было не строить, деньги сам он делал, а квас с редькой недорого стоит. Все ему обошлось даром. Иду, бывало, я по плотине, а эти плотины-то старинные еще. Иду и думаю: «Эх, Демидов, это твои бруссы-то лежат». А жадный был он. Вот больной уж сильно, ходить не мог, а попросил, чтобы положили его на носилки и пронесли по его имению. Понесли его, а он так жадно смотрит кругом, а потом поставили его на пригорок, носилки-то, а он и сказал: «Все это мое было» — и развел руками. Ну, а не взял же на тот свет с собой. А думается, если можно было бы, то и мертвый он с добром своим не расстался.

Зап. в пос. Висиме от Е. И. Кротких,
1884 г. р.

И при́зри
на рабы
тво́я, и на
дѣла́ тво́я,
и настави́
сыны́ нхъ.

На сплав брали людей отовсюду, главное из Вятки, контрактные назывались. Барки разбивались на реке, о камень стукнется, пойдет в воду, и люди потонут. Весной вода холодная, и тонут. Это уже в моих годах было, я был годов семи-восьми, — лесопромышленники стали лес заготовлять, до Левшиной плавиле плоты.

Когда барки-то начались, так железных дорог не было, из Перми двести километров пешком ходили.

А потом Демидову робили курени, уголь древесный для заводов надо было. Возили в Тагил, в Невьянско. Это все его заводы были.

В 1906 году ушел в службу в армию, отслужил, в 1910 году домой вернулся. Жили бедно, страсть, одна коровка, одна лошадка. У лесопромышленника Жирнова Петра Степановича заработка-то лучше была. Платил примерно пятьдесят рублей за плот, двоим плыть, а из Трёки — оттель дальше — сто рублей за плот, там и плыть хуже, Чусовая там меньше была. Этот заработок самый выгодный считали. Раза три в лето сплаваешь, так поправишься маленько, на себя купишь, а от Демидова шибко плохо было. Дрова заготовляли к Мотовилихинскому заводу — цена была плохая, три рубля куб.

Плоты делали из сплотов. Каждый сплоток девять или двенадцать аршин длины, а сплотов четыре или пять. Демидову курени делали, дрова рубили. Дрова рубили полтора рубля куб. А четыре-пять человек куб ставили от зари до зари, дотемна.

Пробовали просить прибавки цен, писали, ну, раз цена такая есть — больше ничего. А уголь сробить — один рубль короб. Мера уходила в короб, а мера два аршина длины, полтора аршина ширины, один аршин высоты. Ящик большой.

У Демидова чуть провинится — розгами настегивают. Это уж мы не испытали, мы как освобожденные были в это время. У Демидова везде дома были — в Москве дом, в Тагиле дом, в Невьянске — дом, за границей был дом, что уж, раз он такой капиталист был. Везде имя доступно было. Из Тулы он произошел, простой рабочий был. А как он возвысился? Он царю знакомый был.

Послал царь Демидова на Урал, поставил тот Невьянский ружейный завод, потом Тагильский, потом заводы на Чусовой, вот и распыхался. Даром ведь люди-то робыли, ходили в лаптях.

Зап. в с. Сулем от В. П. Гилева, 1883 г. р.

При крепостном праве дадут норму на три дня, вот три дня и делай. Полесовщик наблюдал, чтоб только на казенной работе были, хоть и отробил норму. А мы сделали норму раньше и начали про себя лес рубить. Полесовщик привел нас к барину и говорит:

— Про себя лес рубили.

— Дать им по двадцать плетей.

Сейчас вицы, положат на скамейку, отдерут.

А потом барин говорит:

— Выдать хлеба по пуду на каждого едока, мяса дать (мы ему говорили, что не хватает на всех едоков-то, что на казенной работе зарабатывали). Только чтоб мою работу делать.

— Спасибо, барин.

Отдерут, а тут спасибо говорить. Вот какая темнота была. Ведь теперь так не позволят над человеком издеваться. Спросишь:

— Дедушко, как тебя барин драл?

— О, робятушки, ладно вам не досталось, драли нас.

Зап. в с. Чусовом от В. А. Авдеева, 1888 г. р.

хлѣбъ

На заводе в Шайтанке была вывеска: «Железоделательный завод наследников графини Стенбок-Фермор».

Мать рассказывала: когда было крепостное право, наш сродственник, сирота дядя Антон, был двенадцати годов. В заводе работал. Какую работу давали, не мог выработать. Его и застегали на заводе. Велели нести сряд¹, туда и унесли.

Отца Антона-то, моего прадеда, Федора Васильевича Русакова, сорока лет в заводе убило, вышибло какую-то железину, его и кончило. Сироты после него остались — мой дедушка Иван, дедушка Степан, Антон, которого застегали в волостном правлении.

Мы не пожили в крепостнину-то. Только слышали.

Вот сейчас ведь молодым живетcя. Долго учатся. А раньше-то лет одиннадцати-двенадцати едет гонщиком на прииск на тарантайке работать. Гонщик гонит лошадь. А девочки маленькие по нянькам ходили.

Зап. в с. Чусовом от А. В. Бондаревой, 1885 г. р.

Мой дед крепостное право достал. Его били. Дед был плотинным, у лесничего служил. Отец сказывал, один раз дед лошадь повел поить, а лесничий стоял у балкона, вынул носовой платок, шаркнул по лошади, запачкал. А в руках была трость железная, он его тростью по голове: зачем лошадь плохо вычистил? А лесничиха заступилась: зачем трогать, он нам услужат. Потом лесничий вызывает деда к себе: Илья Никитич, прости, вот тебе рубль за то, что ударил.

Лесничего убили в лесу. Он не годный народу был. На Засухе его и убили. Лесничий пошел в прогулку по речке Засухе, а Соколов Григорий его и сгля-

¹ Сряд — одежда для умершего.

дел. А ружье-то запыжил лоскутиком из своей рубахи. Пыж-то остался в целости, он его и подвел.

Зап. в с. Илим от К. М. Вандышева, 1903 г. р.

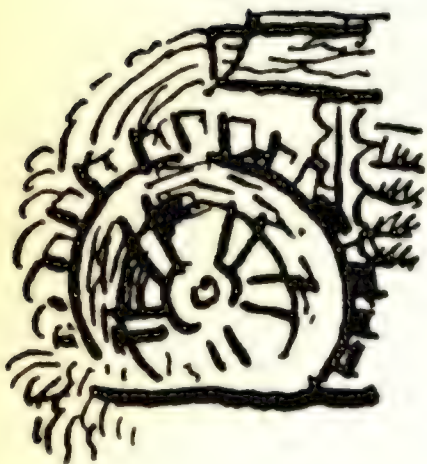
Задание было на рубке леса два батога поставить (сейчас метр, а раньше шесть четвертей — батог).

Были у нас Осип Богданов и Акинтий Богданов. Они не захотят выполнить задание — получай двадцать пять вичек. Придут в лес и говорят: «Ну, что, Акинтий, сегодня задницей отвечать будем, а батоги ставить не будем». Осип Ильич Богданов двадцать пять лет служил в воинской службе. Он шутник был. Вода сильная была, он живо соскочит, на голову встанет на перилах на мосту и повертывается. Бойкой был. Его любили в селе, чудака Осип Ильич, веселый был.

Зап. в с. Илим от К. М. Вандышева, 1903 г. р.

Была тут крична фабрика. До 1905 года работала, а как война началась японская — прикрыли. Хозяином был граф Стенбок-Фермор. Мы его и не видавали. Такой случай был в кричной. Был тут подмастерье Виктор Яковлевич Дударев, в кричном цехе робил. Как крицу мастер сварил, вынимать надо было, а Дударев подвинуть хотел да и схватил мокрый лом большой, ткнул под кричонок. А мокрым опасно: никогда не надо. Тут взрыв на весь корпус. Кричонок перевернуло, аж подпрыгнуло. По всему цеху брызги до потолка — всех охлестало. А он у самого горна — на него весь удар. Ему в глаза-то и брызнуло. Он даже пошатнулся и упал. Я как раз робил в ту смену. По всей кричне брызги, даже ко мне в карман прилетело — карман задымился. Поднялось до крыши, до воздуха, даже видели люди, как из крыши вылетело.

В больницу его привезли. Можно было спасти глаза-то. Он имя видал сперва, но зуд поднялся, жар, или врач неладный? Он чесал глаза, у него зрачки и выпали — одни ямки остались. Так свет и потерял.

Зап. в с. Чусовом от Е. М. Плюснина, 1882 г. р.

Раньше молот не паровой был, а на воде работал. Там не скажешь «стой!». Вода хлещет и хлещет. Вот тогда и ушибало кричников-то.

Карп Федотович работал подмастерьем в Дощатой. Правили железо кровельное, которое из Сылвы привозили. Когда остановить надо молот, под молот подставку ставят. А Карп с рукой-то и попал. Руку подставил, ему и придавило. Он как бешеный забежал. Побежал в больницу, больница была двухместная, то есть ее содержало земство и заводоуправление. Фельдшер был в больнице, помог маленько.

Зап. в с. Чусовом от П. Ф. Полозникова, 1880 г. р.

Раньше в Висиме, рассказывают, только кержаки и жили. До Демидова-то хорошо жили. И пашни, и пчелы... С городом не связаны... Демидов — первый заводчик на Урале, как туда-то пришел — туго пришлось кержакам. Он, чтобы они работали, а не бегали, приковывал их к тачке. Работали по десять часов. А вечером их отковывали. Бунтовали часто... А как сбунтуют — жандармов из города.

Зап. в пос. Висиме от В. В. Вахромова, 1899 г. р.

Демидовы здесь не жили, а жили приказчики. В Тагиле семье Демидова памятник был, как сейчас помню. Был здесь приказчик Генри Брандт, его не любили. Приказчики издевались, если кто провинится, так садят за печку и

дают соленую рыбу, а пить не дают. Последний Демидов был Анатолий — хромой. Приезжал он сюда в 1906 г. Охотился здесь. Когда медведь попадался в капкан (здесь у нас было много медведей), они вызывали Ставровского, приказчика, он тоже был охотник.

Зап. в пос. Висиме от И. А. Черемных, 1882 г. р.

Ты спроси у бабки Марьяны. Она застала еще время, когда молодую-то приказчику нужно было отдавать. А кто такой приказчик, я узнала потом. У нас была бабушка Дуня. Помнится, она и говорила, убогая была: «Меня за приказчика сватали. Народ заступился: нельзя ее взять, потому что она незамужняя. А если приключится ребенок?»

Господские прииски, так это демидовские и назывались. Тогда и говорили: на кого работаем? На Демидова работаем. Как на свадьбах поминали господа бога, так и Демидова. А кто его в лицо-то видел?

Зап. в пос. Висиме от Е. Н. Гущиной, 1898 г. р.

На стараниях робили. Ну, идем мимо конторы, бывало, поем:

Что Демидиха дала для погорелого двора?
Ведра, лопату, корову горбату.

А вот почему: погорел конец наш. Демидов и дал нам ненужные ему ведра, лопаты, а хлеба не дал. Оттуда и поют:

что она дала ведра, лопаты, корову горбату. А управляющему это не нравилось.

Зап. в пос. Висиме от М. С. Кривоногова, 1879 г. р.

От отца я слыхивал, что весной, когда караван Демидова гнали, если спадала вода и караван заседал, то Демидовы покупали вершок воды за тысячу рублей у ревдинского помещика.

Зап. в пос. Висиме от М. П. Петрова, 1882 г. р.

Однажды Демидов забрал покосы на Мартьянихе у Захарово. Мужики были очень недовольны. Хорошие были там земли, да и общественные они были: и роздал их мужикам побогаче. Те огородили их, а остальные мужики, как в воскресенье соберутся, возьмут и прясла срубят. Несколько раз было так. Потом он вызвал ингушей. Народ когда сгрудился, управляющий из дома махнул платком, и те начали стегать.

Зап. в пос. Висиме от Д. Ф. Петрова, 1902 г. р.

В 1907 году начались стачки в Висиме. Полицейские были ингуши-казаки. Очень притесняли народ, старателей. Вспыхнула стачка, когда был указ о покосах. Демидов обманывал покосников, покупал покосы с платиной, а взамен земли с лесами давал. Огородили земли и кулигами¹ назвали. Летом в июле месяце народ пошел и развалил кулиги. Покосники теснили народ (здесь: старателей. — В. Н.). Поэтому и стачка получилась. Выехал полицейский исправник из Перми, и губернатор приехал. Ну и смяли стачку. Двух захватили: Кочнева Никифора и Синицина. Их по особому осудили. Осталь-

¹ Кулига — лес, расчищенный, выкорчеванный, выжженный под пашню.

ные разошлись. А потом еще больше ингуши озлобились.

Зап. в пос. Висиме от И. М. Рассадникова,
1883 г. р.

В молодости рассыльным был на заводе. Бегаешь, что называется, язык мокрый. Я ходил каждое утро с рапортичкой к управляющему. Где больница сейчас в Висиме, там управляющий жил, немец Брандт. Пришел я как-то к нему, а у него собака побольше койки нашей, страшная, белая, лохматая. Она набросилась на меня, а я ее стукнул тросточкой, завyla собака. Немец выскочил, кричит: «Кто мой собака бил?» Прислуга показала на меня. Ну, меня и выгнали с работы. Собака для них дороже человека была.

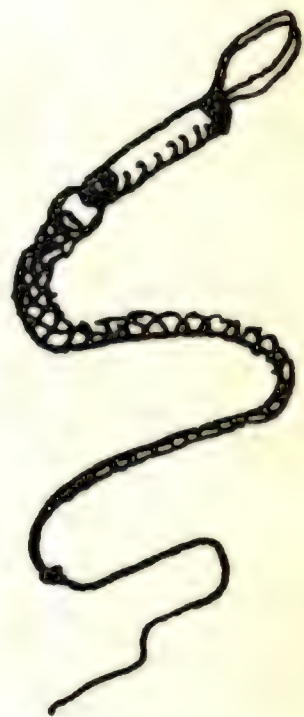
Зап. в пос. Висиме от И. М. Рассадникова,
1883 г. р.

До 1908 года была у нас тут доменная печь. Завод был, а в заводе станок. Там драли нашего брата. Напортил, набедокурил — отдерут, и квиты. Отлежишься — иди куда хочешь. А не отлежишься — и так хорош. Еще другая была кара. Селедкой накормят да за печкой поставят. А от печки жар валит. У человека дух и замирает. Это дедушка мне рассказывал. Он еще крепостное право застал.

Зап. в пос. Висиме от В. П. Дедкова,
1892 г. р.

При мне уже не наказывали, я только слышал об этом. В конторе пороли против дома управителя. Там стояли колокол, солнечные часы. Кто норму не выполнял, так сразу в контору пороть ведут. Рассказывали про Андрея Чеботку. Его привязали к скамейке, а он с ножом. Отвязался как-то и бегом. За ним погоня. За плотиной поймали, окружили, но он отбилсЯ ножом и убежал.

Зап. в пос. Висиме от А. М. Огибенина,
1882 г. р.

Такие у нас обычаи были. Женится парень — должен молодую привести показать на завод. Пока не приведешь, не кормят. Ведь после трех часов жена приносит обед, а на завод никого не пускали, строго было; разносчики все разносили. И если жену не покажешь, то обед-то и спрячут и говорят: «Вот какая у тебя жена...» А после работы только отдадут обед. Вот он и ведет ее показывать. Цех длинный у нас был. На чугунный пол воды плеснут, достанут железинку раскаленную и бросят. И получают взрывы, как пушечные. На весь цех и на весь Уткинск взрывы. А начальство говорит: «Ага, молодую поздравляют!» А так-то в завод не пускали. Это старый обычай, так он до конца и был.

Зап. в пос. Висимо-Уткинск от И. И. Худякова, 1891 г. р.

Некоторые из наших стариков работали на демидовских заводах. Рассказывают, как Демидов народ поил. В день своих именин приказывал выкачивать на улицы бочки с вином. Пили ковшами, валились наземь, и так по всей улице пьяные лежат.

Зап. в д. Копчик от А. Г. Лобанова, 1908 г. р.

Демидовы оба, и Павел, и Илим, любили на охоту ходить. Однажды Илим Павлыч в Висим-Уткинск приехал, здесь медведь в капкан попал, да только капкан оказался не по медведю. Медведь шибко сильный и большой, он и потащил капкан. Мы за медведем по следам. Нас семь человек было, Бекман Анатолий Константинович, управитель наш, Илим Павлыч с нами были. Пока мы догоняли медведя, дождь пошел, да все сильнее и сильнее. Все промокли до нитки. Встали на привал, а спичек сухих нет, все их исшоркали, так и не могли разжечь костер. Оста-

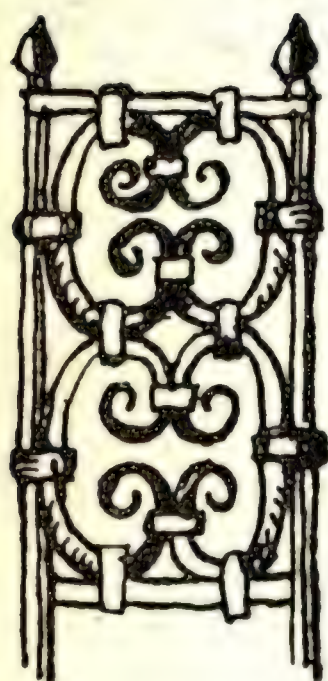
лось всего три спички, что делать? А у Илима Павлыча сумочка кожаная с боку была, вся денег бумажных полная. Вытаскивает он пачку красненьких, раскинул веером — поджигай, говорит. И денег-то ему не жалко, известно, богатей. Ну подожгли мы деньги, костер развели, обогрелись да домой пришли.

Зап. в пос. Висимо-Уткинск от Г. Л. Разина, 1878 г. р.

Отец моего деда при дворе Демидова служил. Уже не помню, как мне дед-то рассказывал, что он там делал, только слышал я от него такой случай. Вот раз захотелось Демидову на медведя поохотиться. Ну, известно дело, согнал всех дворовых на охоту. А берлогу-то уж раньше нашли, заприметили, значит, и сообщили Демидову. В воскресенье они отправились. Известное дело, у гостей-то ружья аглицкие да редко по одному стволу, все по два. А у мужиков только топоры. Пришли, окружили берлогу, видят, из дыры парок идет. Стали цепью. Господа-то с ружьями напротив дыры, а мужики стали длинным шестом тыкать в берлогу. Ну, расшевелили медведя. Только он вышел не с той стороны, с которой пар идет, а с обратной. А там мужиков-то не густо стояло, а кто и вовсе без топорика был. Медведь, ясно, злой вылез. Хоть и говорят, что медведь глупый, нет, он умный. Пошел он туда, где людей меньше. Ну и покалечил народу-то. Одного — он взял да спрятался за сосну — медведь так прижал к сосне, тот только дух испустил. Другого он не заметил, тот за кустом стоял да и вдарил медведя топором по голове. Так и не пришлось Демидову в тот раз выстрелить. А вечером он приказал выпороть того псая, который зарубил медведя, чтоб, значит, не портил барину охоту.

Зап. в г. Н. Салда от А. Л. Гусева, 1898 г. р.

Вот что рассказывал мне дед о самодурстве Демидовых.

В рождество приехал Федор Павлыч Демидов в гости к Бекману. Бекман был управляющим в Висимо-Уткинске. Немец по национальности. Так вот приехал к нему Демидов в тулупах и с женщиной. Отгостил. Бекман и приглашает его в гости на Петров день. А Федор Павлыч и говорит: «Приеду в этой же одежде и на этих же лошадях». А Петров день в самую жару бывает. Ну, Бекман и удивился, а тот все свое. Пришел Петров день. Приказал Демидов через пять верст расставить пудовики с солью и лошадей. Приехал ведь! Через пять верст менял лошадей и дорогу солью посыпал, а одеты были все в шубах. Вот что делали люди по самодурству.

Зап. в пос. Висиме от Ф. М. Журавлева, 1882 г. р.

Демидов был заводчик. Очень грубый. Ему нет нужды человека убить, заморить голодом. Одна прачка гладила белье. И нечаянно запалила край платья у хозяйки. Хозяйка стала одеваться и увидела. «А это, наверное, прачка запалила». Позвали прачку, приказал раздеться и горячим утюгом стал ей спину гладить. Ничего Демидовы не боялись. Люди их рабы были.

Зап. в д. Голендухино Алапаевского р-на от В. И. Данилова, 1880 г. р.

Есть тут у нас в Билимбае рощица Могилица. На косогоре стоит особняком. Люди сказывают, похоронил тут заводчик Демидов свою дочь. Зверь человек был. А дочь-то у него красавицей была. Отчаянная девка. С гусаром взяла да убежала. Отец отыскал да и убил. Похоронил на косогоре. А потом рощицу насадил. Сверху поглядишь: будто имя Мария из сосен сделано. Сам же убил,

сам и живой памятник сделал. Вот поэтому и назвали рощу Могилицей.

Зап. в пос. Билимбае от П. А. Латышева, 1900 г. р.

Находясь в Невьянске, Демидовы печатали фальшивые деньги. Там есть башня, под башней — убежище, которое тоннелем соединялось с рекой. Сообщили Петру I, что Демидов издевается над людьми, рабочие стали жаловаться. Демидову пришлось спустить шлюзы, башню затопило вместе с людьми, которые строили убежище и которые жаловались. Комиссия от Петра ничего не нашла. Башня же и сегодня стоит.

Зап. в пос. Бисерть от Ф. М. Широкова, 1903 г. р.

Старики рассказывали, что Демидов деньги чеканил. А царица Екатерина мельком об этом узнала и приехала к нему. Велела ему отвечать. Демидов взял свои деньги у Екатерины и говорит ей: «Узнаешь, какие мои, а какие твои, руби голову с плеч. Не узнаешь — хорошо». Екатерина не могла отличить и разрешила ему чеканить.

Зап. в с. Киргишан от В. Я. Сухих, 1907 г.р.

В 1966 году я был в Невьянске в командировке. И там разговорился с одним из старожилов: «Почему башня у вас покосилась?» — «Много греха приняла, оттого и покосилась. Люди там погибали», — ответил он мне. И он рассказал, что в башне золотые монеты чеканили для Демидова. А из башни уже никто не выходил. Все там и погибли.

Зап. в г. Свердловске от Б. Н. Лоцманова, 1916 г. р.

На заработки мы ездили в Нижний Тагил. Там был памятник Демидову с семьей. Семья-то у него большая была: сыновья, дочери. Там жена его стоит на коленях, а он на нее замахнулся.

И
Исповѣданіе
на земнѣи
и на
нѣсѣ

Мы у отцов спросили: «Зачем он на нее замахнулся?» Они говорят, что она сгуляла от него. И этот памятник кто-то утащил на пруд к проруби. Силач какой-то, ведь памятник бронзовый или медный был, тяжелый. И следы в лаптях на снегу видны были. Мордой на снег Демидова фигуру положил, а не утопил.

А сами-то Демидовы из кузнецов пошли. И стали богатые заводчики. В Реже у них управляющие жили. Демидов только ездил да проверял их. Много у них заводов было. Основные из них: Тагил, Невьянск, Висим. В Висиме платиной здорово шумели. Там даже в огородах работали, все платину искали, платина-то дороже золота была. Рассказывали, что пудами платину имели. Узнают, где хорошая платина, нагребут песок и увозят.

А в Невьянске будто под землей работали. Деньги делали. А где там работали, и найти не могут.

Зап. в с. Глинском Режевского р-на от Д. М. Калугина, 1899 г. р.

Сказывали, будто бы Турчаниниха-то собирала кормилиц, чтобы щенят кормить. Отрывали матерей от маленьких деток. Вот как раньше жилось-то. И слова не могли вымолвить, иначе розгами били.

Зап. в г. Сысерти от Ф. И. Яковлева, 1904 г. р.

Мы, здешние, были у Голубцова раньше. Про его ничего не скажу, а был у его слуга, вроде приказчика. Лютый был человек. Никого не жалел, ни старых, ни малых... Сек всех беспощадно за пустяки ведь совсем. Долго его терпели, думали, одумается, а он все такой. Ну, наши люди терпеть долго могут, но уж если разозлятся на кого, смерти тому не миновать. Так и прибили его всей деревней, только и осталась кличка

после его Собачья Смерть. Овраг, где его убили, так и называется.

Зап. в г. Красноуфимске от М. И. Чухаревой, 1898 г. р.

Выросла я в деревне Селянино близ Манчажа. Вначале у нас барином был Кленов, но его крестьяне вместе с кучером утопили. А кучер заранее сказал крестьянам, что, мол, по краю льда повезу его, и напоследок крикнул: «Семью берегите!»

У Селянина было много собак, хорошая псарня была. Как только собаки ощениятся, барин собирает их и слуги разносят их по крестьянкам, чтобы вскормили грудью и воспитали. Принес слуга одной женщине двух щенят и предупредил: «Если плохо будешь кормить — плетей изведешь». А муж ей говорит: «Не позволю, чтобы мои дети вместе с собачатами питались!» Доложили об этом барину. Барин приказал затопить котлы прачечной, завел этого крестьянина и давай спрашивать, почему отказался принять щенят. Сказал ему крестьянин. Тогда барин пнул его в котел.

Зап. в г. Красноуфимске от М. И. Железцовой, 1913 г. р.

Рассказывали у нас легенду одну про какого-то приказчика, Семенова, что ли. Но это и не легенда, а на самом деле было. Была у него собака. Как только он утром окно откроет, она и ложится на подоконник. Кто утром идет на работу, если не поклонится собаке, розгами били. Всякий должен был кланяться собаке.

Зап. в г. Сысерти от А. А. Поздеева, 1893 г. р.

МѢТВАМИ СТОИХЪ
ОЦЪ, НАШНУХЪ,
ГДН ІНСЕ ХРТЕ
БЖЕ НАШЪ,
ПОМІЛУЙ НАСЪ.

Я от отца слышал про управлятеля-механика Дайбеля, его на тачке вывозили¹. Он строгий был, притеснял рабочих. Его не залюбил Григорий Михайлович Замураев — рабочий-кузнец. Раз Дайбель приходит в кузнечный цех. А тот с ребятами договорился. Дайбель обращается к нему, а кузнец будто не слышит, как развернется: пых! — тот и с ног долой. Дайбель к управляющему жаловаться побежал, а тот: не знаю и не знаю. И рабочие не сознались. Правда, Дайбель потом кузнеца все равно съел. Но потом рабочие и с Дайбелем расправились: поймали и на тачке вывезли.

Как на Демидова мешок надевали

Народ утром идет на работу, а возле демидовской конторы, где нынче горсовет, в одно прекрасное время был семейный памятник Демидовых из бронзы литой. Идут рабочие и смотрят, что такое: у Демидова кошель на плече, луковка и хлеб. Все хохочут: Демидов по миру пошел. Это уже был 1905 год. Тогда в Тагиле и на Урале много сосланного народа было. Тогда и стали говорить:

Загорелся у Демидова завод,
Разбежался весь испуганный народ.
Управляющий кричит: тушить,
тушить, тушить...
А народ бежит, бежит, бежит.

Зап. в г. Н. Тагил от В. Е. Бердникова.

Был у нас на заводе главный инженер Оленев. Нехороший был человек: людей не любил, на рабочих доносил, за малейшие провинности штрафы налагал. Долго терпели рабочие, но всему бывает конец... Раз, когда Оленев в ли-

¹ Заводской обычай: неугодного начальника вывозили на тачке за пределы завода.

тейном цехе был, особенно досадил он рабочим. Рабочие схватили его, связали, бросили на тележку и чуть не отправили на тот свет через плавильную печь. Но, видно, суждено ему было еще жить, помешало что-то рабочим бросить его в печь.

Зап. в пос. Висимо-Уткинск от И. И. Худякова, 1884 г. р.

Был до революции на заводе мастер Ездоков. Сильно притеснял народ. Штрафы нечестно брал. Рабочие его ненавидели. Однажды были именины в доме у Ездокова, собрались гости, стали танцевать. А рабочие решили отомстить ему и бросили в окна, которые были ярко освещены, бутылки с горючей смесью. А когда случилась революция, рабочие вывезли Ездокова на тачке из Салды.

Зап. в г. Н. Салда от К. П. Исуниной, 1901 г. р.

Хорошо еще, если мастер хороший, были такие. А были и негодные. Был, например, уставщик Ваня Ключка (его так за кривую ногу прозвали). Строгий неуместно был. Не понимал, что рабочие готовятся к революции, был против этого. За это его и не любили. А иногда рабочие пытались проучить мастера. Был такой мастер — Костя Марянич. Он засыпкой распоряжался. Был очень уж строг. Решили его попугать. Уголь на верх домны доставляли в коробах. Так его в такую коробку и бросили, будто в горн хотели спустить. Попугали и, конечно, отпустили. А Костя-то так напугался, что сразу хорошим стал. Замечательно, что у рабочих была организованность!

Зап. в г. Н. Салда от С. Д. Старикова, 1901 г. р.

Работал я в шахте. Деньги на хлеб и соль зарабатывал. В руднике до революции доставали медный колчедан. Работали по восемь часов в шахте, а наверху — по двенадцать. Управляющий Першин был груб чересчур. Когда была революция, хотели его на тачке в разрез спустить, но не дали этому делу хода. Мы, тридцать человек, пришли к нему — просить, чтоб добавили заработную плату. Он вышел на балкон: «Я больной и принять вас не могу», — говорит. Больше мы его и не видели, так и не принял нас.

Зап. в г. В. Тагил от И. П. Гаринских, 1898 г. р.

Про разбойника Кубаря ¹

Это было очень давно, лет двести назад, когда еще железных дорог в матушке-Руси не было. Я от отца слышал. Отец от деда и т. д.

Раньше в Ирбите была ярмарка. Все везлось гужом, то есть конным транспортом.

По одну сторону Полевского проходил старинный Сибирский тракт.

Здесь есть место, называемое Липовым островом. Сейчас оно называется Чистым. Тогда оно было еще озером, его только начало затягивать растительностью.

Со стороны Екатеринбурга на болоте была сделана стлань через эти лавды-

¹ Горнозаводские уральские предания о «разбойниках» — «вольных людях» бытуют с XVIII века, когда с основанием первых уральских заводов в условиях военно-крепостнического режима возникла и упрочилась в обществе категория беглых с заводов. Как писал Д. Н. Мамин-Сибиряк, разбойничество было протестом «всей массы заводского населения, а отдельные единицы являлись только его выразителями... Такой свой заводской разбойник пользовался всеми симпатиями массы и превращался в героя. Он шел за общее дело, и масса глухо его отстаивала».

топи. Со стороны Мраморского тоже была стлань. (местами она еще сохранилась на дне в четырех километрах от села Мраморского.) Это сделали разбойники, грабители. Они занимались грабежом купечества, которое ехало на ярмарку и с ярмарки в Ирбите. Водитель этих грабителей, то ли прозвище это, то ли фамилия, назывался Кубарем.

Таким образом у них дело проходило. С обозами были охранники из полиции. При нападении у разбойников было общепринятое слово: «Сарым на кычку»¹. Значит, падай лицом книзу. На каком языке — не знаю. И кто к этому прислушивался, тот оставался живой.

Купец ведь не сам везет товары, а коновозчики, ямщики, специально занимающиеся этим делом люди. Этих людей грабители не трогали. Но из охраны редкий оставался в живых, кто не прислушивался к крику и не падал лицом вниз.

Разбойникам нужны были деньги, а товары не брали, куда они с ними. Больше нападали, когда люди возвращались с ярмарки. Кто сопротивлялся, того убивали, у кого нет денег, с собой забирали и требовали выкуп.

На ярмарку съезжались даже с Нижнего Новгорода, с Москвы, где были мануфактурные фабрики, а на Урале ведь их не было.

На Ирбитскую ярмарку в одно прекрасное время приезжали люди и из-за границы.

Итак, хозяина забирали грабители. Коновозчики возвращались домой и говорили: «Выкуп столько-то и столько-то. Поезжайте туда-то сами или давайте нам».

¹ «Сарым на кычку» — искаж. «Сарынь на кычку», т. е. «Бурлаки, на нос судна». По преданию, приказ волжских разбойников, завладевших судном.

ОПОДОБИ
ГДН ВЗ
ДЕНЬ СЕН,
БЕЗ ГРѢХА
СОХРАНИТИ
СА НАМЪ.

Конечно, не давали погибнуть своему, посылали коновозчиков. Несколько коновозчиков едут посмелее. А за ними полицейские.

Но не тут-то было. Условно встречается им человек около тех мест, где проходило грабительство. Спрашивает, что за люди, зачем. Пропустит их в лес, а сам задержится и глядит, есть ли кто-нибудь из охраны. Нет — подает сигнал. Выходит Кубарь, забирает выкуп и приводит купчину.

— Вот ваш в полной сохранности. Жил у нас, ни в чем не нуждался.

Дошло до правительства. Пришлось посылать войсковые части, чтобы ликвидировать банду во что бы то ни стало. Когда разбойники сделают нападение, воинская часть преграждает им путь в их лагерь, на эту стлань.

Но Кубарь действовал умно.

В тот момент, когда их окружали, они были не все. А войска полагали, что тут все. Часть перебили, часть изловили. А Кубарь сумел скрыться.

Захваченных привезли в Ектеринбург, допрашивали, кто они такие. Спрашивали:

— Зачем вам деньги, а товары не брали? Думали вы до самой смерти заниматься таким ремеслом?

— Нет, зачем? Нас сорок восемь человек. Вожак Кубарь. У нас есть хранилище, куда складывались все драгоценности, серебряные вазы, украшения. Собрались мы на этот промысел и думали продолжать его, пока не наберем

миллион, а потом поделим и разойдемся всяк в свою сторону.

Хорошо. Сколько убили, сколько захватили. Кажется, стало тихо. И правительство успокоилось. Но на следующий год возобновились нападения, когда началась ярмарка.

Что такое? Следов не могли найти. Уехали, разбежались в лесу, и все. И через год, когда уже вылавливались их остатки, наткнулись на городскую стлань (т. е. ведущую в сторону города.— В. К.). И избушка у них стояла. Даже отец мой видел в молодости обвязку этой избушки.

Когда остальных окружали и вылавливали, то Кубарь убил двух-трех человек, знающих, где хранятся ценности. А знали их кладовую не все. Сам он закололся, не успел его захватить. Огнестрельное оружие хоть, может быть, и было, но он пал на нож.

Часть их захватили, посадили в тюрьму в Екатеринбурге. Он начинал только быть небольшим городом.

А вот почему нам стало известно обо всем этом.

Когда-то был прииск. Рабочий катит тачку, за ним часовой.

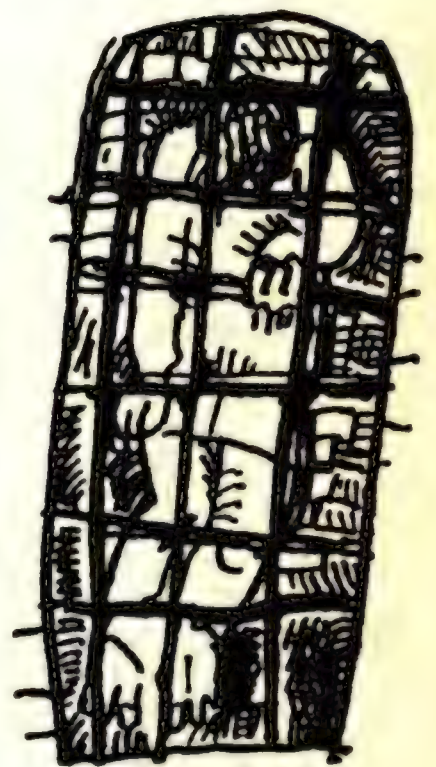
Один часовой стал спрашивать у населения, где стлань на болоте. Мне, мол, крайне нужно знать. Оказывается, этот часовой сам выпросился попасть сюда. Он был в охране тюрьмы, которая в Екатеринбурге, в центре.

Стоял он на часах ночью.

Один заключенный и просит как-то: — Дай мне закурить, браток. Я тебе расскажу, где находится кладовая нашей шайки. Дай мне карандаш.

Часовой дал ему покурить, снабдил кое-чем.

Поговорили они эту ночь, следующую ночь заключенный на бумажке очертил болотину эту, знал он ее вдоль и поперек. Указал городскую дорогу. Вот, мол,

в этом месте первая стлань, а вот у Мраморского вторая, чтобы удрать в случае чего.

Солдат-часовой постарался сюда попасть, на наши золотые прииски. Здесь стал спрашивать, есть ли такое место. — Есть, — говорят и показали эту стлань. В следующий раз он сам нашел городскую стлань. Избушка полусохранилась. На бумаге заключенный указал, сколько надо отступить от избы в направлении востока. Хранилище, мол, в земле и закрыто гранитной плитой. Но один солдат ничего не мог сделать с ней. Стал он ходить чаще туда. Стал к работе опаздывать.

Его стали спрашивать, в чем дело. И он рассказал.

Согласно преданию, у этих разбойников было накоплено уже тысяч 900, словом, собирали они последнюю сотню до одного миллиона.

Но был оспенный год. И часовой этот умер от оспы. Так этот миллион там и хранится. Были любители найти эту кладовую. Два брата из Сысерти усиленно искали, но не слышно, чтобы нашли.

Кто такой Кубарь, об этом предание ничего не говорит. Здоровый, высокий, сильный человек. Внешне никто и не подумает, что он разбойник. А что заставило его стать на это поприще, бог его знает. Известно только, что грабили только богатых людей. А простых не трогали. — Вот и все, что я знаю об этом случае.

Зап. в пос. Мраморском от К. С. Аверкиева, 1892 г. р.

Старики говорят, что раньше на горах Думной и Азов жили разбойники, а между этими горами дорога проходила, по которой купцы свой товар в другие города везли. Дружно эти разбойники жили. Идет караван мимо Думной, раз-

бойники зажигают огонь на горе, чтобы на Азове видно было. А там уже и ждут купцов. Испугают, деньги отнимут и отпускают восвояси.

Слышала я еще от своего деда, что есть где-то на горе Азов пещера, в которой разбойники жили. Многие ее пытались искать. Дед мой говорил, что знает, где эта пещера, и даже пробовал с дружкой спуститься в нее. Взяли, говорит, с собой вожжи и пошли к пещере. Спустились туда, а там сыро, темно и сильный ветер дует. Свет погас у них. Вот и вылезли, мне самой как-то показывал дед пещеру, но я не смогла ее потом снова найти. Натыкалась как-то с подружкой на каменные ступени, что под землю ведут, но там огромный камень стоял. Возможно, что это и был вход в пещеру.

Зап. в г. Полевском от А. Г. Пименовой,
1913 г. р.

Люди говорят, что верно, на горе Азов разбойники жили.

У меня отец мальчишкой с друзьями все пещеры искал. Спускались они куда-то, говорят, но там был сильный ветер и темно. Но они на Азове клад нашли, не деньги, конечно, а ножи разные и кольчуги. Сейчас все это в музее в Свердловске. При Бажове это еще было, он ездил, смотрел место, где нашли.

Зап. в г. Полевском от Ф. А. Никифоровой,
1900 г. р.

Управитель здешнего завода немец был, не злой, годный. А вот в Утке-то так даже комната любви была. Управитель — Федосов — бил мастеров, он все с палкой ходил. Придется кому жениться, так невесту, понимаешь, к нему, напоит...

У него писарем Андреев был. Годов ему шестнадцать было. Андреев прошение подал, не прибавят ли ему хоть пятак. Прощение-то Федосову отдали. Сняли Андреева с писарей, и угадал он на домну. Рабочие над ним смеялись. Поробил и бежал в Билимбай.

Там его стражники и схватили, в острог посадили. И вот, понимаешь, переводили его в другой дом, а с ним разбойник был. Разбойник-то и говорит: «Если сумеешь, то беги». И бежал Андреев на Чусовую. И попал к разбойникам. Привели его к атаману. Атаман-то у них женщина была — Параня.

«Что его, выбросить?»

Он же из себя красивый был.

«Нет, — говорит. — Не надо».

Накормили его. Утром стал Андреев у Парани проситься в шайку. «Нет, ты молод». Дала лодку ему и провизию. К старику отправила — тоже раньше разбойником был, да слаб стал, пчеловодством занялся.

Бежал Андреев опять и до того дошел, что в шайку вступил в другую. Купца одного уже разграбили. Приехали второй раз. (Купца-то уже порешили.)

¹ Рыженко, атаман Золотой, — Андрей Степанович Плотников. П. П. Бажов называет его первым уральским революционером: за два года до начала Пугачевского восстания он выступил народным мстителем и в 1771 году избавил рабочих Васильево-Шайтанского завода (ныне г. Первоуральска) от жестокого заводчика Ширяева. Личность и деятельность Плотникова привлекли внимание писателя К. В. Боголюбова, написавшего повесть «Атаман Золотой».

«Есть косуха?» — у жены купца атамана спрашивает.

А тут, понимаешь, девочка жила в прислугах. Атаман стал к ней приставать. Андреев пистолет выдернул и застрелил его.

Андреев с разбойниками ездил, все отдавал бедным, а сам в опорках ходил. Банда поднялась на него, а все же его атаманом поставили. Назвали Андреева Золотым атаманом — за народ он шел.

Однажды он в Утку попал и Федосова убил и еще несколько человек. Правитель войска узнал про то, где Андреев жил, а он жил в горе, и ранил его. А Мясников с ним был — как товарищ, можно сказать, — так его убили. Убитого взяли в Оренбург, а Андреева раненого. Сначала в тюрьму его, а потом в госпиталь. А потом, понимаешь, привязали к столбу и плетями убили насмерть.

Зап. в с. Сылва Шалинского р-на от В. С. Рыбникова, 1886 г. р.

Про Ивана Кривенкова

Мой дедушка Иван Кривенков не любил старый царский режим. Он часто делал налеты и грабил начальство и богатых мужиков, за это был на выселе, на Сахалине, что было в старое время смертельно. Он убежал оттуда на плотах (шесть человек их было, которые расплылись в разные стороны). Кривенков вернулся на родину, в Черноисточинск, где снова стал заниматься своим промыслом: грабил богатых мужиков, помогал воспитывать семью брата, а брата его — он работал в заводе — застегали розгами за сокрытие Ивана, после стежки на третий день он и умер.

Кривенков бедных не обижал. Случай был вот таков-то. Ехал он на лошади

судн
мн
бже

и догоняет женщину. Спрашивает он у нее: «Куда вы так торопитесь?». А она говорит: «Боюсь я беглого Кривенькова Ваньки». Он, не говоря ничего, посадил ее с пенька на лошадь и отвез до реки Чаусы (три километра до поселка). Поблагодарила она его, и тогда он ей и сказал, что он и есть Ванька Кривенков, и наказал, чтобы впредь его никогда не боялась. И славу о нем она разнесла по всему поселку.

Из города Невьянска ехал богатый мужик на приiski торговать. Сапожки вез, башмачки для женщин. Нагнал Кривенков его дорогой, нанес удар и убил его. На его лошади с сапогами и башмаками приехал в прииск и отдал бесплатно все рабочим и старателям. Его, Кривенкова, обнаружили у старателей на приисках «Лог Шурпиха», где он пьянствовал в казарме. Когда узнала полиция об этом, окружили казарму старателей, где находился Кривенков, но его тут не нашли. А на другой день в лесу Кривенков поймал полицейского и подвел к выработке старательской, которая была не с водой, а с илом, столкнул его и заставил кричать: «Караул!» Старатели сбежались и его вытащили, а Кривенков пригрозил: «Больше Кривенкова не ищите и не старайтесь его поймать».

Через некоторое время Кривенков был ранен и находился в бегах, с раненой ногой получилось заражение — гангрена. Пришлось обратиться в больницу, ногу отрезали и сослали его в Сибирь в заключение, как беглого, выступающего против царской власти. Говорят, Кривенков пытался убежать из тюрьмы через трубу и задохся в ней. Это последнее, что было слышно о нем.

Со многими старателями Кривенков имел тесные связи, и если полиция узнавала об этом, то жестоко преследовала их. Парфенов Епифан друг его

был. И его выселили за связь с Кривенковым.

Зап. в пос. Черноисточинске Пригородного р-на от Г. П. Цыпушкина, 1902 г. р.

Иван-то Кривенков ведь беглый был. Как-то я ехал на рудник. А он стоял от меня с женщиной саженьях в двадцати. Лошадь у него вороная была, хорошая.

А потом он в Варламихе жил. У него там любовница была. Его поймать хотели, собралось человек двадцать: урядник, егеря, окружили на конях. Он туды бросится, сюды — застава. Его и начали сжимать кольцом. Тут-ка Мартьян-речка бежит. Кривенков разогнал лошадь, ткнул ее шпорами в бок, она реку и перескочила.

Все только ахнули. А у тех, кто его ловил, лошади-то не пошли в воду. Кривенков тогда под Белу гору уехал и из нагана стрелять зачал. Потом, говорят, он жил в крестьянах. Там его и убили. А посадили Ваню Кривенкова будто бы вот почему. Он женатый был, а из-за жены еще экономку имел. С ней жил. Вот его жена с Федора Филатыча женой и избили экономку до смерти. А потом Ваня с каторги бежал и в здешних лесах скрывался.

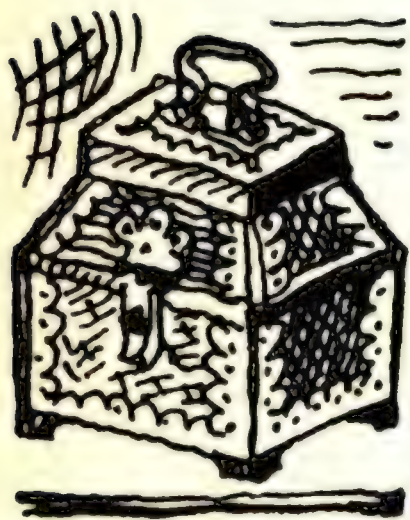
Под Кунгуром, говорят, он жил с мужней женой. Муж-то подговорил несколько человек, Ивана там и убили.

Я не слыхивал, чтобы он кого грабил. На славе он был, потому что смелой, с народом рука об руку шел, а зла никому не делал.

Зап. в пос. Черноисточинске от И. С. Малкова, 1883 г. р.

Как же, слыхивали мы о Кривенкове. Я самолично видел его. Был я тогда мальчонкой, лет тринадцати, однако уж робил на старательских работах.

Приедет он, бывало, на вороных. А кони у Кривенкова были хорошие, ничего он не боялся. Останавливался он у Гришки Тараканова, товарища своего. Ходит по улицам. Соберутся, играют в деньги. Вижу однажды, бежит урядник по улице за ним. Но где его поймать им. Он на вороных да и был таков. Многие разное говорили о Кривенкове: он-де и конокрад, он-де и каторжник, и вор. Это неправда. Он никогда никого не убивал. Все больше хитростью действовал.

Однажды стал он нуждаться шибко в деньгах. Забрал одного товарища, и пошли к помещику. Предлагает Кривенков помещику вместе деньги делать, а тот отказался. Пришли к другому, тот согласился. Наделали денег. Помещик их в карету, и едут в город в магазин. Приезжают. Кривенков берет деньги и говорит: «Подождите меня здесь». Ушел. И боле его никто и не видел — город большой. А помещик и сейчас его там ждет.

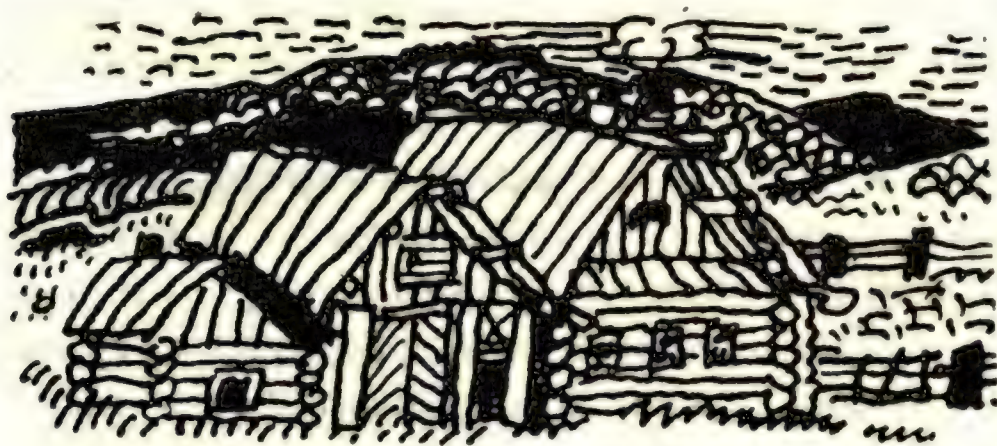
Он, Кривенков, здесь не жил, все больше наездами был и товарищами навещался. Но в конце концов поймали его, у любовницы поймали. Говорят, она выдала его. Было это как раз перед японской войной. Связали его, с тех пор ничего о нем не слыхивали.

Зап. в пос. Висиме от М. С. Кривоногова, 1879 г. р.

Ванька Кривенков грабил богатых мужиков, но помогал бедным. Друг у него был Володька Ушаков, проводил политическую работу на наших приисках. Лет двадцати был, а чтобы отвлечь внимание начальства, в деньги играл с рабочими.

Был здесь один скупщик платины Черемных Кондратий Семенович. Вот Кривенков и решил его убрать, шибко он мужиков обирал. Но друг друга в

лицо оба не знали. Вот едет раз Черемных и остановился, а на него из лесу человек и винтовку нацелил. Спрашивает деньги. Ну, а с Черемных было шестьсот рублей, он их отдал. Отпустил его Кривенков, ничего не сделал. Надоело это Черемных, и решил он известить Кривенкова. Распустил свои щупальца, и поймали Кривенкова под Кунгуром. Везут его трое: два станowych да пристав. Заехали они к Черемных. Встает Кондратий Семенович и говорит: «Ну давай, Ванька, выпьем по рюмке, боль-

ше нам с тобой не свидеться». Кривенков посмотрел на него и говорит: «А жаль, что я тебя в лесу не пристрелил. Ну, да ничего. Будет еще время». Ушел снова после этого Кривенков от стражи, и убил он Черемных. Выстрелил ему в голову, приехал тот домой и умер, но сказал жене, что убил его Кривенков. И такое еще бывало. Появится Кривенков на селе, а начальству сразу доложат, ну за ним погоня. А кони у Кривенкова хорошие, догнать его не могут, а из виду не выпускают. Видят, заехал Кривенков в один дом. Сразу тот дом оцепили, мухе пролететь негде, стали искать, а он как сквозь землю провалился. Нет ни его, ни лошадей. Стоят, переглядываются, ничего не понимают. Заехал человек и как сквозь землю провалился. А он и правда провалился, только не через землю, а под пол. Полы были сделаны у пособников Кривенкова на пружинах. Заедет он во двор, нажмет пружину, пол перевернется, и он под

Л

Лѣта на́ша
я́кш пауч́нка
поуча́хъся.

пол, ну, его поймать и не могли. В войну уж, говорят, погиб он.

Зап. в пос. Висиме от В. К. Ольховикова, 1905 г. р.

Про разбойника Ваську

Разбойник Васька Журавлев неуловимый был. Поймают его, а он обязательно уйдет из тюрьмы дня через два. Или стоскуется по жене, придет домой. Побудет немножко и говорит ей: «Иди в полицию и скажи, что я дома. Награду возьмешь за мою голову». Ну, она не идет. А он все же ее уговорит. Пойдет она с доносом. К ней сразу и нагрянут. У бабы сердце в пятки: поймают ее мужика, казнят. Обыщут весь дом, никого не найдут. Во дворе попадется им какой-нибудь нищий или дворник старый да глухой. Вот и спрашивают раз дворника:

- Дедушка, не видел Ваську?
- Нет. Спит еще на печи.
- Да нет его на печи.
- Ну, нет, тогда не знаю.

А сам еле двигается. Уйдет только полиция, а следом записку приносят к приставу: «Все вы дурни набитые. Отдайте моей бабе выкуп за мою голову. Был я дома. С вами имел счастье разговаривать в образе дворника». Нечего делать, выдадут бабе деньги. Боялись его очень. Хитрый он был. Часто проводил он полицию переодеванием, и никогда его узнать не могли. А ему от этого двойная выгода: дома побудет и деньги баба получит.

Зап. в пос. Висиме от А. И. Сергеева, 1891 г. р.

Про шайку Лбова

Была на наших приисках еще лбовская шайка. Заступалась она за бедных. Придут в деревню, зайдут к какой-нибудь

старухе, попросят молочка или мяса, а у старухи нет ничего. Ну, ее и спрашивают, можно ли за деньги купить корову, та отвечает, что можно. Вот выложат они денежки на стол, и пойдет старуха, приведет коровку. Молоко и мяско появятся. Побудут они немного, а когда уходить будут, то снова выложат деньги на стол и скажут: «Вот, бабушка, тебе денежки, купи коровушку, а мы, бог даст, если зайдем когда-нибудь, то ты нас молочком и угостишь». Старуха, конечно, рада. Много таких случаев бывало. И всегда появляются там, где жить уж становится невмочь.

Зап. в пос. Висиме от А. И. Сергеева, 1891 г. р.

Во время демидовщины была шайка Лбова. Он из простых рабочих был, шел против всех помещиков. Часто появлялся он на приисках в Кушве. Работает драга, налетит он, обчистит драгу-то. Золото, платину заберет, а потом и напишет: «Лбов был, с вами беседовал».

Зап. в пос. Старая Утка от М. Н. Ефремова, 1900 г. р.

В Невьянске был разбойник Кушкин Александр. Богачей грабил. Ведь раньше ярмарки были. На ярмарку богач поедет — убьет его. В деревню приедет, все раздаст бедным. Если деньги есть, напоит вином. А лошадь была — никто не мог догнать.

А потом его становой пристав арестовал в Рудянке. Около двухсот килограммов он был весом.

Когда его окружили, он из дома выскочил: как нажал крыльцем¹, крыша-то слетела, выскочил на конек — кругом окружен. Становой пристав говорит: «Саша, слезай, мы ничего не сделаем». Его в башню Невьянскую заклали, он

¹ Крыльце — плечо.

там иссох. Его ведь пуля не брала, и лошадь его пуля не брала. Он сам себя заколдовал.

В 1750-м, кажется, он путешествовал. Так-то. Он бедных не трогал.

Зап. в с. Шурала Кировградского р-на от Н. И. Заркова, 1901 г. р.

Раньше сюда ссылали ссыльных. Здесь была тюрьма, казармы, стояли солдаты. Каторжане работали в шахтах в кандалах. Некоторым из них удавалось сбежать. Их народ поддерживал. В некоторых домах в стенах были прорублены окошки¹, и сейчас один такой дом сохранился. В эти окошки или просто на завалинку ставили пищу: хлеб, молоко, табак. Каторжане ночью приходили и брали. Жили они в лесах и занимались разбоем, но простой народ не трогали. Налеты устраивали на богатых купцов.

Зап. в г. Березовском от Н. Д. Красноярова, 1903 г. р.

В 1774 году, что ли, подошел сюда отряд Белобородова, он у Емельяна Пугачева был. Взяли они Бисерть без боя, потому что сами рабочие симпатизировали Емельяну. Двести человек ушло с ним. И вот осталась такая легенда. В этом отряде были братья китаята, Китаевы, значит. И вот когда Емельян Пугачев был казнен, они пришли сюда и долго ужас наводили на богатых. Они их грабили, а деньги и добро раздавали бедным. Что с ними случилось — неизвестно, а память о них до сих пор в народе.

Зап. в пос. Бисерть от В. Н. Соколова, 1917 г. р.

¹ Специальные маленькие отверстия.

На нашем Ревдинском заводе до 1914 года было две домны, обе работали на древесном угле. Этот уголь добывали за Красноярром и здесь у нас — кучеклады (мы так их звали, а не углежогами). Они рубили куренные дрова, складывали их по-особому в куренях, заваливали дерном и жгли без доступа воздуха, получался уголь.

Восстание началось в 1841 году, 7 апреля, в понедельник. Кучеклады возмутились, что им прибавили меру, уже не в первый раз прибавляли. Они начали писать жалобы к высшему начальству, послали ходатаев в Первоуральск и Екатеринбург. Ходатаев этих схватили. Тогда кучеклады решили забастовать, по-нынешнему выражаясь. Все они съехали в Ревду, поселились на Елани и вели переговоры с ревдинским начальством. Они вышли на площадь с добрыми намерениями, а солдаты стали стрелять боевыми снарядами.

В нашей домашней летописи записано: «Убито — 161 человек мужчин, женщин 5, 2 девочки и мальчик. Всего убитых и раненых — 250 человек. Солдат было 200 человек».

Закончилось это восстание 15 мая. Потом кучекладам был суд. Уже при Советской власти улица Елань была переименована в улицу Возмутителей.

Зап. от В. Н. Ушнова, 1891 г. р.

Огонь

¹ Волнение, вспыхнувшее среди крепостных людей ревдинских заводов Демидовых в 1841 году, — одно из самых крупных выступлений горнозаводских людей Урала. Это волнение ревдинских углежогов отличалось особенной активностью и сплоченностью рабочих. Против них были высланы карательные отряды, но на ультиматум властей восставшие ответили, что «решились стоять твердо на своем». Восстание было жестоко подавлено.

Я еще мальчонкой был, как мне дед про тот бунт¹ рассказывал, он и сам поротый за него был. Там какой-то приказ был, чтобы ничего не садить, окромя картошки, да и ту забирать хотели. А народ был шибко злой от голода, ну и взбунтовались. Сначала просто орали, а потом обуховский мужик пришел — он дюже грамотный был. Научил мужиков, как надо свое отстаивать, ну, они и смели всех — и царску, и местну власть — да свое начальство избрали. Долго они правили, хороша жизнь была. Только царь послал солдат, их силой и взяли.

Всех пороли, и деда моего тоже, а Григория Боровских с друзьями в Сибирь сослали. Ну, а потом друга революция была — Октябрьска. В этой уж победили.

Зап. в Закамышловске (пригороде Камышлова) от Г. И. Черданцева, 1903 г. р.

Григорий сильный мужик был. Когда войну делали, он своими руками писаря схватил да и воевал, крутил вокруг себя, как дубину. А потом ему предлагали волостным стать, а он сказал, что, мол, деды мои землю пахали и я ее пахать буду. Создали в Закамышловской волости свое, мужицкое правление. И Гришка там был. Только мужики потом его перестали слушать,

¹ Волнения в Камышлове, получившие название «картофельных бунтов», происходили весной 1842 года. Непосредственным их поводом было распоряжение уездных властей о создании неприкосновенного запаса семян яровых культур и обязательной посадке картофеля. Крестьяне считали эти распоряжения фальшивыми. Волнение охватило несколько волостей. Крестьяне Закамышловской волости, поддержанные беднотой города, под руководством крестьянина села Обухово Григория Боровских, овладев волостью, избрали мирское управление. Выступление камышловских крестьян было подавлено военной силой.

дозоры не стали выставлять, их и взяли всех втихаря. Потом на площади всех пороли чуть не до смерти. А Боровских в Сибири помер.

Зап. в Закамышловске от С. С. Апраксина, 1897 г. р.

Григорий-от Иваныч мне дальним родственником приходится. Моего деда троюродный брат. У нас и фамилия одна. Он тута главный был, когда Обухово бунтовало. Шибко все орали, а он как шмякнет кулаком — все его послушались: уважали его все, умный был. Все и сделали, как он велел. Выгнали всех богатеев, сами хозяевами стали, а Григория Ивановича главным сделали. Разрешили все садить: и ячмень сеять, и пшеницу, а картошку только кому надо для себя. Все довольны были, только скоро их выдали солдатам и в Сибирь отправили. Там большинство и померло.

Зап. в с. Обухове от К. Н. Боровских, 1892 г. р.

Дед сказывал, что тут цела война была, как революция. Народ шибко недоволен был, что ему приказывали ниче не садить, окромя одной картошки. Люди до буйства доходили. Их организовал Гришка Боровских, они целу революцию сделали: волость в свои руки взяли и даже мирское правление выбрали. Долго держались, с имя камышовски власти ниче сделать не могли, хоть и рядом были. Вызвали войска, не то из Оренбурга, не то из Екатеринбурга, ну и поймали всех. Главарей сначала на площади выпороли, потом в Сибирь отослали, а остальных так высекли, что калеками на всю жизнь остались.

Зап. в Закамышловске от Е. М. Павловой, 1892 г. р.

ЗЕМЛА

О Константине Саввиче Канонерове

Он с одиннадцати лет писать стал. Про Висим перво-наперво написал, про железную дорогу... Всех кулачков богатеньких (у нас кулачки раньше были), он их всех продернул. Про каждого отдельное сочинение было.

Вот у нас был один купчишко непростой, он об нем и писал, я маленько помню. Ларион его звали, о ком он писал, — Ларек:

Ларек циркачистый,
Оловянный глаз закатистый.
Залез Ларек на трубу,
Закричал во всю голову:
«Вы, пьянчужки, собирайтесь,
С деньгами соезжайтесь,
Найдется для всех винца
У Ларька-молодца.
Поиграю я вам в скрипочку,
Обдеру я всех, как липочку».
Оберет он их навыворот,
А потом берет за шиворот.
За ворота их выкидывает,
На заклад процент накидывает.
Вот закладчики ругаются,
Что заклады их теряются...
Он прикажет Семе с Пашею
Проводить их с богом взащею.

Зап. в пос. Висиме от Е. М. Канонеровой, 1894 г. р.

Про подземные ходы¹ Верхнего Тагила

Рядом с плотиной стоит господский дом. Его так до сих пор называют. Раньше в нем жил управляющий. Из этого дома был сделан ход под землей, который идет под Теплую гору. Говорили, будто он сделан для того, чтобы управляющий мог убежать в случае опасности, ведь на заводе часто были бунты рабочих. Другие говорят, что он сообщался с хромовыми рудниками, которые раньше были за Плешивой горой. Теперь эта гора обросла немного, но ее все еще называют Плешивой. Делали этот ход каторжники. Их не выпускали из-под горы. Там они работали всю жизнь и умирали там же. Все держалось в секрете.

Мне тогда восемь лет было, когда отец рассказывал, как обращались на заводе с рабочими. Прямо под домной было сделано подземелье. Туда загоняли рабочих, которые провинились за что-нибудь, и страшно мучили.

Когда сломали домну, то нашли эти коллегии² и даже человеческие кости.

Зап. от Е. Г. Яковлевой, 1913 г. р.

Была легенда, что у Демидова ходы есть. Ну, мы и решили проверить с ребятами-столярами, молодые мы еще были. Взяли фонари и пошли.

Ступенечки маленькие. Вправо — ход. Стены кирпичные. В стенах — каморы. Двери массивные у них. Он держал вроде здесь провинившихся своих. Чем им дышать в этих каморах? Дальше обвал, ход закрыт, кирпичи так и на-

¹ Подземные сооружения во многих уральских городах имели самое разное назначение: технологическое, оборонное, использовались их владельцами для сокрытия следов злодеяний, для хранения сокровищ и ценностей, были связаны с тайным производством.

² Коллегии — здесь: подземельные помещения.

валены кучей. Хотели дальше идти, да куда там! Пошли обратно. Еще дверь увидели, а перед дверью ступеньки. А дверь кто-то замуровал старинным кирпичом. В фундаменте камор — отверстия. Говорят, деньги чеканили. Так мы и вернулись. Конечно, надо заняться этим делом, дверь размуровать да узнать, куда ход-то вел.

Зап. от Б. А. Корюкова, 1913 г. р.

Сысертские подземные ходы

Подземные ходы были от церкви к заводу и к домам, где сейчас санаторий «Урал».

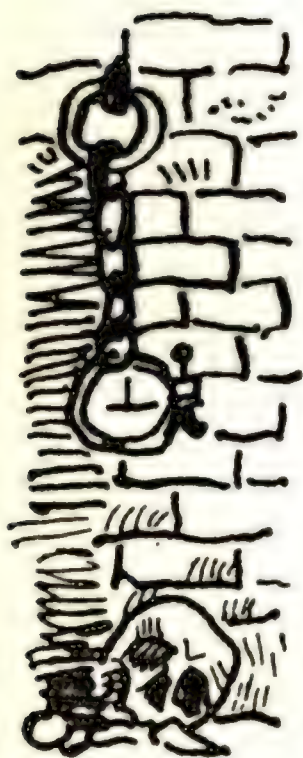
И там окошки такие были. Там живых людей к стене ставили и прутьями приковывали. Ни есть, ни пить не давали. Казнь такая была. А сейчас двери-то замурованы.

Зап. от А. А. Высовой, 1890 г. р.

Слышал от бабушки, что был от дома Соломирского подземный ход, а в нем камеры смертников. Всегда если кто-нибудь проявлял недовольство начальством, властями, то куда-то пропадал, его уводили в волость, так говорили. Потом объявляли, что ночью рабочий сбежал, его «искали» и верили, что он жив и где-то скрывается. На самом же деле рабочего заживо замуровывали в подземные камеры, его приковывали на цепь.

Это подтвердилось. В 20-е годы находили эти камеры, цепи, кольца, скелеты. Мы это увидели, показали народу. Строили эти камеры каторжане, бродяги под руководством англичанина. Англичанин уехал, а рабочие потерялись. По легенде, они там же и зарыты.

Зап. от Ф. Ф. Васильева, 1904 г. р.

Старики говорят, что ходы были Соломирским построены. Если рабочие бунтовали, то хозяева по этим ходам спасались.

Зап. от М. А. Филенкова, 1882 г. р.

О свердловских подземных ходах

Есть такой ход. От Дома Союзов до Дворца пионеров. Мать часто про него говорила. Она прачкой была у Миславских. Там, она говорила, рабочие работали, а оттуда уж никто не ворачивался. Нельзя было вернуться, золото доставали.

Была такая поговорка, что Екатеринбург построен на человеческих костях. Оно, может, и действительно так.

Зап. от Б. П. Бурдова, 1910 г. р.

Старики говорили, что на Каменных Палатках подземные ходы были. Политические там скрывались. Рассказывали, что и Свердлов там скрывался. Свердлов выступал там. И вдруг полиция напала. А Свердлова-то нет. Куда делся? Ушел. А куда? Значит, ходы там были.

Зап. от А. Ф. Гильдина, 1930 г. р.

В Свердловске подземных ходов немало. Один — легендарный. О нем много легенд ходит. Он идет от дома Расторгуева в парк, что рядом с домом, и доходит до пруда там. В 1927 году, когда я работал в обкоме комсомола по пропаганде, мы прошли по этому ходу. Сначала была дверь, очень низкая, приходилось нагибаться. Ход выложен был камнями, а пол был земляной. По нему мы шли, но конца не нашли, ход оказался засыпанным.

Зап. от К. М. Устинова, 1904 г. р.

Есть, конечно, подземный ход. От дома Харитоновова до Ипатьевского дома идет. Думаешь, как царя-то убили? Кто-то из рабочих проник по ходу в дом и убил. А так попробуй, убей царя-то. Народ ведь возмущаться будет.

Зап. от М. М. Коуровой, 1904 г. р.

Подземный ход соединяет Исеть с озером в парке харитоновского дома. Раньше делались попытки найти, где прорыт ход, но все безуспешно.

А про этот дом говорят, что там есть еще ход, созданный руками рабочих. И содержалось все в тайне, где он находится. В этом ходе были созданы кельи. В общем-то кельи были вырыты специально. Хозяин этого дома держал монахов пришлых. Эти люди появлялись в городе, их никто не знал, откуда приходят и куда исчезают. Прислуге строго-настрого было запрещено ходить в кельи. Вели эти монахи какие-то тайные дела. Никто, кроме хозяина, не был посвящен в эти дела, и доступ в кельи был только хозяину. А монахи — одни приходили, другие уходили. А потом, с чем это связано, неизвестно, все это осталось тайной, через некоторое время хозяин приказал все эти кельи и сам подземный ход замуровать.

Нет, а все-таки интересно, найдут эти кельи или нет, ведь где-то они замурованы!

Зап. от Л. Овчинниковой, 1957 г. р.

Может быть, и был ход из дворца харитоновского. Мне рассказывал один человек, который был действительно в подземном ходе. Это было вскоре после революции февральской.

В харитоновском саду сидел один человек — Иван Степанович Соколкин. Он еще был тогда холостой. И вот подходит к нему человек в военной форме и взял его как понятого. И они спустились в ход. И шли по этому ходу. Дошли

до плотины, и этот человек сказал, что здесь плотина. И дошли до какого-то места. И там получился завал.

Разговор шел о ходе. Что этот ход вел до тюрьмы. Наверное, брали из тюрьмы людей, и там они чеканили фальшивые деньги Харитонову.

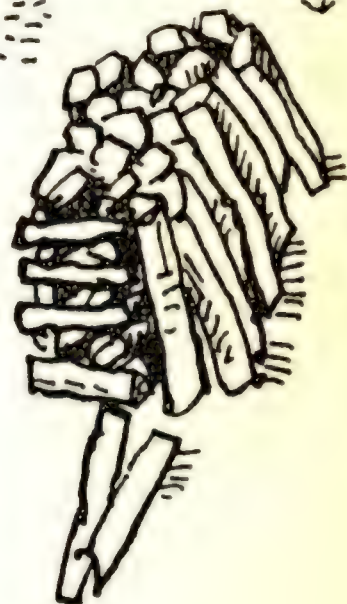
Зап. от С. В. Чудинова, 1901 г. р.

О разных работах

О работе углежогов

Раньше все завод работал на древесном угле. И вот целые семьи после Пасхи едут в лес жечь уголь. Сначала они заключают договор с лесничеством. Около города была казенная дача, там и жгли кучата.

До страды (15—29 июля) рубили и пилили лес, готовились к жжению. Пилили дрова одного-двух метров длиной. Находили ровное место и выкладывали клеточку из дров длиной пятьдесят — шестьдесят сантиметров. Высота клетки один-два метра. Вокруг клетки, немного в наклон, кладут бревна. Потом начинают дернить кучонок (обкладывать его дерном). Наверх насыпают земли. В середину клетки спускали горящую бересту и поджигали. Для доступа воздуха внизу кучонка были продушенки. Огонь должен был скоро потухнуть, и уголь тогда начнет томиться. Томиться он может и до двух недель. В это время рабочие неотступно следят за кучонком, регулируют подачу воздуха и периодически уминают уголь, взбираясь наверх. Уминают при помощи трамбовки — тяжелого бревна с двумя ручками; еще ее называют болванкой, балдой. Это делают для того, чтобы не было головней. Вот тут и случались не-

счастья. Иногда дрова внутри кучонка из-за недосмотра прогорали, и человек, ходивший поверху, да еще с тяжелой трамбовкой, проваливался в кучонок. Иногда кучонок «баловал» — стрелял в воздух огнем. Случалось так из-за того, что слишком много огня и горячего воздуха внутри, из-за малого количества земли, из-за неправильной регулировки подачи воздуха вовнутрь. Вырывался сноп огня, и кучонок сгорал. На этот случай рабочие специально готовили песок, воду, снег, землю.

Когда уголь готов, кучонок начинают ломать. Уголь откидывали взъемами¹. После того как выламывают кучонок и отделяют головни от угля, ставят на сани коробья и загружают их. Из мочала сплетена сетка; ею покрывали короб, чтобы уголь не рассыпался.

Обычно жгли уголь до Рождества. Жили все время в лесу, в землянках. Бань не было, рабочие ходили грязные, а приехав домой, часами сидели в горячей воде — отмокали.

Мастера своего дела были... Вот был Шумилов Ваня, Пипа прозвище, углежог хороший был. Из Медведева села жег кучата-то матрос, вот тот на славе был. Уголь выжжет так выжжет, и головней нету. Самолучший уголек.

Зап. в г. Н. Салда от И. П. Замураева, 1890 г. р.

¹ Взъем — вилы для подъема выжженного угля.

Кучонок-от когда изломают, клетка остается. От угля сажа летит — дак это соболь.

Как клетка останется, ее толкнут, дак кричат: «Лови соболя!» — и все бегут. Сажа такая густая на несколько метров летит. Все черные стают, зубы только одни остаются белыми. Папка у меня жег кучата-то, дак иногда скажет:

— Петко, иди соболя ловить!

— Какого соболя?

— А иди, соболя поймаешь.

Подойдешь, а они дернут кучонок-от, пыль и полетит.

— Поймал,— спросят,— соболя?

— Поймал!

Потом уголь-то в коробьях везешь в завод. От двух до пяти кубов привозили. Там палочник ходил с палкою и мерял. Где выше палки, сгребал с короба, где ниже, то надо было еще добавлять. Там еще через решетки уголь пропускали. От отца слышал, что люди сгорали в кучатах. А сам не видел. Вечерами молодежь приходила с гармошкой, с гитарами, балалайками. Такую плясню откроют! Сидишь, смотришь. Вот так мы уголь-то жгли.

Зап. в г. Н. Салда от П. А. Суханкина,
1909 г. р.

Однажды, когда надо было разламывать кучонок, меня первый раз взяли с собой. До этого я ни разу не видала, как это делается. Приехали туда. Я смотрела и помогала кое-что делать. И вот осталось совсем немного до конца разломать. Мне и говорят: «Становись, Анка, вот сюда и будь наготове, сейчас мы будем соболя гнать, а ты лови». Вот я встала с ведром воды и стою, напряглась вся, боюсь, как бы не проглядеть. Вдруг как бросят в меня пыль с лопаты и хохочут все вокруг: «Вот и поймала

соболя!» Это всегда так делали, когда новичок приезжал. Вот и я прошла через это.

А вот еще я вам скажу, что были случаи, когда люди угорали. Лягут лежать на кучонок, он теплый, хорошо лежать. Задремлет кто-нибудь, ну и угорит. Отваживаться приходилось.

Зап. в г. Н. Салда от А. Н. Константиновой, 1903 г. р.

Когда доламывали кучонок, то в самой середине было много золы. И в неопытных людей кидали золу. Это и называлось «поймать соболя». При этом часто спрашивали: «Хочешь соболя на воротник?» Этот обычай назывался так потому, видимо, что углежоги часто надеялись, что жжение угля принесет им богатство. А это богатство должно было вроде быть в самой середине. И соболю упоминался как символ богатства и по сходству цвета: черная зола и черный соболю.

Зап. в г. Н. Салда от П. А. Гусева, 1903 г. р.

О конных пастухах

Дед мой раньше пастухом был и мне рассказывал, что здесь раньше скотоводством тоже занимались. Тогда машин не было, и все на конях робили: на обжигательную печь руду возили, на дробилку, на мартены. И у подрядчиков тоже были кони. И пастухи, значит, были конные. Пастухов обычно выбирали весной, до Пасхи, на сходке. Тут же договаривались, как платить пастухам: с богатых по две копейки, с беденьких по одной. А бывало, что пастухи сами выкрикивали себе цены, кто дешевле, чтобы их выбрали. Иногда дешево берет, а его не выбирают, так как он пасет плохо. Потом в Пасху пастухи на конях с колокольцами ездят, как бы велят коней сганивать. Сами наденут красные рубахи, синие пояса,

широкие шаровары. Едут с песнями, звоном. На завод заедут, побалуются, колокольцами побрякают и дальше едут. После Пасхи, в понедельник, собирали коней и гнали пасти. Сганивать помогали посторонние, а то самим пастухам не управиться. Лошадей было по пятьсот — семьсот. Пасли до Петрова дня. В Петров день пригоняли коней домой, на страду. Тут пастухи начинали пировать. Они ехали по улице, скачки устраивали, песни пели. Многие ворота открыты были, около ворот угощение стоит. Обычно угощали те, что побогаче; но были такие скупцы, что и не выставляли угощения. Пировали пастухи обычно у младшего пастуха, это который меньше всех пас. Сложатся все, еды, питья приготовят и вместе с женами пируют. После страды опять угоняли коней и пасли до самой осени. Вот так, говорят, и жили пастухи.

Зап. в г. Н. Салда от С. Д. Старикова, 1901 г. р.

Многие церковные праздники были связаны с народными обычаями. Например, Егорьев¹ день. В этот день собирались и выбирали конных и коровьих пастухов. Конные пастухи ездили по улицам, гремели в колокола, пели песни, такие, как «Девушки-красотки». Пастухи разъезжали на самых лучших лошадях. Эти праздники были очень

¹ Егорьев день — 23 апреля ст. стиля. Выгоняют первый раз скот в поле.

красивыми, массовыми, народными. В этот праздник любители спорта собирались бороться на кулачках, тянулись палкой. Каждый год в Нижней Салде была Никольская зимняя ярмарка, это было замечательное время года. Съезжались отовсюду гости: из Алапаевска, Шадринска, Тулы. Торговая площадь тянулась свыше километра. Приезжал бродячий цирк — развлечение для взрослых и детей. В Нижней Салде не было никаких культурных учреждений, только церкви и винные лавки. Первая церковь, деревянная, открылась в 1764 году, а первая школа — в 1836 году, на семьдесят лет позже.

Зап. в г. Н. Салда от И. В. Орлова, 1899 г. р.

А ведь интересно было! Вот Петров день, например. Уж в этот праздник пастухи в почете. Их привечали тогда. Едут они на нескольких телегах. А им каждый несет кто что может. Все тогда от них зависели. Каждый старался угодить пастуху, чтобы он лучше заботился о лошадях. Вот и несут кто молока, кто творогу и уж яйца, конечно. Да и стопочку подносят.

Зап. в пос. Ст. Утка от Крохиной, 1915 г. р.

В конце мая выгоняли коней на летнюю пастбу. Конные пастухи наденут войлочные шляпы, опояску красную или широкий ремень с пряжкой, шаровары плисовые. Выгон — праздник. Коней отправляли на все лето, некоторых в

страду брали, а некоторых все лето держали на пастбище. Когда выгоняли, пастухи пели:

Зеленая веточка,
Ты куда плывешь?
Берегись, моя несчастная,
В синем море потонешь,
Там тебе, ветка, не справиться
В море с бурною волной...

Соберут всех коней, гонят по селу. К концу подойдут, если у них не хватает коней, то запоют:

Ох ты, участь моя, участь горькая...

Зап. в с. Серебрянка Пригородного р-на
от А. Г. Везденева, 1892 г. р.

Про салдинских бурачников

У нас на Урале народ-то умельцы. Взять бы нашу Салду. Ведь как бураки здесь делали! Видели, поди-ко, в музее-то? А знаете ли как их делают? Сперва, значить, надо березу найти с гладкой корой. Да без занадрин¹ чтоб была, без дырок то есть. Ну вот, пилят березу. Потом распилят ее, бедную. Кору надрежешь, повернешь и снимешь. Это — склотень называется. Его-то вовнутрь помещают, а сверху бересту накладывают. Береста — уже не цельный кусок, нарезана. Где куски соединяются, то спаем зовется. Дно кедровое делают. Крышка опять же из березы. Ручка березова. А нож-то у мастеров тоже особый: с двух сторон острый да узкий... Чтобы грудь-то не поранить, на грудь баклушу одевали. А уж опосля готовые-то бураки бабы по-всякому расписывали. Делали их все больше в Талом да Балакине. А уж посудинка-то была что надо! Не в пример нонешней.

Зап. в г. Н. Салда от С. Д. Старикова,
1901 г. р.

¹ Занадрина — острая, слегка отщепившаяся небольшая частица на поверхности бревна или доски.

О сплавной работе
О силачах
О смекалке, мастерстве,
изобретательстве

Народные рассказы о сплаве на реке Чусовой многочисленны и интересны в художественном отношении. Об этой работе при всей ее трудности и риске вспоминают с видимым удовольствием. Это был труд коллектива людей, а где коллектив — там задор, веселость и уверенность в своих силах. Рассказы о дне «спишки», то есть спуска барок на воду, всегда эмоциональны и образны, полны юмора, — непривычному к этой работе трудно приходилось, вот и подшучивали над ним.

О сплавщиках, бывших «на славе», рассказывают с уважением, с любопытными подробностями. Жители Сулема, Усть-Утки, Боронской с уверенностью утверждают, что их знаменитые односельчане Акинтий Яковлевич Гилев, получивший за свой острый язык прозвище Акиня-балагур, и Лупан Платонович Долматов описаны Маминым-Сибиряком в очерке «Бойцы» под именами Окини и Лупана.

Образы сплавщиков, мастеров своего дела, в тонкостях постигших нелегкое искусство «хождения» по горной реке Чусовой, выразительны, в них раскрылись яркие грани этико-эстетических оценок народа.

Барки строили зимой и 25 марта их спустили на воду. Хотя тогда и лед был, лед в реке сдлабливали для них, место очищали. Потом приведут их на место, называлось Гавань, закроют ворота, пустят из пруда воду, она подыметя,

барки подымутся, потом делают доделки на воде, какие надо, чтобы править баркой. Потом, когда барки на воду спускать, делается спишка. Приходят, ударят в колокол, начнут звонить, люди собираются, из деревень приходят. Приходят сотни две человек, женщины тянут за снасть, а мужчины берутся и упирают в борта, в грудь барки шестами, кольями. На барке стоят человека четыре и наговаривают:

Вот зоренька занялась,
Я, младенька, собралась,
Вся силушка грянем — вдруг!

Как скажут «вдруг!», женщины за снасть тянут, а мужчины шестами, пишками упираются. Слушают, что на барке закричат, а потом в один голос:

Грянем со всем — вдруг!

И грянут, и налягут. Тычкают, тычкают, когда скоро, когда не скоро, но вот пошла, пошла с-под гору крутенько, она и покатится сама. Все колья вверх поднимают, женщины уже ведут ее за косяк, за легости¹. Ставят в строй к каравану, а оставшиеся идут в гору к другой барке.

Во время спишки косные наряжают людей, куда встать. Где густо стоят, там раздвинут, покажут, где встать. У косных красные опояски и красные ленточки на шляпах, на опояске — белые кисти до колен, а ленточка на шляпе долгая до половины спины. У съемщиков — синие ленты и синие опояски или зеленые. На косных красные рубахи, на съемщиках — черные.

Спишка-то была как праздник большой. По сотке мужикам вина в день спишки. Караванный пишет в кабаке торговому цифру, по сколько на человека дать вина, по сколько кренделей.

¹ Легость — веревка с тяжестью на одном конце, с помощью которой подают с барки на пристань причальный канат.

Земля

Хлеб

Когда вода прибудет, уделка барок вся кончится, поправится караван, тогда торопятся к отвалу. При отвале сигнал подают, чтобы народ собирался, кто условился плыть, и чтоб публика собиралась провожать. Народу, народу тут множена! Кто идет на Шайтан-камень смотреть, это больше те, у кого никто не плавает, а у кого плывет, те шли на биржу провожать. Хороший день, теплый, так гемзится¹ по берегу народ, как мак цветет. А караван бывал неодинаков, успеет выработки много, так по двадцать, двадцать две, по двадцать пять барок бывало. А когда раньше из Невьянского возили железо, так из Шайтанки судов по пятьдесят, по шестьдесят уходило. Железных дорог не было, так из Екатеринбурга возили сало, масло, вниз все туда, в Россию; а здесь Урал назывался, а у нас — Пристань. Еще пристани были Илим, Ослянка, Утка.

Когда плыли-то, если погода ветреная да вода мала, так наработывались. Весной плыли, шубу с собой брали, на воде сыро. Плохая-то погода очень немудрая для работы. Тихая-то погода, солнечно, так на солнышке лежишь, а дождь да ветер, все уйти нельзя, остановить барку сплавщик не хочет, надо гнать по воде.

Вся караванная прислуга ехала на казенке — косные, съемщики, сам караванный. На казенке теплые комнаты строили, печки в них, для рабочего человека этого не было. У караванного прислуга была, повар был, подавал кушанья ему. Караванный хорошо жил, только скупой шибко был, копливой, деньги копил, Евстигней Иванович Голдобин звали его. Рослый, толстый, высокий, нос длинный, вроде вниз загибается, ходил зимой в кудрявой шапке.

¹ Гемзиться — от гомозиться — суетиться.

Придешь, попросишься иной раз:

— Запишите меня на сплав.

— Так некуда.

— Да запишите.

— Ну, запишу.

С кем грубо, а с кем не грубо, кто у него сосед был, так не грубо. Пищу дома плохую ел. Жил скупно, прислуги лишней не имел, во дворе, когда приедет, так сам скребет. Укладчик железа против его жил, так убирал у него двор, ему караванный за это платил. Его не хвалили, что деньги копит. Сидит в конторе за своим столом, папироску добудет и глядит, не вертит ли кто сигарку, не закуривает ли. Тогда подходит к тому и прикуривает, а свою спичку жалел. А спички стоили одна копейка коробка.

Зап. в с. Чусовом, Шалинского р-на от
А. Д. Ручкова, 1874 г. р.

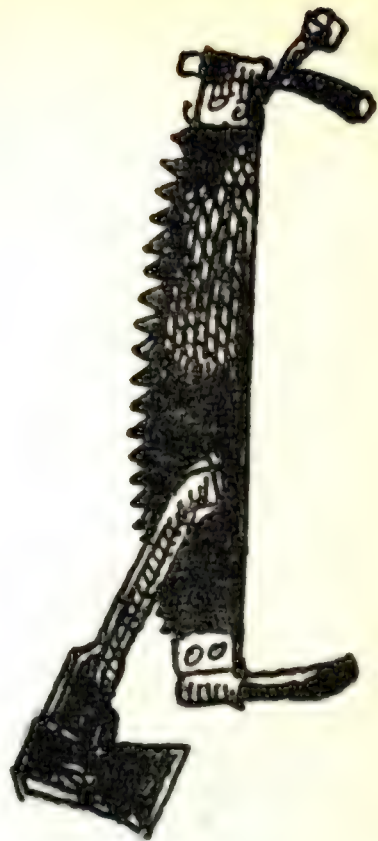
Работала я на постройке барок с двенадцати лет с отцом. Он был мастер строить барки, опытный был. Если взял свою половину барки, то уж себя не сконфузит.

Все надо припасти весной и летом, а строили зимой. К Покрову дню надо днище барки выстлать, а кто не выстелет — хлеба не дадут. А хлеб давали в конторе.

Одну барку выстроить — так до слез. Редко одна-то семья цельную барку работала, больше половину брали, а то и четвертушку. Складывались четыре семьи и работали одну барку.

Сильные были люди. Втроем «конь» поднимали: я, да сноха, да отец. А «конь» — это верхняя укрепа, на которой крыша барки держится. Воротом ходили¹, когда конь-то подымали. «Вон, говорят, у Саввatea-то конь поднят». А у других-то ходило по десятку людей, поднимали.

¹ Воротом ходили — здесь: навивая канат на лебедку, поднимали снасть на барку.

Проробила я с отцом на постройке барок... Только вот толку-то у нас мало было, когда работали — книжек у нас не было трудовых. А отцу-то бы какая пенсия была, если бы книжка была! Раньше моды не было на них. Трудились люди, а пенсии не было. А ныне хоть месяц поробит, и напишут в книжку. А мы без толку работали, без толку, без толку!

Зап. в с. Илим от Е. С. Тренихиной, 1885 г.р.

Барки строили зимой. В Шайтанке свои мастера по этому делу были, да и сейчас все примерли, конечно. Делали барки на берегу, а потом скатывали. Сначала катные бревна положат. Сталкивали всем народом, человек тысяча. Женщины впереди за веревку тянут, за снасть, а мужчины сбоку и сзади пишками сталкивают.

Теперь бы два трактора С-80 взяли бы ее да и свезли. А тогда нет. Толкают. Пели «Дубинушку», пели караванному:

Караванный, растопча,
Приговаривай емча¹
Да ходом!

Как пойдет она, так все палки поднимут. Потом заведут в гавань, начнут грузить, тюки со склада на тачках возят. Вывозки над водой высоко, который хорошо ведет, а который малосильный, он вместе с тачкой, с железом в воду, кувыркнется туда. Теперь бы кран поставили, стрела-то бы зашла да и подхватила. А тогда сила-матушка, мускулы за все отвечали. Примитивность была такая.

Погрузят, лед пройдет. Когда воды мало, заводчик-то местный купит в Ревде воду — аршин или пол-аршина, деньги заплатит, там воду спустят, вал подойдет, Чусовая начнет подниматься, барки

¹ Емча — емко, т. е. удобно, ловко, сподручно.

на этот вал, и погна́ли барки-то. Даром вода у них не проходила, все было рас-считано.

Убивались многие барки, на камень наскочит и уьётся.

Зап. в с. Чусовом от Н. Н. Сарафанова.

Красно барки сталкивали. Ой, народу-то соберётся! С этого берега барку столкнут, так на тот берег вода-то выхлестнет. Бабы песни поют.

Вот зоренька занялась,
Наша сила собралась.
Грянем да ух, да — хо-о-дом!

У меня братишка сродный был, ох здорово заговаривал. Один заговаривает, а оставшиеся строители поддерживают. А один с барки-то улетел. С одного боку улетел, с другого вынырнул. Говорил — словно звезды из глаз у него.

Раз наша барка уби́лася, а нас выплавили в лодках. Давно уж было. Она о матку¹ разби́лася. Матка лесом нагружена на шесть рядов. За пароходом их водили, либо матку, либо две. Как деревня ровно — нагружено. Там дома, скотина — все. А мы тут плыли да и налетели.

Зап. в с. Сулем от Е. С. Гилева, 1873 г. р.

Спишка-то придет, так как праздник. Народу много, илимские все. На барке стоял Агап Ефимыч Устинов, он был косным на казенке.

Наговаривают:

У Агапа в шапке вши,
Возьми гребень да чеши,

а он кричит, упрашивает: «А ну, бабоньки, постарайтесь, постарайтесь!»
А наговорщики наговаривают:

Наговорщик, растопча,
Разговаривай емча.

Грянем!

¹ Матка — бревна, сложенные высокой правильной формы кучей для отправки за пароходом.

Чашки, ложки продали
Да — себе кофты завели!

А как запоют:

Илимские девчонки
Словно аленьки цветочки
да грянем!

— барка словно сама идет. Все с длинными шестами. Слизни подведут под барку, спереди столбики подставят, а потом городки вышибут, она маленько к воде клонится, потом народ стребуют и возьмут ее шестами толкать, тут и наговаривают.

Невелика заработка тут, но интересно.

Зап. в с. Илим от Е. С. Тренихиной, 1885 г. р.

Барки-то большие — двадцать сажень длины, пять ширины — тяжелые. Поставят наговорщика, он и сочиняет, пока барку-то спихивают жердями. Народу-то на берегу, как мак цветет. А робили за пустяки — цены низкие. Ходишь вокруг барки всю зиму вдвоем. По сорок — пятьдесят копеек в день получали, а с самой осени до весны ее робили. Спихивают и припевают:

Караванный господин
Нам на водку посулил.

Караванный, растопча,
Приговаривай емча.

Зап. в д. Шайтанке от Е. М. Плюснина,
1882 г. р.

Днем и ночью грузили на барки, днем — железо, ночью — сковородки. Одна соседка наклонилась над сковородками в складу, а мы ждем, ждем, а ее нет, глядим — а она спит. А я прибежала домой, села чай пить, а блюдечко-то выпало из рук да и разбилось — спать хочу, цельную неделю робили день и ночь. Мать говорит: «Не ходи больше, ложись спать». Легла спать, а вечером прибежала робить. Нас тогда и отме-

чать стали и меня отметили, радехонька — десять копеек не пропало.

Зап. в с. Чусовом от Н. Н. Макуриной,
1875 г. р.

Как воду покупали

Во время сплава, если было маловодье, покупали воду у другого заводчика. Но не каждый год покупали. Когда половодье, то на коренной воде плыли: на ней еще надежнее плыть-то.

Воду в Ревдинском пруде покупали. Вершок купишь, а он подымал воду на аршин в Чусовой-то. И на этой воде барки пройдут с сотню километров. Только бы здесь проплыть, а там вода выше: речки впадают. Там дале ворот¹ нету — вода ровнее. Рабочим только объяснят, что вода куплена: «Спешите, пока вода не сбежала».

Зап. в с. Чусовом от Е. М. Плюснина,
1882 г. р.

Двадцать восемь раз сплавала до Перми. Как поплывем, мама нас начнет провожать, плачет: отец, ты не изнуряй их шибко да не кричи, они хуже сробеют. Тятя нам сделает по поносенке, мы и стоим с сестрой. Отец говорит: «направо», мы отробим, он скажет: «поттише», мы поттише. А как возле камня, так только крепись; поносную-то заведешь, так держи, а то она назад пойдет и тебя в воду сбросит. Возле Кына однажды плот надвое переломило. Тятя уплыл на одной-то половине, а я на другой осталась. Кричу ему: а я куда, а я куда? Он кричит мне: как поднесет к берегу, так выскакивай. Как ткнуло в берег, я и выскочила, а плот — сразу от берега. Тятя тоже быстро причалил и мой плот словил. Связали плот и вниз, до Камы. Говорят: выплывешь на Каму

¹ Ворот — здесь: воронка.

и помянешь тятю да маму. Сине, сине, берега не видно. Тут и пристань скоро. С пристани кричат: чей лес? Если не их, так «плыви дальше», а если их — «прирабатывай!». А если не можешь приработать, так выезжают с веревками на лодках.

Однажды нас под матку чуть не затащило. Тонут ведь тут. Нас пароходом вытаскивали. Потом на пристань приплыли.

Первый раз сплавили два плота. На одном я с сестренкой, на другом брат с женой. Деньги за два плота получили в Перми — в лавку Кряжову за зимний долг; вторые плоты сплавим — съездим в Тагил, наберем муки, продуктов на зиму. Этих продуктов хватало только до ползимы. С ползимы опять снабжаемся у лавочника в долг. Третьи плоты сплавим; наберем обнов на семью, так вот и жили. А зимой на лесопилке рубили и в курене. Семья была большая, из тринадцати человек долго не выходили. Работников было мало.

Зап. в с. Усть-Утка от А. И. Селивановой, 1893 г. р.

Отец занимался пашней, курени рубил, семья до десяти человек скоплялась. С тринадцати годов повели в курень — с тех пор то курень, то сплав, лес тоже рубили, возили на конях к Чусовой, женщины пилили, сваливали, а брат возил на паре. Раньше плотам плотили, плавили вниз.

На барках раз шесть плавала, на плотах раза четыре. Возле Кына шибко страшно было, ниже камень Мултык, так тоже страшно. От Разбойника отробишь, так хорошо, а то и останешься на одном бревне.

Сбросило меня как-то с барки, так в Перми лежала месяца три. Семнадцать годов было. От Илима плыли, барки пустые были, грузили в Ослянке. Грузили чугун, железо листовое. Плеча-то так натрешь! Листы железные на носилках несешь, а чугун-то — на плече. На барке ворот, кругом, кругом, кругом, кругом ходишь, лот так выхаживают, чтобы барка быстрее шла. Лот-то выходили да ворот и отпустили, он назад пошел, начал кружиться, меня воротом-то подшибло в спину да и в воду. Как сейчас вижу, вынырнула барка-то там, а мне кричат: «Гляди сюда, здесь барка!» Лодку спустили, меня вытащили, потом не помню ничего. Очнулась день на пятый, на шестой — в Перми, в больнице. Ниже Ослянки меня стукнуло, когда подплывали к Чусовой, к мосту. Теперь и болит тело-то, не дает робить, вот пол мыть не могу.

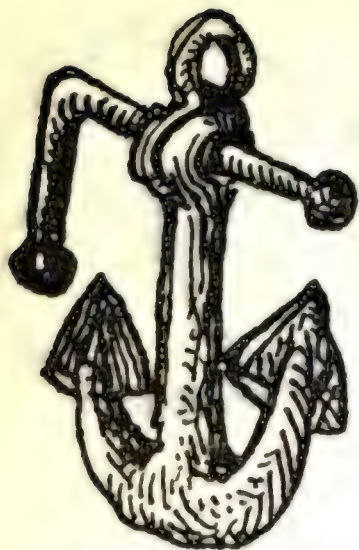
Когда лежала месяца три, так давали денег — от караванного, Рафаила-то, а потом, как вышла, ничего не давали. Вот какие заработки были — отсюда до Ослянки, — два рубля было сплавать! Потом уж после не плавала больше на барках.

Зап. в с. Илим от О. А. Чигвинцевой.
1892 г. р.

Сплавщик на корме, на скамейке, находился, командовал оттуда: «Налево, направо!» Он должен все знать. На это дело умелых людей ставили. Они учились обязательно, сплавщик у сплавщика. Ведь при сплавщике ученик был. Не уча-то, ничего не будет. Кто посмелее, с тем легче плыть, а то плохой иногда, силу в воде он мало знает. Вот и раз-

ЖИЗНОДАВ-
ЧЕ ХРТЕ БЖЕ
НАШЕ
СЛАВА ТЕБѢ

бивались барки, когда сплавщик прозеваает.

Из Утки вот четыре барки разбилось: об Шилков камень, об Мосин, одна на острову засела, на мель, одна об Шайтан. Об Шайтан-то тоже разбивались. А у нас Сидор Степанович как-то барку убил об Волегов боевой камень. Крюков его фамилия. Было это, должно, в 1903 году. Доставщиком был Софрон Павлович, он брал подряд у графини Стенбок-Фермор. Так Сидор Степанович сильно ему причинил убыток. Сидор-то пьяный был, то и убил. А вообще-то он чудной был; маленький старичок лет шестидесяти, с небольшой козлиной бороденкой. А сплавщик был хороший, знаменитый. Их барки первыми отправляли. Про него песню даже сложили. Песню сложил Пантелеев Василий Никифорович, а все пели:

Откатали ворота
И отправили Федота,
За им Иван Крохин,
А тут и Сидор покатил.
Сидор был сплавщик отличной,
Не давал работы лишней.

У Сидора был ученик, или вожжевик, Савва, про него тоже песня была, только не помню я ее.

У Саввы голос тонкой,
Собирает свои котомки...

Потом там пели, как Сидор барку убил, караванный приплыл и дал ему оплеуху. Ну, барку совсем не утопили, откачали ее, подняли, в Левшино проводили, все сгружали, железо перетирали.

Сидор говорит: «Кхе, кхе, один виноват». Караванному объяснил: «Одно вино виновато».

Зап. в с. Чусовом от П. Ф. Полозникова,
1880 г. р.

Василий Никифорович Пантелеев стихоплет был. Сочинял про сплавщиков. Сидор Степанович Крюков опыт имел

сплава, навык у него был большой, он плыл на барке. Стали к Волеговой подплывать, он, видимо, позабыл камень-то там да и убил барку-то.

К Волеговке подплывали,
В воде камень не видали.
Руль направо своротили,
Тут и барку проломили.

А на казенке караванным Софрон плыл. У него была лодка, раскрашенная красками, косные — гребцы все в одной форме: черная шляпа, красная рубаха, плисовые шаровары. Барка плывет на расстоянии голоса в трубу. Софрон на лодку с косными и вперед — к той барке. Лодка быстро идет:

Вот, глядим, плывет Софрон,
Больно был горячий он.
И кричит он: «Где сплавщик?»
И по уху его — чик!
Сидор под гору свалился
И за шапку ухватился.

Тут барку выгружать, все из барки добывать. А Сидору котомку на горб и домой идти. Раз аварийщик, значит, все, отработался. Случай этот был в 1902 — 1903 гг.

Еще так про него пели:

Сидор был сплавщик отличный,
Не давал работы лишней.
А у Саввы голос тонкой,
Знат таскат свои котомки.

Савва Михайлович Макурин — ученик сплавщика. А после Софрона караванным был Евстигней Иванович Голдобин.

Зап. в с. Чусовом от Н. Н. Сарафанова.

Фома Болонин выплывал из гавани не один. Много было женского и мужского полку, — Но не хватило у Фомки толку:
Фомка голосом воет,
А барка носом землю роет.
«Батюшки, кисло молоко не утопите...»

Начал отваливать, и во время отвала неудача получилась; барка туриться начала: задела передней частью, мелихватила, пошла на отур, значит, начала

Дѣша

на месте крутиться. Это было в Старой Утке, в 1903-1904 гг.

Зап. в с. Чусовом от П. Ф. Полозникова, 1880 г. р.

Плавали иной раз по два, по три раза в весну. Я одного ребенка-то в Чусовой принесла. С мужем я плыла. Дремлется на воде. Я плыла и задремала на плоту. И муж улегся на бревно. А спереди плот плыл, и кричат: «Гляди, солдат, сядешь!» Я соскочила и провалилась. Испугалась. До поносной добралась, а плот-то шурит по реке дальше. Бороздка была, нас на нее-то и вытурило с плотом.

Река-то не широкая. Плыдем. Я говорю: «Отец, дело-то неладное». Ночь пришла, крунуло меня. У всякого свои приносы бывают. И мы стали к берегу добираться, пристань узнавать. Остановились километрах в двух, меня и начало крутить. Я в лес. Он говорит: «Не поплывем дальше». — «Нет, — говорю, — давай поплывем». Думала — так что. Вот и робила. Легче было — ходишь ведь, мнешься. Приплыли. Я взяла да махнула мужу: «Веди меня скорее в гору». Приступочек в горе — подняться не могу. Он меня еще увел в гору. Я и родила там ребеночка. Двенадцать недель жил. Тоже, видно, недоносок был. Я думала, еще похожу недели две-три. Я еще и девочку принесла на покосе. Все было. Теперь куда лучше жить.

Зап. в д. Волегово от А. А. Лузиной.

Дедушка был у меня Акинтий Яковлевич Гилев — хороший сплавщик, на славе тут был. У Мамина-Сибирика есть Лупан, Акиня и Савоська — так Акиня и есть мой дед.

Очень был смелый, смысленый, не думай, барку не убьет.

Судов сорок согнал он за свою жизнь, а то и больше. Уйдет с самой весны, как

навигация откроется, и осенью придет — все плавает — то на барках, то на полубарках. Полубарки бегут по валовой воде — из Ревдинского пруда пустят.

Из Перми идут пешком, где на подводах. У него было прозвище Акиня Балагур. Его везде знают, от Перми до Кунгура и дальше. Чудачил любительски что-нибудь. Как не скажешь, чудачил.

Был старик Пантюха, Пантелей Алексеевич Гилев — сват Акинтию. Поехал он на лошади рыбачить на Сулем. Заехали к Акине на покос.

— Сват, поедем рыбачить.

— Поедем.

Поехали. Рыбу около покоса в Сулеме поймали. Пятнадцать верст до Висима. Рыбу продали, деньги пропили. Лошадь продали, деньги пропили. Пришел домой пешком, прямо на покос. Сын спрашивает: «Где, тятя, лошадь? — «Бог взял».

Сробили покос. В Сулеме кабачок был. Пришел туда Акиня.

— Дядюшка Акиня, расскажи что-нибудь.

— Расскажу.

У Висимского кабака
Съел медведь лошадь
У сулемского мужика.

Железо-то возили из Невьянска. Приедут старики в Невьянск по железу, Акиня с ними. Там башня была. «Ну, ребята, надо башню править, она маленько на боку стоит». Башню править — значит выпить надо.

«У меня баб-то, — говорил Акиня, — от Сулему до Невьянска руку за руку схватить, так хватит». Любил побалагурить.

А Мамин-Сибиряк его узнал так: Акинтий плыл с приказчиком, с доверенным, на барке. Приказчик все переписывал

Мамин-
-Сибиряк
Амфилий
Наркизович

у него, а потом Мамину-Сибиряку передал эти списки. Меня еще не было в те поры, не помню, что за приказчик. Про деда от стариков слышал, от отца. Отец был сплавщик, учеником плавал с дедом. Потомственные сплавщики тут были.

Зап. в с. Сулем от В. П. Гилева, 1883 г. р.

Акинтий Яковлевич был путешественник. Уйдет весной, а придет, когда застывать будет. У него доверие было большое от караванных. Весной всех лошадей продаст, а осенью придет, ему денег дадут, он тройку коней купит и робит зиму.

Все правда про Акинтия, что Владимир Платонович (Гилев.— В. П.) сказал. Мамин-Сибиряк много раз по Чусовой плавал. Один раз его даже отец провожал, священник. Ну, а Акинтя был знаменитый сплавщик, как же его не знать. Старики вообще здоровые были, ну и Акинтя был здоровый. Старинный лес был крепче, мила дочь, а не только люди.

Зап. в с. Сулем от А. И. Гилева, 1893 г. р.

Лупан Платоныч Долматов сплавщик был, на барке у него скамейка, он стоит на ней и кричит рабочим: «Направо!» — направо работают; «Шабаш» — стоят. «Налево!» — налево работают. «Налево, сильно работай!» — а сам-то по скамейке все налево подвигается да подвигается и слетел. Упал, да все кричит: «Налево!» Ох и кричал сильно. А смеяться-то над ним некогда было.

А есть — расшибали барки! Не успеет струю пересечь, раз о камень — и расшибается. Ведь такую тягость плавили.

Зап. в с. Усть-Утка от Е. К. Долматова, 1879 г. р.

Мамин-Сибиряк писатель был неплохой, он все правильно описал. Старики эти выдающиеся были, очень замечательные. У Лупана сын Семен остался,

умер сейчас. Никто о нем теперь ничего особенного не скажет — померли те, кто его знал.

Зап. в д. Боронской от жителя этой слободы.

Про силачей

Я залюбовался группой... рабочих: это совсем особенный уральский тип рабочего, который ничего общего не имеет с фабричными «расейскими». Стоит посмотреть на эти мускулистые руки, крепчайшие затылки и рослые, полные силы фигуры — так и дышит силой от этих молодцов, хоть сейчас в гвардию.

... Тип тагильского мастерового невольно бросается в глаза, но нужно видеть этого мастерового в огненной работе, когда он, как игрушку, перебрасывает двенадцатипудовый рельс с одного вала на другой или начинает поворачивать тяжелую крицу под обжимочным молотом: только рядом поколений, прошедших через огненную работу, можно объяснить эту силу и необыкновенную ловкость каждого движения.

Д. Н. Мамин-Сибиряк

Заводская и сплавная работа постепенно вырабатывала культ физической силы, мгновенной находчивости, смекалки. Поэтому так много и охотно рассказывают о местных силачах, заслуживших любовь и симпатии народа. Легендарным ореолом еще при жизни был окружен силач Василий Балабурда. Обладая огромной физической силой, он скоро, ловко работал на сплаве. Правда, во многих рассказах к восхищению примешивается и оттенок досады, осуждения за то, что «Вася вину не дает отдохнуть», за это пристрастие его и осуждают, и одновременно жалеют, так как причину видят не столько в нем, сколько в тех, кому он в диковинку: пермских купцах, «которые его до полусмерти

ОГНЬ

запойт», и приезжающих господах, которым «любопытно — сейчас водки». Но главное в этих воспоминаниях — уважение к труду, восхищение мастерством.

Про висимских силачей

Люди раньше здесь были — увальни, чисто медведи. Дед у меня по матери такой был. Мы были какие-то приписные крестьяне. Дед на горке пашню разработал, а пашня эта кому-то из приказчиков понравилась. «Это же земля государева, чего же ты делаешь?» — и нагайкой деда полоснул, а дед его на лошади поднял и в канаву сбросил. Веселились по-своему. Деда нарядят медведем в тулуп вывернутый и кричат: «Миша, рывкни!» Он рывкнет — лошадь упадет.

Зап. в п. Висиме от В. С. Черных, 1910 г. р.

Был силач такой, Паля Лебедев, вот сына его недавно схоронили. Он под доменной печью робил, на молоте обжимал куски каленые. Шутить любил. По четыре пуда в руки возьмет и по четыре пуда на ноги подденет и по фабрике гуляет: «Вот мне что Демидов подарил: калоши и перчатки».

Сильный и ловкий на работе был. Прикатят ему кусок из сварочной печи. Вот он его с боку на бок ворочат. Если тачка не успеет подкатить к наковальне, он берет клещи и бросает его к самым ва-

лам. А в куске пудов пять, не меньше. Вот какая масса. Тачки с железом таскает — успевай ноги убирай. Сам он был не так шибко корпусный, ростом не шибко чтоб, но могутный мужчина был. На заводе все время робил. При этом заводе и помер. Хоть и проворный был, а смерть все сильнее оказалась.

Зап. в пос. Висиме от Ф. И. Канонерова, 1890 г. р.

Много борцов тогда было, в ранешнее время. Палий Лебедев борец был. Он работал на заводе, больно сильный был. По четыре пуда на ногу надевал и ходил по заводу. В заводе робил обжимальщиком. В борьбе его никто не побеждал. Кто же его мог победить? Исключительно один он такой был.

Во время Николина дня¹ собирались бороться. Сначала ребяташки выходят, а потом мужики. А в Висимо-Утке собирались на Троицу. Боролись за воротки: возьмут за ворот один другого и ходят, кто кого уронит — тот сильнее. Выходили сторона на сторону. С одной стороны считались тагильские, а за рекой — кержаки.

Любил побороться и Павел Епифанович Петров. Он работал на приисках. Двух-трех человек уронит, когда — пять-шесть. Тем и славился, что поборет человек пять-шесть. Росту он был небольшого, среднего росту, но красивый был. Так просто драться не любил. Борцом был и старатель Андрей Холодилов. Любитель на борьбу был. Ведь борьба — охотка была. Которые с малых лет боролись и так до старости. А так из себя он был выше среднего, ядреный парень был. Он драться любил, не только бороться. Раздерутся, и рыло на бок своротит, и ему так бывало.

Другой борец — Василий Иванович Се-

Ч
ЧѢВѢКЪ

¹ Николин день (летний) — 9 мая ст. стиля.

ливанов. Этот и по десять человек, бывало, побарывал.

Зап. в пос. Висиме от А. С. Мокрова, 1885 г. р.

Кипру Копылова сняли с работы. Он у Демидова робил на заводе. Взял Кипра лом, которым воду открывают, да и утащил на плече домой. Вечером приехали с завода воду отворять, а лома-то нету. Туда, сюда, не могут найти. Наверное, Кипра Копылов взял. Поехали к нему. Урядник говорит: «Отдай, Кипра, лом». — «Ищите», — отвечает. Поискали, поискали — нет лома. Урядник опять: «Отдай, Кипра, подобру-поздорову». А Кипра не дурак был. Говорит уряднику: «Распишись, что с работы не будешь снимать, тогда отдам». Пришлось уряднику расписочку дать. Как взял Кипра расписочку в руки, тогда и показал, где лом лежит. Он его на полку забросил. Трое не могли этот лом снять. А Кипра один проще простого лом снял. Такой-то он богатырь был.

Зап. в пос. Черноисточинске от А. М. Цыпушкина, 1893 г. р.

У нас тогда управителем был Гуря Агафоныч. Он тремя заводами управлял: Черноисточинским, Антоновским и Лавроневским¹. А рабочие железо воровали в заводе. Вот этот Гуря Иваныч и пошел в проходную, узнать, как это мужики железо проносят и никак их поймать не удастся.

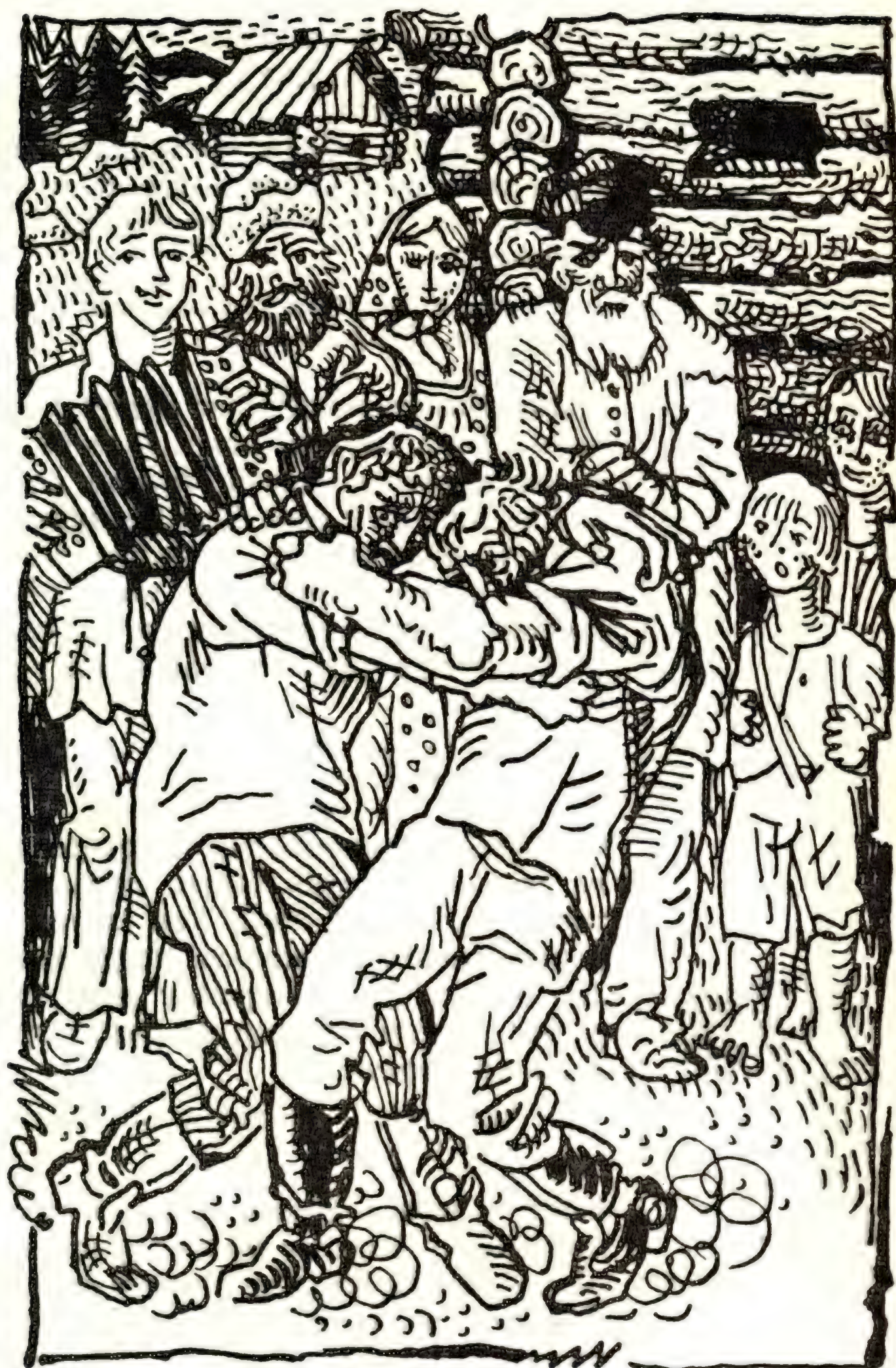
Пришел он, значит, в проходную. Сидит. А мастером тогда у нас был Ваня Толика. Вот он первый и идет через проходную. А чекмень на нем был долгой. Гуря Агафоныч его и спрашивает:

— Иван Михайлыч, скажи, как вы железо воруете?

— А ты мне, Гуря, откажешь, нет от работы?

¹ Лавроневский — иск.: Авроринский.

Л
АУЧЕЗАРНЫЯ
ТВОЯ МІШНІА
ВОЗСІЯЙ МНІ
ВЖЕ

— Нет, даже четверть вина поставлю, только скажи.

Ваня и распахнул чекмень. А на каждом плече у него лист железа согнут. А лист-то весил два пуда; Гуря увидал это и закричал:

— Ой, брось, Иван Михайлыч, лучше приезжай на лошаде. — За железом-то, значит. А потом Ване четверть вина выставил.

Зап. в пос. Черноисточинске от И. С. Малкова, 1874 г. р.

Костя Бирюзовский был силач, великан выше двух метров, кому даст блина — с ног валится. Он на заводе работал. Очень плотный был. Тут на плотине-то запоры поднимают, тяжелые они, которые и двое поднять не могут. Он подойдет, пнет, согнется и на плечи. Или кого другого схватит, как мыша, такой сильный.

Зап. в пос. Висиме от И. А. Корякина, 1900 г. р.

Старики рассказывали, что раньше много сильных людей было. Один кузнец здесь на Горной жил. Так он однажды решил пошутить ночью, когда все спали: он втащил на крышу дома сани с углем. Потом человек двадцать стаскивали их обратно.

Зап. в пос. Бисерть от Д. И. Носкова, 1931 г. р.

Когда я жил в Ревде, то слышал об одном силаче. Как его звали, я уже не помню сейчас. Работал он в прокатном цеху. Пришел как-то в своем запоне, лаптях прямо к управляющему. «Барин, дай полтинник», — говорит. Управляющий закричал на него: «Вон отсюда, мошенник». Тогда этот силач пришел на плотину, снял запон, сложил его и на плечо положил. На запон положил лом, которым плотину открывают, и унес его

на Шараминскую плотину. Это примерно полтора километра. А там сбросил с плотины в воду. Иван Иванович к управляющему пришел и рассказал, как было дело. Управляющий: «Не может быть. Позовите». Вызвали. «На тебе целковый, и больше так не делай». А лом лошадьми из реки вытаскивали.

Зап. в пос. Бисерть от Я. С. Кабанова, 1897 г. р.

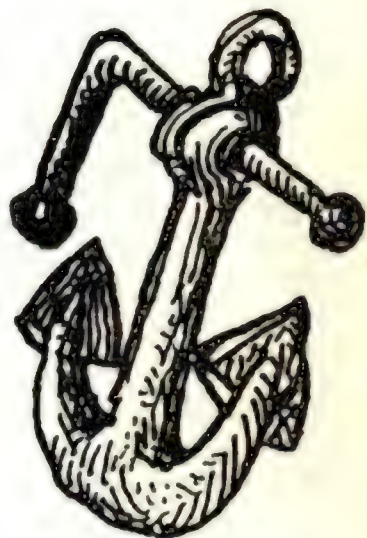
О чусовских силачах

Сейчас еще жив в деревне Ялуниной Никита Петрович Ялунин, он тоже тот якорь носил, что поднимал Вася Балабурда. Он своей силы не оказывал никогда, а раз пришлось как-то, поднял он восемнадцать пудов якорь и перенес. Лутошки¹ Никита Петрович по сорок штук носил, в пучонку завяжет и несет на плече. Лутошки сырые, да ведь тяжело сорок штук зараз нести, килограмм сто будет.

Зап. в д. Чизме от А. В. Брагиной, 1904 г. р.

Был у нас на Шайтанском заводе кричный мастер Пономарев Яков Потапович. Он мне дядей приходится. Он грузил иногда в Левшино сезонно на барки вместе с Ермилом Минеевичем. Небольшой он был, но очень коренастый. Когда грузили, то он и носил по восемнадцать пудов на горбе. У нас здесь не то что он один был такой, и Яша Григорьевич Плюснин, а еще Марко Григорьевич Линев, по прозвищу Счастье.

Вместе с дядей Яшей работал я на Сагре, строили на Пермь железную дорогу, вырубку делали. Он возьмет осину толстящую за комель, поднимет ее и говорит: «Ну-ка, подложь полено-то». Я

¹ Лутошки — липовые жерди.

подложу, дерево-то и лежит, комель на весу.

Силенка была все-таки у него. Ну, и робил он ломовую работу. Росту он был среднего, а ноги большие. В заводе в лаптях работали, а так-то в сапогах ходил, сапоги ему всегда на заказ шили. Руки были большие, варежки были большущие. Платок носовой положит на руку, так руку не закроет. У него сестра такая же была — ручищи во какие! На базаре он вачеги покупал, они три рубля стоят. Поспорил с торговцем на четверть водки, что наденет вачеги — и лопнут они. Надел Яков вачеги, стал кулак сжимать, они и лопнули. Взял он деньги на четверть водки и ушел. Заспорят, разогнет ли он подкову. Он возьмет и разогнет. От своего маху не мог стоять. Если ударит, да промахнется, так сам летит. Он невыворотный был. Попадет если в руки, то не вывернется. Походка тяжелая была, как медведь дорогу в снегу протянет. Песенник был по всей Шайтанке. Пел с братом Денисом Потаповичем.

Зап. в с. Чусовом от А. И. Попова, 1890 г. р.

Яков Потапович в плечах широкий был и в груди объемный. Кричных мастеров вообще подбирали, чтобы крепкие были. В перерыв сядут отдохнуть. Ему в шутку гири к ногам по два пуда привяжут, чтоб он не заметил. А с другой стороны позовут:

— Эй, Яков, иди сюда.

Он бежит и не чувствует гири. А они только звенят, пол-то чугунный в кричной был.

— Ну, что, готово?

— Да нет, дядя Яков.

— А что звал-то?

— Да я не звал.

Лошадь не может вытащить воз, так он лошадь выпрягает, сам в оглобли — и вытаскивает. Вытащит на твердый

грунт и поедет. Ему это ничего не значило.

Зап. в с. Чусовом от В. А. Авдеева, 1888 г. р.

Яков Степанович Круглов двадцать четыре пуда на себе таскал. Он в солдатскую службу ходил, при дворце в Петербурге служил. Весной на караване плавал, съемщиком ходил, когда барка сядет. Стройный, красивый был. Годов пять назад помер.

Зап. в с. Чусовом от В. С. Попова, 1883 г. р.

Был тут у нас Иван Евдокимович Мезенин. Так он дерево в тринадцать аршин, шесть вершков в отрубе на поа ставил.

Зап. в д. Мартьяновой от С. Д. Турланова, 1888 г. р.

Ходок был один. Ходил из Калаты досюда. Это 50 километров будет. Сейчас Кировградом называется. Он там работал, а жил тут, в Старой Утке. После работы приходил сюда. Утром уходил опять. На него поглядеть, так он вроде все время бежал, так и ходил.

Зап. в пос. Ст. Утка от Карнаухова.

Ефим Першин сапожник был, простой человек, а в праздничное время — охотник побороться. Поборолся — и только. Вся выходка была. У всякого человека кака-нибудь зараза своя есть. А этот бороться любил, и всегда почти круг за ним был. Тогда со всех деревень собирались, из Тагила, Черноисточинска тоже, во время Николина дня. Как победит Ефим всех приезжих, так ему и титул тут. Сколько выйдет, выйдет десять человек — всех поборет, раз сильнее его нет. Бывали у Першина такие случаи: положит кого ловко, хлестнет во всю силу на спину, на землю, и подметок у того — как не бывало.

Зап. в пос. Висиме от В. И. Канонерова, 1886 г. р.

О чусовском силаче Василии Балабурде

Жил лет пятьдесят тому назад в наших краях Василий Иванович Балабурда, мужик силы непомерной. Выпьет, бывало, штоф водки и работает вовсю, а то унесет за шестерых и сидит.

Плавал он вниз атаманом каравана. Роста он был здорового, неуклюжий, но сильный-сильный. Якорь в восемнадцать пудов перетаскивал с носа на корму.

Зап. в д. Нижняя Ослянка от А. П. Черепанова, 1885 г. р.

Звали Балабурду — Василий Иванович. Родом он из Грязнухи. Жил очень бедно, в маленькой избенке. Вся она у него покосилась, вот-вот развалится. И видно, как-то выписал он лесу. Вверху нарубил, сбил в плотик и приплавил к своей избенке. Надо вывозить лес, а как? Своей лошади нет, а у кого-то брать, надо платить — денег нет. Ну, и задумал он ночью сам лес носить, днем-от, видно, перед другими неудобно показалось. Мужики смотрят: что такое, лес убывает, а ни лошадиного следу нету, ни от бревна борозды на берегу нет. Как это Балабурда так ухитряется лес перевозить, что следа не остается? Решили подсмотреть. Запрятались на берегу. Темно стало. Смотрят — идет. Топор на плече. Входит на плотик, гуж перерубает, отделяет бревно. Забрел по пояс, взвалил бревно на плечо, пошел домой. Отнес бревно, за вторым пришел. Мужики смотрят, удивляются, но не оказывают себя. После этого он штук десять или пятнадцать вытащил, и светать стало. На вторую ночь он остальное докончил. Так его силу разоблачили.

Зап. в с. Усть-Койва от М. С. Мошкина.

Отец сказывал, вот здесь лодка-коломенка застряла, человек десять — пятнадцать залезли в воду, давай сталки-

вать, Вася глядит: «Ну-ко, — говорит, — я». Пришел — ему ковшичек винца. Спустился, взял по себе бадог деревянный, один спустил лодку вниз.

На спишке ногти, слизни таскали, человек десять — пятнадцать тащат, он один зачалит, увезет. На спишку коломенок все село собиралось, он сам сказки сказывал, побывальщины разные. Ком сахару возьмет, давнет — песок получается, отец сказывал. Как навигация, так сюда и идет Вася Балабурда. Возьмет поносную, упрет и поставит стоймя. Вот столбы высоковольтной линии — так поносная выше и толще.

Зап. в с. Илим от К. М. Вандышева, 1903 г. р.

Вася Балабурда здесь работал. Он, главное, плавал на барках, у губы стоял, у самого конца поносной, за конец брался. Очень сильный был. Барку столкнуть с берега может, сто человек стояло, он придет, ему вобьют кольцо в корг, где огибка кончается. Возьмет он за кольцо и один потянет.

Росту был сажень — два метра, с виду здоровый, но скромный. Кунгурский он.

На грузке еще отличался. Грузят металл, там парами стояли, он сразу за пятерых несет, два-три раза сходит — и норма.

Зимой в Кунгуре жил, около Кунгура, на лошадях работал. Едут ему встречу люди, хотели его пообидеть что-то: мы тебя столкнем. Отворотить надо. Он подошел, взял их лошадеенок, толкал в сторону, в снег, а сам поехал. Они за ним — ну, тут им делать нечего. В Сулеме была кузница. Он у кузнецов просил ножичек сделать. Они все обещали: завтра сделаем, завтра сделаем. Он осердился шибко. Какая-то лежала чугунина большая — лота называлась, пудов пятьдесят, — он взял

этот лот, привалил к их кузнице, к дверям. А те пришли робить утром — ничего сделать не могут. Закричали людей-бурлаков. Говорят: «Это Васька Балабурда наделал, сукин сын». Те хватаются, не могут отвалить.

— Придется по Ваську Балабурду идти. Пошли.

— Давай, Василий Иванович, убирай.

— Вина поставите, уберу.

Ну, поставили. Отвалил и говорит:

— Перво дело мне ножичек сробьте.

Ножичек ему и сделали.

Начальство его любило. Он на барках-то мало плавал, косным плавал, кормщиком был, лоцманом. Весло было сзади как руль, он около руля этого был.

Такие тягости Балабурда мог носить! Поносную — десять сажен длины дерево и пять вершков в отрубе — он возьмет, поставит на попа. Ну как не сильный был, думать надо. А любили его все, начальство и караванные. Такого силяка не любить!

Зап. в с. Сулем от В. П. Гилева, 1883 г. р.

Василий Балабурда у моего дедушки жил на квартире. Он был проворный. Поносная восемь сажен длиной, так он ее один подымал. Концом в землю упрет, а другой подымал кверху. Лес на себе таскал. Если на лошадях возили срубленный крадче лес — протокол писали. Если на себе натаскаешь на избу лесу, не будет протокола. Он себе на избу и натаскал по лесине. Но неуклюжий был, некрасивый. А сестра-то у него еще сильнее была, но та-то вовсе неуклюжая.

Зап. в с. Илим от М. А. Гилева, 1891 г. р.

Вася Балабурда шибко был проворный. А его сестра еще была проворней. Вася ехал на конях, сестра встречу, стол-

кнулись, оба с возами, ему неохота отворачивать, и ей неохота. Она его и сгребла.

Он не только здесь работал, везде ездил. Сестра-то еще могутнее его была. Она не оказывалась, какая сильная. Женщина и женщина есть. Ее никто не знал как силачку. Чуть в трудном месте — она развернется. Вася на славе был. А сестра-то нет.

Зап. в с. Усть-Утка от Н. Е. Алфимова, 1892 г. р.

Вася Балабурда был, чудил он, сильный был. Мама моя рассказывала. Над ним что-то посмеялись, так он с косного шляпу снял, у бани угол поднял и под него шапку положил.

Если он тут находится, при его ведении не дерутся, иначе он раскидает всех.

Пятнадцать человек по слизням барку катили, а он один за веревочку тянул.

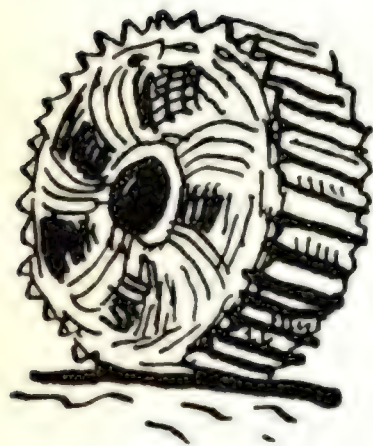
Зап. в с. Илим от П. М. Попова, 1898 г. р.

Вася Балабурда был из Березовского завода. Ростом сажень, здоровенный. Восемнадцать пудов легко на руках носил. Он был наподобие богатыря, руки какие, батушки! Ставил бревно в двенадцать метров на попу, верхний отруб у него двадцать сантиметров был. Он тягался силой часто. Один борец в Перми его на колено уронил; а Вася такого-то мужика, как мы, как тряпичную куклу в руках задавит. Поэтому он был обязан подпиской — не мог человека задавить. Так вот, его борец на колено уронил. Тут чугунная плита лежала, плита пудов на тридцать была. И он в сердцах через себя ее бросил, озлился так. А борец-то Вася образцовый был, возили его в Петербург. Его бы в Петербурге оставили, кабы он красивый был. А то из себя

Пришлецъ
Азъ есмь
на земли,
не скрый
ѿ мене
зѣпшѣди
твоѧ.

он некрасивый был, горбоносый, коренастый.

Он косным ходил. Мой отец с ним в одной лодке плавал. Отец знал его, как себя. У Васи трехлетний сынок был, так корчагу в три ведра возьмет и утащит.

Зап. в с. Чусовом от П. Ф. Полозникова, 1880 г. р.

Вася Балабурда неуклюжий был, сутулый. На плече пудов сорок носил, а сам пудов восемь-девять весил. Его в Петербург Петр I вызывал, не понравился он Петру, некрасивый... Силы он был действительной. Придет в кабак, всех раскидает; поймают одного за ноги и всех выбьет. А так по рядам он ходил¹, сработает что, поможет. Об заклад один раз побился — черта, говорит, в бане убью. И ночью ему черт явился. В бане все косяки вывернули, разодрались. Наломали один другого, никоторый не победил. Деревенский он, выпивать любил, барки грузил, нагружают, он сразу человек за десять несет. Это я слыхал от деда от своего.

Зап. в пос. Староуткинске от Н. Ф. Цыганова, 1876 г. р.

Не слыхал, чтоб он быстро бегал. Разве что в кабак. Пил много и веник табака с собой носил. Достанет, натрет, закрутит, а веник опять за голенище. У староверов за грех считалось курить. «С бритоголовыми табачниками не вкупе богу молиться, не вкупе быть», — говорили они. Жил он в деревне Комарово около Кунгура. Его не Васька звали, а Вася Балабурда. Сплавщики из Кашки, Харенок, Утки им пользовались. Мужики пьянствуют, на работу

¹ Ходил по рядам — подряжался на работу.

не идут. Пошлют по баням, где пьяные мужики спят. А Вася — глядь, уж целую артель гонит. Смешно смотреть. Ну как не послушаешь такого силача. Умер он прямо дико: вздумал строиться. Нарубил бревен больших. На себе таскал из лесу. Простыл и умер. Еще слышал от Антипа Михайловича Михалева, будто бы встречал Балабурду один путешественник и описал его в «Отечественных записках».

Зап. в пос. Висиме от А. М. Огибенина,
1880 г. р.

Как Балабурда судьей был

У одного односельчанина пропали овцы. Через несколько дней овчины свежие нашли, а мясо спрятал кто-то. Искали, искали, вора не могут найти, вот Балабурда и говорит:

— Я найду вора.

Взял он петуха, решето и пошел в съезжую избу, закрыл окна, посадил петуха под решето и говорит:

— Приведите сюда всех мужиков подозрительных.

Привели мужиков, он к ним обращается:

— Ну, мужики, подходи по одному к столу, засовывай руку под решето и гладь петуха. Когда вор погладит, петух учует и закричит.

Пошли мужики. Все прошли. Балабурда спрашивает:

— Все? А теперь подымите руки...

У всех руки в саже, а у одного — чистая.

— Вот он, вор, — говорит Балабурда.

Как умер Балабурда

На Пасхе напились мужики, выползли на берег, а на берегу якорь был четырехлапый, пудов на пятьдесят, весь

Нѣтъ
изъ тебѣ
дѣн,
богъ вѣнъ

занесен песком и камнями, одна лишь лапа осталась на поверхности. Вот мужики и поспорили с Балабурдой на три ведра самогону — вывернет он якорь или нет. Подошел Балабурда, ухватился за лапу, здорово тянул, по колено в песке увяз, принесли бревна, встал на них, потянул и вывернул.

Да надорвался, видно, умер вскоре.

Зап. в д. Усть-Койва от В. Е. Волковско-го, 1904 г. р.

Ревдинские силачи

Был мужичок Левин Василий Кузьмич. Он мог лошадь выпрячь, на себе воз вытащить, все запрячь опять и дальше ехать.

Шапку носил, а варежки даже в сильный мороз не надевал. Табак не курил, водку не пил, упитанный из себя был мужичок.

Был у нас еще один сильный мужичок. Фамилия его Краснов Лукоян. Он был такой сильный, что железный лом с плотины, двенадцать пудов веса, себе на плечо положит и к дому унесет. Раз утащил, два утащил, люди не верят, что один такой вес может поднять. Думают, на лошади возит. Сказали управляющему, тот не поверил, а увидев, что он унес на себе лом, дал ему денег. И не такой большой был на вид, чтоб фигура выделялась.

Зап. в г. Ревде от А. Я. Бормотова, 1906 г. р.

У Бормотова сродный брат был Сохранов, стальные слитки одной рукой, как полено, брал и ложил, куда надо. Глухой, смиренный был дядя, правда, ладонь была широкая.

Зап. в г. Ревде от В. И. Борисова, 1907 г. р.

Сказывают, был у нас тут мужик. Санутко Заровняев. И была у нас плотина, запиралась и открывалась она ломами.

Человек по двенадцать — пятнадцать ломы подымали. Лом этот восемнадцать пудов. Он утащит лом и бросит где-нибудь. Люди придут на плотину, лома нет: Санко опять утащил. Идут к нему: «Санко, давай, тащи лом обратно». А он: «Дайте пол-литра, тогда принесу».

Зап. в г. Ревде от Н. И. Шевелева, 1892 г. р.

Серовские силачи

До меня это было. Соберутся все во время праздников.

— Я вот в зубах четыре пуда подниму.

— А я вот пять.

Некоторые и поднимали. Возьмет зубами мешок и отставит метра на полтора.

Вот здесь Лазарь Лаврентьевич жил. Подкову возьмет и на несколько сантиметров сжимал. Сильный был старичок. Он интересно с людьми здоровался. Как худенький парень — здоровается как человек, а как видит, что покрепче, — он жахнет-жахнет руку, аж слезы выступают.

Зап. в д. Алексеевке Серовского р-на от Н. Л. Журавлева, 1908 г. р.

О верхотурских силачах

В Сосьвинском заводе было. Приехали туда с хлебом. Один подходит к старику:

— Что у тебя?

— Мука.

— А сколько?

— Пудов двадцать.

— А чего, если на себе унесу? Мое будет? А не унесу, деньги твои и мука. Пospорили. Лошадь выпрягли, он под полозья залез и унес ведь на себе. Но сани-то отдал обратно. «Зимой, — говорит, — не возвращаться же верхом». А муку так и взял.

Зап. в д. Малаховой Верхотурского р-на от О. П. Галкова, 1896 г. р.

Один человек был, постарше меня, Кузьма Файныч звали. В бедноте рос, был хороший мужик, добрый. Он деревни Рагозино уроженец. С ним заговорили однажды: «Тебе, Кузьма, не принести с реки камень». Говорит: «Принесу». Принес и положил на дорогу, его объезжать стали, не могли убрать. Человек не мог с ним возиться. У него была худенькая кобыла, а воз он положил большой, а лошадь худо тянула. Приехал в заезжалый двор, а там все занято. Он взял воз, поставил его на крышу, а сам лег спать около печки. Утром проснулись, стали искать воз, его нет. Кузьму разбудили и спрашивают: «Где воз?» А он говорит: «Его никто не увез, он на крыше стоит». У него попросили помощь воз снять, он снял.

Зап. в г. Верхотурье от Т. И. Крюкова, 1893 г. р.

К нам приехал один вроде бы показать чего-то из себя. В кузницу пришел, ложится, ставят ему наковальню и давай железо бить у него на груди.

Ложат ему на голову три или четыре кирпича. Один взял кирпич, стал разбивать, кирпич разбил, а голова осталась целая.

Видимо, были раньше люди сильные.

Зап. в д. Кордюковой от С. Е. Сморолова, 1907 г. р.

Тринадцатилетняя девочка была. Ребятишки играли. Один мальчик пообидел, она схватила шапку, за бревно плечом подхватила избу и шапку под бревно положила. Все тут собрались, ревут. А она: «У, да уж не могут шапку достать». Опять плечом подхватила и вытащила шапку.

Зап. в д. Кордюковой от В. Е. Кордюковой, 1895 г. р.

Да, жили на Урале сильные мужики. У нас вот тоже недалеко отсюда, в Большой Грязнухе, жили сильные мужики: Дубровин Александр Алексеевич, Колотиллов Яков Куприянович, Вьюков Алексей Сергеевич. Они возьмут вот двадцать пять пудов на себя и тащат засыпать на размол. Или возьмут за головку сани с возом и поднимают. У них руки-то были — как две моих. Ростом они обыкновенные, а в грудях широкие.

А если лошадь из нырка не может выйти, то он ее распрягает, а сам запрягается и говорит: «Ой, Пеганиха, где тебе вывезти, я сам-то насилу вывез». Жил он долго, годов до восьмидесяти.

Зап. в с. Колчедан от И. Ф. Вьюкова, 1903 г. р.

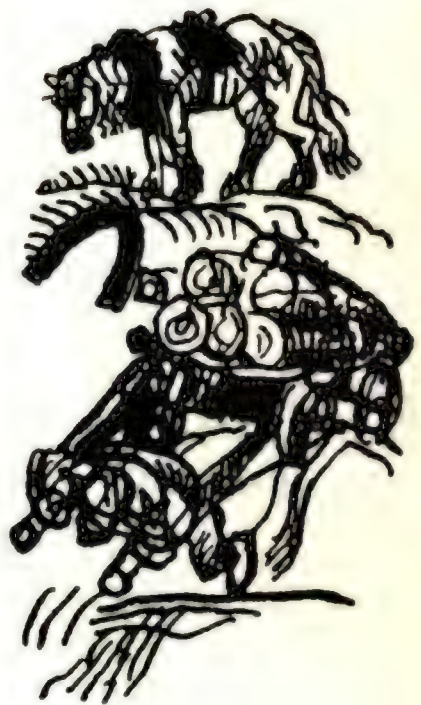
На Чуге рассказывают. Старикам делать нечего, вот и собираются они. Один мужик головой дверь вышибал, а другой снаружи дверь бастрыком¹ подпер, он с разбегу ударился и отемнел. Это Николай Васильевич был на Чуге. А один силач под Камышевкой был, за вороток человека поднять мог и на вытянутой руке носить. Брат его худыми делами стал заниматься — вор конный был. К сараю подойдут, крышу столкнет плечом. Залезут туда и вёрхом вытащат из конюшни.

Зап. в д. Бурниной от С. Ф. Калистратова, 1909 г. р.

Камышловские силачи

Силач? Да, рассказывают, был какой-то. Будто его вся деревня боялась: шаловливый был шибко мальчонка. Годков ему не много было, умишка тоже не лишка (какой с младенца спрос!), а си-

¹ Бастрык — толстая жердь, с помощью которой закрепляли воз сена.

ленки бог-то на пятерых отвалил — вот и гонял всех шутки ради. Ну, а сгинул потому, что слава его за деревню вышла.

Дом они ладили, а тут плотники, говорят, из губернии были, что ли. А он у них на глазах один наверх бревно вкатил. Они, видать, про то у себя рассказывали — до начальства дошло. Хотели парня в Москву отправить, а мать не дала.

Зап. в д. Б. Пульниково от В. М. Пульникова, 1908 г. р.

Степан Пульников мальчонка был, замухрышка. Отец его на кожевенном заводе робил, он с им часто туда ходил. Раз кто-то зачал его батку забижать, из начальства кто-то: то ли приказчик, то ли немец-надсмотрщик, трясет перед его лицом кожами, мол, плохо растянул, уволим. А тут как раз Степка прибежал, рассердился за отца, выхватил те кожи, все сразу начал в разные стороны тянуть — и разорвал их у всех на глазах. Немец только рот разевал, как рыба на берегу. Во какой силач был!

Зап. в Барабе (пригород Камышлова) от Н. М. Окунцева, 1891 г. р.

Это в те годы было, когда русский мужик славился силой да удалью. Одно слово — старые люди! Нынешним не чета.

Жил у нас в деревне Большое Пульниково паренек один — восьми лет от роду. Только меня в ту пору еще и не было, об этом мне мать с отцом рассказывали. Ну, парень как парень, да с изюминкой... Сила в нем была немереная, любого здоровяка возьмет за задницу, на ладонь посадит и над собой вверх поднимет. Доволен: хохочет, заливается. Этими-то штучками всю деревню и запугал: боялись возле ихней избы ходить. А избенка-то у них уж худая стала, ну,

они и задумали новый дом строить. Ну, строители на славу поработали: за три дня оба этажа скатали. Пошли в дом перекусить, сил поднабраться, а у сруба матицу оставили, чтобы после обеда наверх втащить. С голодухи-то тяжелоуато показалоуь: чай, восемь аршин бревно. Приходят — бревна как не бывало. А наверху, на срубe, сидит этот парень — восьмилетка (вот имени-то что-то его не припомню) и зубы скалит. Один бревно вкатил!

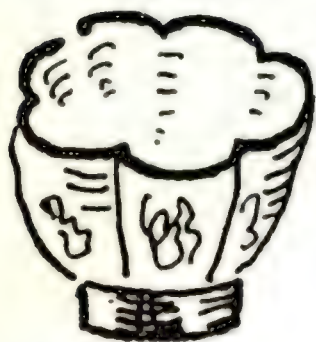
Ну, после этого слава о нем далеко пошла! Задумали парня в Москву послать: чудо ведь. Да матери шибко жалко его стало, ведь родная кровиночка. Стала советы от старух брать, как от Москвы парня избавить. Ну, одна бабуся и присоветовала поить его медью. Мать на все согласна уж была — медью так медью... И поила-то парня всего с неделю — только всю силу разом вышибло. Оно хорошо, конечно, что на властей управа нашлась, да эть только с той поры он расти совсем перестал. Так и остался недомерком. Правда, потом женился (это уж я сам помню — годков шесть мне тогда было), да и не на какой-нибудь завалященькой — баба здоровая, работающая. Да только детей-от у них не было: все матушка медью сожгла, только-ить и она не виновата, как еще супротив властей выступишь, ить закон-то на их стороне.

Зап. в г. Камышлове от В. А. Потапова, 1901 г. р.

У нас Семка Буньков шибко сильный был. И в деревне чудеса творил: что мужикам на неделю, он, вроде бы играючи, за день провернет. Мешки начнут таскать, так он еще по два себе на спину взгромоздит: для меня, мол, это не работа, а забава.

Зап. в д. Шипицино от А. Ф. Варсука, 1902 г. р.

Кто у нас на славе был? Жил у нас мужик один — Егор Афанасьевич Макаров. Жил тут недалеко, где библиотека щас, так вот каменный-то дом ихний и был. Рядом с им мои деверья жили, они все о его силище рассказывали. Надо ему если дров, а лошади нету, берет телегу — и в лес. Нагрузит на нее возок бревен и тащит домой за место лошади.

А то, помню, шибко понравилось, когда рассказывали — дивились долго. Паскальника ему понадобилась (это березы толщиной шесть — восемь сантиметров, их укладывают на крышу шалашом, перемежая: одну березу комлем, другую вершиной). Пришел к деду Спирidonу лошадей просить, а ни одной слободной-то не оказался. Егорка клянчил, клянчил, рассердился да и заявил: «Ладно, сам привезу». Пошел в лог Падун, нарубил берез длинных, каких только можно было, связал в две вязанки, взвалил на плечо да и приволок все домой. Да и это еще не все. Сказывали, что на спор он мог столб телеграфный вытащить. Да, да! Разгорячится, поспорит с кем и кричит: «Вытащу, сказал — вытащу!» Подойдет, покачает его и вытянет из земли.

А то еще чище. Едет лошадь груженная, с полным возом, застрянет в грязи или в Падуне, не может вытянуть. Егорка ее выпряжет, впрягается сам, поднатужится — и вывезет. Да слова проговорит, над которыми до сих пор потешаются: «Я едва выволок, а где же ей, бедной, справиться!»

Вот вроде и все. А помер он в тридцатых годах. Несчастный человек, больше ниче не скажешь. Да ить он не виноват — господа его пить научили. Специально заставляли их тешить, шкаликом манили. Сгубили мужика...

Зап. в Закамышловке (пригород Камышлова) от Е. М. Павловой, 1892 г. р.

Точно не знаю, но слыхала от деда, что был в наших местах человек один силы необыкновенной. Всегда нашу деревню из беды выручал: лошадь ли где застрянет, мужики ли правду кольями начнут выяснять, дом ли надо поставить — везде Гришаку зовут. Незаменимый человек был! Что там подковы! — их он одной рукой слабо сгибал и разгибал. А прославился он вот чем.

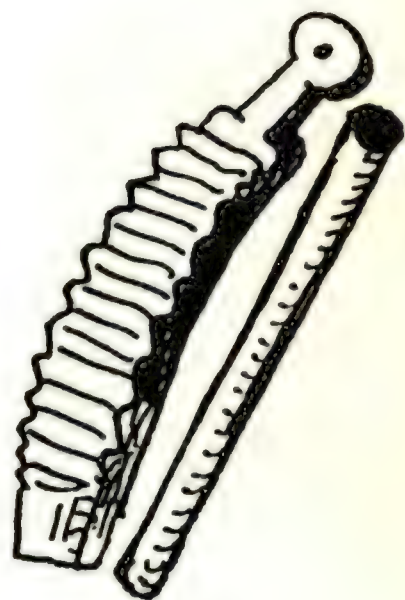
Приехали в деревню, как мой дед сказывал, «наймиты царские, мошенники барские, с немцем во главе». Весь народ тогда перетрясли: денег им не хватало, что ли, только и в наши края пожаловали. Ну, у одного двора это и случилось.

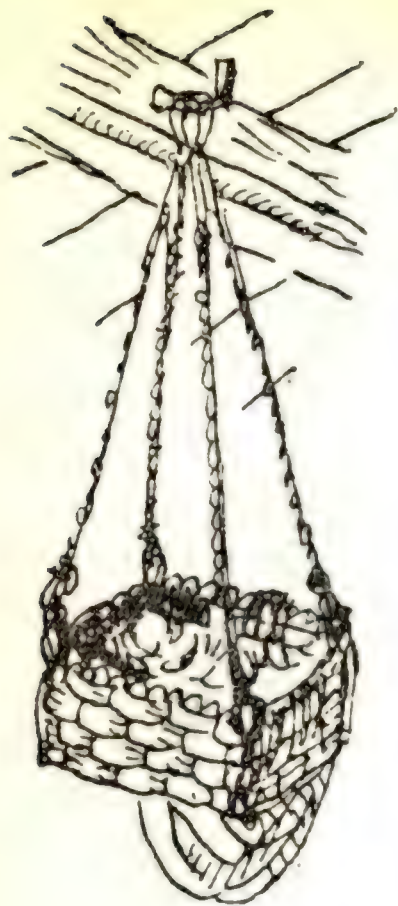
У мужика семья огромная была, да все бабы (на них земли-то не полагалось), ну и тянули кое-как. А тут эти пристали, как с ножом к горлу: «Не отдашь долг — корову уведем». Да еще ломом грозятся, мол, все кости переломаем. А тут мимо Гришака шел. Тихий был, никогда уж никого не обидит, а как увидал, что над ихним братом мужиком так глумятся, подбежал, лом выхватил да на глазах у всех и согнул его в дугу, а потом в узел завязал. Испугались сборщики да с тем и уехали. Только рано все порадовались: на другой день солдат пригнали, они Гришаку скрутили да в Питер в войско отправили. Там, говорят, он и погиб лет через семь в какой-то царевой потехе.

Зап. в д. Казаково Камышловского р-на
от Ф. А. Мартяновой, 1902 г. р.

О женщинах-силачках

Не хитро, когда мужик силу имел, а я вот знаю про силачку женщину. Муж мне про бабушку свою рассказывал. Высокая была, здоровая, а дед у нее маленький был, щупленький. Пше-

ницу они на гумне молотили. Нагрузили телегу мешками, а дед и давай подзуживать: «Если утащишь зерно домой — на сарафан куплю». Ну, впряглась она в телегу и с полкилометра этот полный воз и протащила! Сейчас, конечно, не то что баб, мужиков таких не найдешь!

Зап. в д. Казаково Камышловского р-на от Ф. А. Мартыановой, 1902 г. р.

У нас Марфуша была. Сильна баба. Ее раз мужики хотели на себе оженить. Зачали драться, а она горда была. «Я, — говорит, — вам не курица. А вы ежли петухи, то и стукайтесь клювами на здоровье!» Да за шкирки их схватила, в воздух подняла и сшибла лбами. Больше к ей приставать не стали.

Зап. в д. Скаты Камышловского р-на от М. В. Лещенко, 1910 г. р.

Тяжелое у нас было детство. Да не будешь ведь все время горевать. Собирались мы кое-где на вечерки. Ребята избу откупят, ну и повеселимся, песни попоем, попляшем. Мы тогда за рекой жили. А тогда заведено было, чтобы парни с другой стороны к нашим девкам не приходили. Ребята с разных сторон днем хоть того больше друзья, может, рядом за станком работают, а вечером — враги. И если где вечером сойдутся, то обязательно будет драка. А драки тогда страшные были, до смертоубийства доходили. И даже за это не судили. У моего Василия сестра была такая сильная да отважная. Увидит, что бьют кого, закричит: «Не бейте его!» Если не послушают, она тогда всех растолкает и упадет на него сверху. А женщину уж не тронут. Многих она так выручила.

Зап. в г. Н. Салда от О. И. Рыбаковой, 1902 г. р.

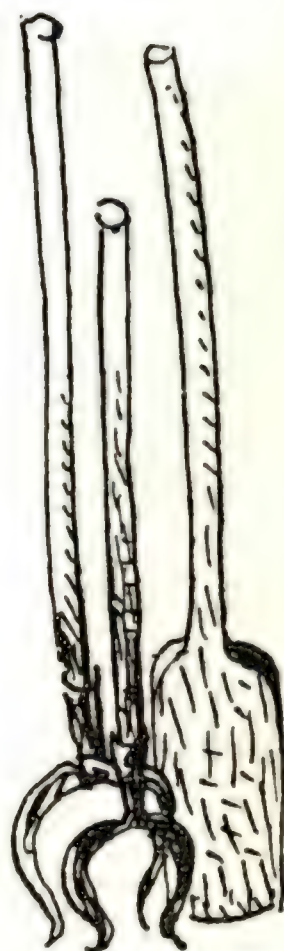
Вот я слышала какой рассказ от стариков. Когда здесь строили завод, то для постройки заготавливали кирпич. Месили глину, обжигали... Ну все как полагается. И была одна красивая каторжанка, работала она на кирпичях. Двое мужчин решили ее изнасиловать. Так не поверите, она такая была сильная (раньше народ-то какой был!), что взяла их обоих за шиворот, стукнула их несколько раз головами друг о друга и расколола им черепашки. Потом пошла к начальству и заявила, что, мол, это я их убила, пусть не лезут на слабое женское тело. Ей — ничего.

Зап. в пос. Заводоуспенка Тугулымского р-на от В. В. Назаровой, 1898 г. р.

Здесь Анна Нефедовна Дудина жила. Вот тоже чудачка женщина. Силач баба. Мужик у нее на одной лошади робил, а она на трех. Приедет, дома управится. Вернулся из армии парень один, Бараев, герой. А она вырубил дерево однажды. Везет. Он остановил: «Вы дерево срубили, неладно». Она много не спорила. Взяла его за грудь, а потом к дереву возжами привязала. А одна старушка и пойдит в лес. Освободила его. Смех такой был. Много с ней таких историй было.

Зап. в пос. Висимо-Уткинск Пригородного р-на от С. И. Рябова, 1885 г. р.

Старики говаривали, что на Первой Балковской жили Турбины. Сам-то он был сухонький да маленький. Часто по пьянке жену свою колотил. А она была здоровая, сильная. Поехали раз в Тагил, а там боролись часто, в кулачки бились. Она и говорит мужу: «Пойду-ка и я». А он ее не пускает: «С ума ты сошла, опозоришь меня». Но она не послушалась, пошла. Муж отъехал в сторону, чтобы не позориться. А она взяла и всех раскидала. Потом она его

спрашивает: «Ну, будешь еще меня бить?» — «Нет, — говорит, — мне жизнь не надоела».

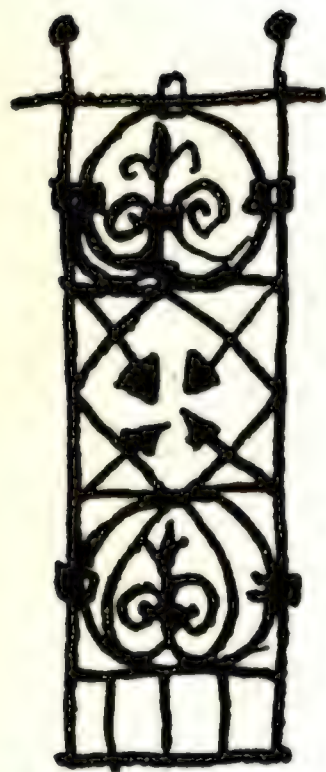
Зап. в г. Н. Салда от И. Е. Зуева, 1896 г. р.

Пришла женщина на рынок муки торговать к купцам. Было это у нас в Салде. А купцы захотели подшутить над женщиной: выбери, дескать, самый большой мешок. А раньше мешок весил пять пудов. Донесешь, мол, его на себе до дома, получишь задаром. Нести надо было далеко, как раз к теперешнему магазину «Одежда» и дальше по улице Энгельса до «Искры» и в Мулинскую улицу. Женщина недолго думая взяла мешок на плечо и понесла прямехонько к дому. Так купцы и остались в дураках.

Зап. в г. Н. Салда от А. И. Слобцова, 1897 г. р.

О смекалке, мастерстве, изобретателях

Про Ушковскую канаву

Недалеко от поселка нашего канал есть. Ушковским его называют. Слышали, наверное? Так, говорят, его Клементий Ушков с семьей построил. Крепостной он был. Вольную хотел получить. Канал долго строил, до сих пор он стоит, крепкий. Ну, а вольную-то не скоро дали ему: у наших-то заводчиков, известно, совесть какая. Но все же записали их в ревизские сказки. Дали им волю много лет спустя.

Зап. в пос. Черноисточинске Пригородного р-на от П. И. Голицына, 1903 г. р.

Ушков был крепостной, но, видно, богатый. Захотел он выйти на волю. Услыхал, что Черепановы за то, что построи-

ли паровоз, получили вольную. Предложил он начальству построить канаву, соединить Черную речку и Исток. Рыли канаву ручным способом, люди выносили землю на носилках. Длина канавы пять километров, глубина четыре метра, ширина пять метров. Построены были запоры на плотине, чтобы вода шла к станции. Получил вольную Ушков, а через год отменили крепостное право.

Зап. в пос. Черноисточинске от Е. А. Шамякина, 1877 г. р.

Раньше было горное озеро, три километра шириной и четыре — длиной. На месте этого озера и обоснован наш пруд. В него впадает много речек, вытекает Исток. Исток — единственная река, которая вытекает из пруда. После Лавронинской¹ плотины Исток впадает в Черную. Ушков без инструмента прорыл канаву в пруд, чтобы регулировать уровень воды Тагила и Черной. В 1926 году было наводнение, Черноисточинск был отрезан от станции, и канава текла в обратном направлении. Молодец Ушков, что точно установил уклон. Эта канава — очень интересное сооружение. Ушков хотел получить вольную. Он был мелкий подрядчик, зажиточный человек. Но он все здесь работал. Вольную получил он один. А через год вольная была получена для всей семьи. Канава была построена руками крепостных.

Зап. в пос. Черноисточинске от С. А. Голицына, 1888 г. р.

Про полеты

Про старинных людей вам рассказать? Да и что рассказывать-то... Ну, да слушайте. Был у нас в деревне парень.

¹ Лавронинской называют Авроринскую плотину.

Ш
ЩЕДРЪ
И
МЛТВЪ
ГДЪ

Иваном Кормилой прозвали. А уж и за что прозвали — не припомню. Богомольный был парень, шибко богомольный. Ремень и фуражку носить — грешно считал. Круглый год шапку носил. Взяли в армию его служить — ох и смеху было по деревне! Взяли его в кавалерию, а он дома-то быстрее шагу на лошади не ездил. Но вот уж если что заставишь сделать, все сделает. Исправный парень был. Вот придумал он как-то сделать, как на эроплане летают, — в голове, видно, мало варило. Ковать научился лучше кузнеца любого. И жестянщик хороший был. Сделал крылья он из березы, железом обил, испробовать решил. Утром рано с горы, где кладбище, и побежал. А крылья на нем надеты были. А соседка наша, Дарья Григорьевна, и увидела. «Это что, окаянный, что ли?» — говорит. А Кормилка подбежал и говорит: «Еще бы пропеллер мне...» А была у него сестра Настя. Вот на другой день и говорит он ей: «Сделай мне, сестра, котомку». — «А зачем?» — «Не твое дело, — говорит. — Сказано сделать — давай делай». И думает про себя: «Все равно полечу». Вот сшила ему Настя котомку, положила туда два-три каравай да и отдала ему. Взял он котомку, надел крылья и полез на сарай, на самый конек. С Настей прощается: «До свиданья, Настя, полечу я». А она ему: «Ну и полетай, черт с тобой!» Такая же девка была, бедовая... Замахал он руками, прыгнул — да и на землю упал. Ушибся. Здорово ушибся. А Настя ему: «Говорила я тебе...» А Кормила-то и разошелся: «Уйди, — кричит, — не лезь! И без тебя ушибся, и без тебя больно...» Вот какой был.

Зап. в г. Н. Салда от П. П. Кунгурова, 1903 г. р.

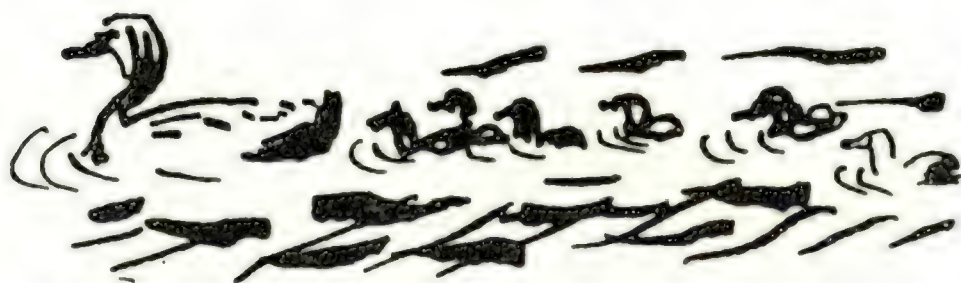
В то давнее время не было никаких дорог, сообщение исключительно по рекам. Первый поселенец у нас был Галаша. Когда пришли Комаровы, Кадниковы, Баклыковы, он уж тут жил. Он им посоветовал на бугре селиться, там заморозков меньше. Он был мастер на все руки: столяр, кузнец, мог одежду шить, сапоги. Придумал с кедра слезать. Состроил планер из береста, забрался на кедр и прыгнул, ногу сломал. Дело было осенью. Отлежался до зимы, а зимой его мастерскую сожгли, мол, задумал против бога. Особенно Комаровы. Он осердился, ушел из Галашек на лыжах в Невьянск. А он еще не окреп и замерз в девяти километрах от Галашек. Под тремя соснами его и схоронили. Эти три сосны долго не рубили. Но сейчас могилу не найти, а отец говорил: «Здесь схоронен один галашанин». Вот тебе и Галашки!

Зап. в пос. Висиме Пригородного р-на
от А. М. Огибенина, 1882 г. р.

О лоцмане Максиме Рябкове

В четырнадцатом году сильно большая была вода, многие до места не доплывали. Один смелый опытный лоцман был: все побоялись барки вести, а он прямо по лугам поплыл и выплыл. Максим Рябков его звали.

Зап. в пос. Ст. Утка Шалинского р-на
от И. М. Черепанова, 1890 г. р.

Хитроумный Симка

Симка под молотом работал обжимальщиком. Чудак был, пересмешиник. Говорили про всяких домовых, он сделает бороду из конопли, кого пошлют, испугается. Покос у него был по Шайтанке. Накосит, сено поставит. А возить так лошадь не берет. Без лошади сено возил. На ноги коньки наденет, ухватится за оглобли да по Шайтанке катит. Быстро так...

Зап. в пос. Висиме от А. М. Огибенина, 1882 г. р.

Вася-балалаечник

При Демидове это еще было. Был в ту пору у нас управляющим Поленов, хороший, говорят, человек. Ну так вот, жил насупротив магазина Вася Бабич, маленький, с короткими ножками, зарабатывал себе на хлеб тем, что чугунные отходы выбирал: сейчас-то этого нет, а раньше отходы от домны выбирали и обратно туда же. Славился еще Вася своей балалайкой. Уж играл он на ней — первый по Салде. Где гулянка, крестины ли, именины ли, везде он со своей балалайкой. Ну и зашибал он здорово. Все канавы ему были знакомы, во всех он лежал на своем веку. Вот раз поспорил он с мужиками, что у Поленова вечер проведет. Ну и пошел. Поленов-то сначала вроде его принял, послушал его игру на балалайке, а как начали гости-то съезжаться, Поленов и говорит: — Ну, все эти гости-то учтены, а вот одного места не хватит, — и этак выразительно на Васю и посмотрел.

А Вася не растерялся да и отвечает: — Давай считать, Константин Павлович, я первый пришел, а кто последний — тот лишний.

Так и выиграл Васька Бабич у мужиков. Весь вечер у Поленова играл на балалайке да еще и наугощался там.

Зап. в г. Н. Салда от К. Зуева, 1897 г. р.

Поленов был у нас управитель завода. Говорят, он не любил простых людей. Он никого в сад не пускал. У него был свой работник. Смешной такой. Поленов ему сказал один раз: «Сегодня у нас праздник. Черных людей в сад не пускай».

А работник стоит у ворот и пускает в сад только светлых. Идет кто-нибудь черный из аристократов. Он его не пускает. А идет белый рабочий — он его пустит. И рабочих в саду оказалось больше, чем аристократов. Пришел Поленов в сад, увидел — рассердился. Говорит работнику: «Что ты сделал?!» А работник отвечает: «Вы же сами сказали черных людей не пускать, вот я и пустил только белых».

Зап. в г. Н. Салда от А. Н. Никитиной, 1902 г. р.

Я
Якш

О верхотурских церквях

Про монахов, попов, святых

В Верхотурье люди раньше ходили молиться. Богомольцы шли группами — так было безопаснее. Женщины были одеты в белые платочки, на ногах были лапти или обуточки, белые портяночки, за спинами — белые котомочки. На их пути в лесу стояла лиственница, срубленная, метра три высотой. К лиственнице железными коваными обручами была привешена кружка. Богомольцы кидали в нее пятаки. Эти кружки никогда не грабили. Деньги, извлеченные из этих кружек, шли в фонд церкви.

Зап. от К. М. Рогожина, 1914 г. р.

О Семене Праведном

Был тут человек, ходил по деревням, помогал бедным, вдовам. Сошьет, бывало, рубаху, а рукав не дошьет и уходит. Это чтобы плату не брать.

Когда умер он, то святым стал. Могила его колотья начала, и туда архимандрит приехал. На обратном пути он заснул и видел сон, что святого звали Семен Праведный.

То ли из могилы Семена Праведного, то ли около нее тек ручей. В нем, говорят, была вода святая, исцеляющая. Многие болезни она излечивала.

В деревне Меркушино, где похоронили Семена Праведного, была церковь. А лестница в ней была демидовского литья. В ней он занимался своими богомольными делами.

Николаевский собор строили с 1906

Х
хлѣбъ
нашъ
насушенный
даждь
намъ
днѣсь

года, когда все траншеи подготовили, шла служба, молебны.

Рабочие все были в белых фартуках. После молебна стали закладывать фундамент. Все очень торжественно было. Собор строили семь лет. В 1913 году освятили. На освящение приезжала царица Александра Федоровна.

Мощи Семена Праведного перевезли в Николаевский собор. Была поставлена рака, в ней серебряная гробница. Все очень красивое. Было в соборе три иконостаса и хор красивый. Могилу же взорвали в 1937 году.

Зап. от П. Я. Паршина, 1901 г. р.

В районе, кроме города (в городе одиннадцать-двенадцать церквей), было восемь церквей с колоколами. На поселке девятая церковь. Да и еще церкви были. При Советской власти почти до 30-х годов церкви работали, хотя уже не так, как прежде, конечно.

В Николаевский собор люди ходили на богомольство, чтобы избавиться от немощи, целовали череп Семена Праведного. Его мощи покоились в раке, которая сначала была медной, а затем Николай II подарил Николаевскому собору серебряную раку. Только череп Семена Праведного был открыт для взоров. Он был весь белый и гладкий от поцелуев богомольцев.

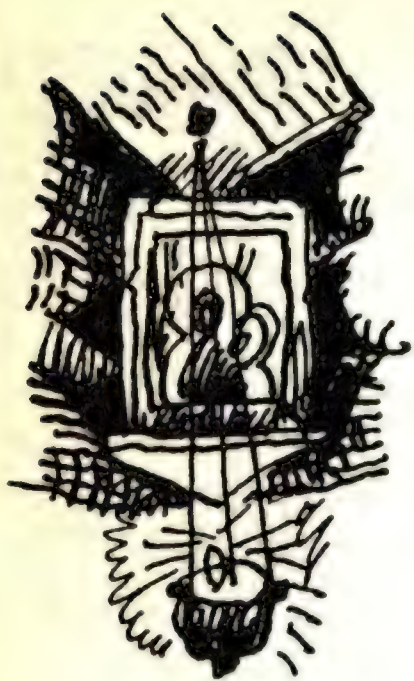
Зап. от К. М. Рогожина, 1914 г. р.

Семен Праведный ходил по людям и шил, кому что. За работу деньги не брал, а только ел там, кому шьет.

Но всегда оставлял работу недоделанной: кому рукав, кому пуговицы не пришьет, кому петли не сделает. Уходил, не дождавшись платы за работу, и люди его не хвалили, а ругали. За эту доброту и стали потом считать его святым.

Оче нашъ,
ѿже еси на
небесахъ. да сѣ-
дитъ ѿ насъ
твое, да прїи-
детъ цѣтвіе
твое, да бѣ-
детъ вола-
твоу, ѿко-
на неси, ѿ
на земли.

И ѿстаѣи
намъ долги
наша,
ибоже и
мы, ѿста-
ваемъ
должники-
ѿмъ
нашимъ.

И не введи
насъ во ис-
кушѣніе,
но избави
насъ ѿ
лукъ авѣи.

Когда Семен Праведный умер, его задумали перевезти на лошадях в Верхотурье. Сколько лошадей ни впрягали — не могут сдвинуть с места. Решили перенести на руках, но люди не могут поднять гроб, и ноги не идут. Позвали ребятишек, и те принесли гроб в Верхотурье. Вскоре монашка видела, как Семен Праведный поднялся из гроба и ушел обратно в Меркушино, а в Верхотурье остались только мощи его. Рассказывают, что недалеко от деревни Раскатино, в деревне Трубиной, стояла часовня. Возле часовни на берегу Туры лежит камень, с которого удил рыбу Семен Праведный, а как он стоял, так и отпечаталась на камне его ступня. Когда Семен Праведный умер, на месте, где он удил рыбу, вышла икона, которая плыла по течению лицом книзу. Спустя 50 лет после захоронения гроб Семена Праведного стал подниматься вверх. Вскоре после того как гроб оказался поверх могилы, от святых мощей обильным потоком потекли струи чудодейственной силы — благодать исцелений.

Зап. от И. А. Халявиной, 1916 г. р.

Семен Праведный был из села Меркушино. Там сейчас его часовня стоит. Имел, говорят, дар врачевания. К его гробу приводили трясучих, чтобы к нему, к мертвому, прикоснуться. От этого больные вылечивались.

А я его видела в гробу под стеклянным колпаком. Только маленькая тогда была, ничего не помню.

А еще говорили, что, когда крест в 37-м году с монастыря снимали, нашли вместо мощей лошадиные кости. Не знаю. Сама там не была.

Зап. от М. С. Глазуновой, 1920 г. р.

Семен Праведный жил в селе Меркушино. Шил шубы, полушубки, остав-

ляя пуговицы и лоскутки людям. Потом ушел, жил в лесу, ел рыбу, ягоды. А был он из княжеского рода. А потом умер. И на его могилке церковь построили. Потом перенесли гроб в монастырь, монахи скрывали его.

А во время революции пришли солдаты вскрывать гроб, народ заволновался. Но в гробу был только скелет, его положили обратно и увезли в музей, в Свердловск. Несли в красивой раке.

По реке однажды, говорят, проплыла икона Спасителя, ее хоронили на Красной горе зимой. Летом раньше, на Троицын день¹, шли со знаменами в Троицкий собор и служат, а потом идут по улицам, в каждую избу, служили.

Все улицы мели, мужчины все конюшни прометали, мы, подростки, самовары на реке чистили. Зимой уносили икону обратно, в Красную гору.

Зап. от Е. С. Едигарьевой, 1906 г. р.

Нас, беспризорных, много было. Воспитывали нас монахи. Дед у меня был, брал с собой в церковь. Попам я мальчишкой прислужничал: свечки менял, помогал... Была колокольная, в ней до 25 колоколов: большие и маленькие, а какой звон у них был красивый. Звонарь был старичок монах. Он так умел звонить; и ноги, и руки у него работали. За двадцать пять километров, в селе Меркушино даже, звон слышно было. И в Красной горе слышно. В церкви, в гробнице, — в раке — лежали мощи Семена Праведного. Все было позолоченное: кресты, и рака, и иконы, алтарь позолоченный украшен красиво. Паломничество было из Перми, Екатеринбурга, Тагила, многих дальних мест.

Зап. от Г. Н. Белых, 1911 г. р.

¹ Троицын день — церковный праздник. 50-й день после Пасхи.

В деревне Меркушино есть святое место, связанное с именем Семена Праведного, это церковь. В Семенов день из церкви выносили большую плащаницу, очень тяжелую, не деревянную. На ней портрет Семена Праведного. После праздника плащаницу¹ убирали обратно.

Зап. от Е. Зязиной, 1921 г. р.

В Троицкий собор перенесли мощи Семена Праведного. Он был как вроде святым. С народом жил, на реке рыбачил. Потом ушел в село Меркушино, старинное.

Из Вятки приходили пешком отдавать обет Семену Праведному. Для всех прихожих в монастыре была столовая. Есть три копейки, положишь, нет — все равно тебя накормят.

Зап. от П. Н. Серебрянникова, 1915 г. р.

Ходил портной по городу и шил верхнюю одежду. Кому-то он рукав не дошьет, кому-то пуговицу не пришьет, оставаясь ночевать в этом доме. На следующий день он заканчивал работу и исчезал, не взяв платы. Потом он пропал из города. А потом в одно прекрасное время приплыла икона по Туре с видом Семена Праведного. Женщины пошли по воду и обнаружили ее, узнав в портрете портного. На этом месте построили Троицкий собор.

Зап. от М. А. Трофимовой, 1934 г. р.

Жил в селе Меркушино Семен Праведный. Его так звали за бескорыстность его, за то, что он людям только добро делал. И вот когда он умер, то тело его стало нетленным. И привезли его в церковь Троицкую. И здесь он лежал. В эту церковь ходил он раньше молиться. Так вот, люди тысячами шли

¹ Плащаница (церк.) — покрывало.

сюда в церковь, чтобы помолиться Семену Праведному.

Сама церковь построена в тысяча шестьсот каком-то году. В ней был подвал, в котором готовили для людей и всех богомолков кормили. Там было много рыбы соленой, стряпали, хлеба пекли. Для всех людей, которые приходили, варили и кормили всех. В церкви до десяти тысяч людей помещалось.

Я, помню, была маленькая. Нас мама посадила в коробок и привезла в Троицкую церковь. Мы в лапти одеты были. Плохо одевались, носить нечего было. И вот я помню: заходишь в церковь по мраморным лестницам. Чистота. Везде светло. Горят люстры огромные, свечи. И заведут нас когда, так мы не то что пошевелиться, так даже дышать боишься. Так зачем эту красоту рушить было? А как грянут эти певчие петь, так как красиво. Какая красота. Пели такие же простые люди. Ой, красиво. До чего красиво. Строили те же простые люди, умельцы народные. Все порушили.

Зап. от Р. В. Прониной, 1923 г. р.

А еще был Симеон Праведный. Сама-то я не помню, молода была, а люди-то говорят. Тело его исчезло. Его из Меркушино привезут, а ночью оно пропало, тело-то. Так, говорят, это монахи его таскали туда-сюда. Не было уж прежней веры-то... Да.

Зап. от М. С. Поляковой, 1893 г. р.

Был Кузьма Юродивый, считают его святым, но он в святые не вышел. А Симеон Праведный вышел в святые. Когда-то жил человек Симеон Праведный. В старое время был маломальский портной, там пошьет — не дошьет, деньги не возьмет, его прокормят. Пристанища у него не было, удил рыбу у деревни Раскат. Его гроб был похоронен под монастырем. Через лет пятьде-

Б
БЛАГО

сят его могила поднялась наверх: внизу был ключ, а землю здесь топтал скот, ну и вылез гроб. А церковники признали его святым. На этом месте поставили Симеоновский монастырь, стали молиться. Решили перенести его мощи в Верхотурье. Умелые руки перенесли его с торжеством. А в ту же ночь его погрузили на лошадку и увезли обратно, чтобы увековечить его силу. И только в третий раз он «не ушел» отсюда (из Верхотурья). В его могиле зимой воды не бывало, а трапезники наносят ее, а днем люди брали ее в флаконы и по всей России разносили. И кучки песка церковники наносили, а богомольцы и эту земельку разносили. Это все для той цели, чтобы обогатиться.

Зап. от Т. И. Кордюкова, 1893 г. р.

Здесь был Симеон Праведный. Когда он умер, мощи его хранились в Троицком соборе. Из Киева приходили посмотреть и помолиться, а нешто в Киеве нечего посмотреть в Киево-Печерской лавре.

После революции, когда стали перетраживать мощи, люди увидели, кому молились. В раке оказался сбор костей. Рака была исключительно на пожертвования народа сделана.

Зап. от А. Ф. Маркулиной, 1907 г. р.

В кремле схоронен Кузьма Юродивый. Говорили, что земелька на его могиле все поднимается и выставляется уже кончик гроба. А как он весь наружу выйдет, непременно быть Кузьме Юродивому святым. А на самом деле — это был бугорок земли, в одном углу торчала одна доска и крест здоровенный. На кресте кружка подвешена. Вокруг этой могилы всегда были богомольцы, они опускали медяки и брали землю. А ночью земельку подсыпали.

Зап. от А. Н. Титова.

На Троицком камне был деревянный кремль. Он сгорел. Потом каменный построили. На камне находится могила мнимого святого Кузьмы Юродивого. Говорят, что он выходил из могилы, могила поднималась, песок поднимался, и этот песок верующие собирали. А его просто подвозили. Родничок-то якобы — это слезы Кузьмы Юродивого.

Зап. от З. В. Путинцевой, 1909 г. р.

Юродивый Фролушка служил для монахов мужского монастыря. И привлекал много богомольцев. Он получил граммофон (по тем временам большая диковинка). Этот граммофон держал под полом в церкви и проигрывал на нем пластинки с кантами¹. Создавалось впечатление, что Фролушка с ангелами поет. Народ верил, бросался ниц лицом, создавались легенды, что Фролушка исцеляет людей. Фролушка то в рубище на деревянной ноге, то в белом одеянии, как ангел, кричал: «Изыде, изыде, нечестивые! Оставайтесь только православные!»

Зап. от З. В. Путинцевой, 1909 г. р.

У Красной горы, недалеко от деревни Меркушино, есть источник, который издавна называют «стопой божьей матери». Вода в нем есть всегда: и летом, и зимой. А название ему дали такое, потому что форма источника напоминает стопу, отпечатанную на камне. Верхотурье раньше называли святым. У одной женщины, дожив до трех месяцев, умирали дети. И по совету знакомых, своего двухмесячного сына она понесла в Верхотурье, окрестила в одной из церквей.

Сын вырос, участвовал в Великой Отечественной войне. Вернулся живым, ни разу не был ранен. Женщина уверена,

¹ Канты — духовные песнопения.

И при́зри
на рабы
твоа, и на
дѣла твоа,
и настави
сыны нѣх.

что этим она обязана святому городу Верхотурье.

Зап. от М. М. Ефремовой, 1920 г. р.

Про самозванца Федота

Федотушка разбойник был, самозванец. Работал кем-то вроде архиерея. Ходили люди к нему. Моя теща ходила на поклонение. Она и рассказывала, что, вот если, например, скорбь какая-то есть у нас, он даст облечение. Дом его возле реки Октай был, недалеко отсюда. Представлял себя Федотушка святым. Мой крестный хаживал к нему, так вот что от него я слышал.

У этого святого был подкупленный прислужник, который большие деньги от него получал. Стоял прислужник в прихожей в ризе и спрашивал вошедшего: «Откуда?» — «Издавека, батюшка». — «С чем ты к нам?» Расскажет человек ему, а тут заборочка тоненькая была, и Федот сидит за ней и слушает и записывает, кто что говорит. Когда богомольцы к нему заходят, падают на колени. «Святой Федот, благослови!» Федот ограждает его крестом, называет по имени-отчеству и даже из какой губернии. Ну люди и дивовались. И шел тут слух, святой Федот все знает. Разоблачили его в японскую войну. Разоблачила солдатка. Взяли мужа на войну, осталась она одна. А уж дружно жили. Демобилизовался солдат, спешит домой в деревню, а жены нет. «Где жена?» Ну ему сказали, что пошла к Федотушке. Их четверо было, они вернулись, а она-де не пришла, будто Федот сказал, что ей надо не здесь, а с ангелами жить. Мужик видит — дело серьезное, и в полицию. Но ни исправник, ни урядник не поехали с ним: как к святому да с обыском — грешно. Согласился стражник, смелый мужик. Приехали,

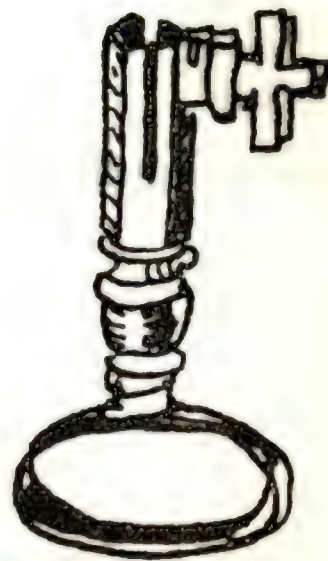

привязали лошадей, зашли, оказывается, прислужник умер, а у него теперь молодой, новый. А это жена солдата была. Уговорил ее святой, что, мол, как в раю будешь жить, сделал ее прислужником. Она красивая была и услужливая. Согласилась. Федот мужик умный был. Сделал он сам граммофон с трубой (а тогда их еще не было) и заводил божественные песни: «Вот слышите, люди, как ангелы поют у меня в комнате». А народ не знает, верит.

Солдат свою жену, конечно, узнал. Слово за слово выпрашивают. А святой за заборкой сидит, подслушивает и уже понял, в чем дело. А стражник говорит: «Можно обыск сделать?» — «Нельзя, тут святой Федот живет, грешно!» Федот за заборкой не жив от страха. Был у него под домом подвал. Всегда там светло было, как днем. Три лампы-молнии горели. Электричества тогда не было. И в подвале он девушек себе оставлял, кормил конфетами, пряниками. Возьмет на ночь себе одну, а после задушит ее и похоронит около дома, на берегу, там ягоды росли — брусника. Солдат видит, действовать надо, и говорит жене: «А ну, раздевайся». Федот услышал это и убежал. Через Октай и Кушву. Там его поймали. А солдат, когда его хватились, понял, что здесь разбойник жил, да и жена повинилась, рассказала. Стали больше искать. Зашли в алтарь — ничего. А стражник: «А ну давай престол отодвинем». — «Грешно». В доме, как в церкви, крес-ты, лампы. Отворотили — там западня, лестница. Залез солдат под пол, а там три девицы и какие красавицы. «Что вы здесь делаете?» — «Ждем очереди. Нам не место здесь жить, нам среди ангелов». Заорал он: «Убирайтесь отсюда!» Они еще не идут и рассказывают, что каждую ночь одна из них улетает. Пошли солдат со стражником на

судн
мн
бже

улицу. А около дома свежая могила. Раскопали и говорят девушкам: «Она?» Те и почернели все. Так разоблачили его. А мать-то этого солдата свечку зажигала: «Помолись, сынок, не ездитуда, может, потом жена по знакомству и нас в рай приведет». Вот какие люди были.

Зап. от Н. П. Лебедева, 1893 г. р.

Здесь когда-то были колокола. Километров за семь, за восемь слышно было. Про звон монастырских колоколов тогда шутили:

Всем монахам по бокалу,
А игумену ведро, ведро, ведро.

Про звон колоколов Воскресенской церкви:

Сани, дровни круг часовни.

Про звон колоколов Покровской церкви:

Парни к нам, парни к нам,
Парни к нам, к нам, к нам.

Зап. от Е. С. Пашниной, 1906 г. р.

О женском монастыре

Сначала сирот собирали, бедно жили. Потом богатые, которые замуж не выйдут, внесут клад и живут отдельно в келье. Мастерские у них были открыты. Швейная да живописная. Коровы у них были. Бедные работали, богатые-то были певчие.

Все жили, потом стали зазнаваться. Ряса стала шелковая, воротнички белые. Просто шикарно стали жить. Особенно кто побогаче. Веселая жизнь. Стали говорить, что они дружат с монахами. Игумен приезжал это расследовать. Потом пришло распоряжение распустить их, после революции. Многие в ссылку попали. Недаром говорится, монашеньки святые — жиром облитые. Их, говорят, угощали апельсинами среди зимы толстые сытые монахи.

Зап. от Е. И. Туркеевой, 1891 г. р.

Бабушка рассказывала. Поехала она молиться в Соловецкий монастырь. Пароход, на котором плыли, начал качаться, тонуть. Все испугались. Приходит архиерей, говорит: «Сознавайтесь, кто кого убил, ограбил, не то потонет пароход». Начали люди сознаваться. Пароход пошел ровно. Когда приплыли, архиерей все в полиции рассказал.

Зап. в г. Н. Салда, от Е. А. Мозгалевой, 1913 г. р.

Прасковья Егоровна, что в двухэтажном доме живет, пришла. У вас, говорит, тараканы в углу. А как от них избавиться, спрашиваю. «Таракана нужно наставнику в карман: куда кафтан, туда и таракан».

А я сижу и говорю: а если клопы, как их выводить? Она: «Попу в шапку. Куда поп, туда и клоп».

Зап. в пос. Висиме от К. А. Селивановой, 1902 г. р.

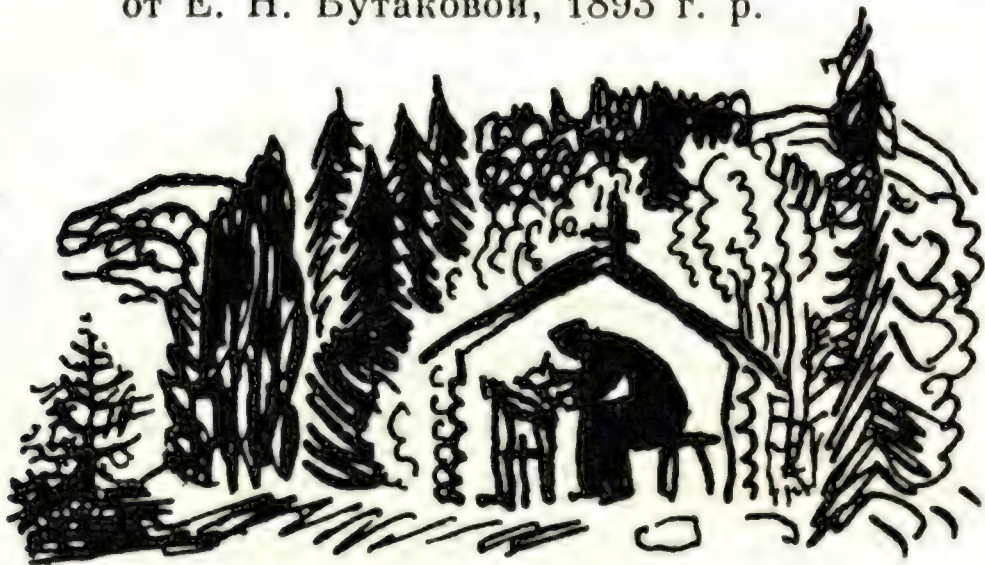
Попу да вору свали золотую гору — все мало. Подай ему две тыщи, он и спасибо не скажет, ему все мало. Да и наставник тоже.

Был у нас один наставник. Сперва молодой еще, он от солдатчины сбежал, деваться некуда, вот и пошел в наставники. Век прожил здесь у девки, у своей голубушки, а умирать пошел в лес, в келью.

Зап. в д. Шигаево Шалинского р-на от Е. Н. Бутаковой, 1893 г. р.

МѢТВАМИ СТЫХЪ
ОЦЪ, НАШНУЪ,
ГДН ІНСЕ ХРТЕ
БЖЕ НАШЪ,
ПОМІЛУЙ НАСЪ.

свѣтъ

Помню, на краю жил Сазоныч с двумя сыновьями, Сенькой и Игнашкой, и с женой Юлькой. Дети чинили гармошки, а сам Сазоныч звонил в церкви на колоколах. И колоколами такие выделявал вензеля, как заиграет «камаринскую»...

Зап. в г. Полевском от К. Н. Хмелинина, 1899 г. р.

Рассказывали, на Шайтанке у нас такой случай.

В большой праздник пришел исповедоваться рабочий. Поп и спрашивает у него: «Есть грех за душой?»

— Есть, батюшка, есть, но сказать не могу.

— Говори. Бог простит.

— Украл я дощатное гладило. (Это молот в шестьдесят-то пудов!)

Приехал поп к управляющему и говорит:

— У тебя вот такой-то мужик дощатное гладило украл.

— А как же он пронес его?

— За пазухой, сказал.

Управляющий только руками развел.

Зап. в г. Алапаевске от И. Я. Быкова.

Мужик ехал с сеном. У него воз навалился набок. Поднимал-поднимал — поднять не мог. Стал призывать на помощь: «Матушка Пресвятая Богородица, помоги воз отвалить». Попробовал — ничего не вышло, она ему не помогла. Он тогда и сказал: «Баба так баба, никакого толку нет». Снова обращается он, теперь уж к Николе Святителю: «Батюшка Никола Святитель, помоги воз отвалить». Попробовал снова воз отвалить — ничего не вышло. «Эх, старый черт, ничего от тебя толку нет». Снова просит помощи: «Сорок великомучеников, помогите воз отвалить». Те взялись, видно, воз и перевернулся на обратную сторону. Му-

жик и говорит: «Орда так орда... Молодцы, ребята-великомученики!»

Зап. в пос. Висиме Пригородного р-на
от И. К. Канонерова, 1932 г. р.

О верхотурских подземных ходах

Вот отец мой рассказывал, что ход подземный прорыт был из мужского монастыря в женский и выходил к Кликун-камню. На пятнадцать километров тянется. Когда в город белые пришли, то осажденные воду в город по этому ходу брали.

Потом мы с ребятами спускались в ход. Прошли километров пять, а дальше завал.

Зап. от А. В. Старкова.

Был ход в женский монастырь. У нас дома две монашки жили: мать Нина и мать Апраксия. Они и рассказывали, что был ход из мужского в женский монастырь. Всякие архиереи и архимандриты приезжали. В женский-то нельзя, так они через ход из мужского и ходили. Вечерки в женском монастыре устраивали. Кисеты архиереям вышивали. А потом монашки беременные ходили. И дитев в подземный ход кидали, когда разродятся. Тоже мне святые! Святые — жиром налитые!

Зап. от М. И. Глазуновой, 1904 г. р.

Был подземный ход от мужского монастыря к реке. Обнаружили его после Октябрьской революции. Когда наступила Советская власть, монашеские школы были переданы Советской власти. Керосину в войну не было. А мальчики бойкие: куда только не залезут. Вот они и сказали, что есть яма на скотном дворе. Там запрятаны были монахами пудов сто свечей и много золота.

Зап. от З. В. Путанцевой, 1909 г. р.

О смолинских пещерах

Пещера эта находилась в скалах у села Смолино, в них жили монахи. Жил монах Николай на этой скале, брал он к себе бездомных детей, воспитывал их. Говорят, что там, в пещере, были медные колокола, эти колокола находились где-то в пространстве, и никто не знает, откуда они появились. Приходило много людей на эту пещеру, молились богу. Сам-то я не видел, но вот так рассказывают люди.

Зап. в с. Кисловском Каменского р-на от М. И. Павловских, 1897 г. р.

Страшная эта пещера. Воздух в ней сырой, затхлый, никогда его не хватает. Какходишь в нее, стоит там каменный гроб, а от него четыре хода: один — на Каменск, другой — вверх, третий — на Смольную, четвертый — на Исеть. Пещера мощная, живут в ней только летучие мыши.

Говорят, была там маленькая речушка, на берегу которой всегда стояла лодка. Можно было на этой лодке отплыть в глубь пещеры. В пещере есть два колодца. Находятся они по левую сторону от входа. Размер колодцев полтора на полтора метра. Глубина страшная. Когда бросаешь камни, то не слышно звука от удара. Такая глубокая она. Расстояние между колодцами метра три. Наверху пещеры шумит Исеть.

Жили в этой пещере трое монахов. Была у них там постель. Монахи хорошо знали пещеру: все ее ходы-выходы. К монахам приходили люди, очищались от грехов, пили святую воду. На каменки они всегда клали деньги для монахов, и никто их не забирал. Жили монахи в этой пещере до самой коллективизации. Теперь там туристы ходят. Золота, малахита в пещере нет.

Зап. в с. Покровском от А. М. Ярославцева, 1927 г. р.

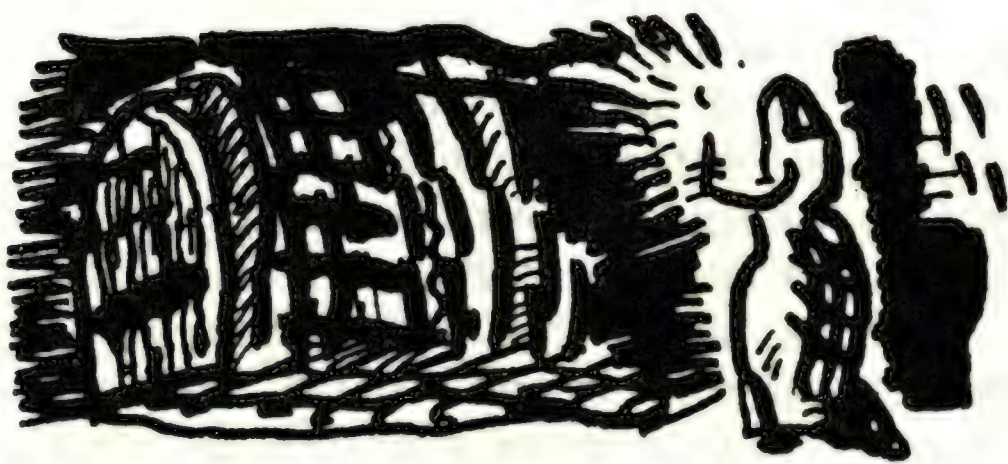
Недалече тут были смолинские пещеры. Там разные монахи жили. И был монах Николай. Гроб там стоял, на нем камень, монах там и спал. Иван у них был, мальчишка, его, видимо, монахи эти подобрали и воспитывали, детдомов-то не было. Мы бывали в тех пещерах, мальчонка тот спрячется и кричит: «Черти-то, черти вас». Под Исеть, слышать, пещеры уходят. И келья у них из слитного камня, вроде нашей избы. А потом монахи померли, наверное.

Зап. от М. А. Томиловой, 1904 г. р.

Подземный ход в монастыре был. У ключа под горой часовенка. Из ключа по колоде вода текла. Так выше от него, в скале, дверь была. Ее нашли, а вовнутрь все не заходили. Говорили, что в этом подземном ходу монахи клад прятали. Говорили еще, что идет этот ход до женского монастыря в Верхтечь. Это врут люди. Ход только до речки был. И то гора-то вся в ключах, все сочатся.

Зап. в Долматово Курганской обл.

М
мѣтъ

О встречах с лесным, водяным, русалкой...

О лесном

О ПОДОБИ
ГДН ВЗ
ДЕНЬ СЕИ,
БЕЗ ГРЪХА
СОХРАНИТИ
СА НАМЪ.

Было это давно. Я еще молоденькой была. Работала учительницей. Один старик, у которого я жила на квартире, рассказал мне эту историю. «Хошь верь, мила дочь, хошь не верь, а было это со мной на самом деле, — начал он. — Было это годков десять назад. Пас я свою корову недалеко от леса. Заснул маленечко, просыпаюсь, а моей Буренки нет. Знать, в лес ушла. Пошел я искать ее. Ходил, кричал, никак не могу найти. Подошел к какой-то избенке, гляжу, возле нее топор лежит, а поблизости никого нет. В избу я заглядывать не стал, взял этот топор и пошел дальше. Иду, иду, глянь — я опять возле избы той. По кругу я ходил-то. Что делать? Плюнул и пошел опять вперед. Иду, иду... и опять у той избенки стою. Что за черт? Тут я маленечко испугался, ну, думаю, как ни есть нечистый меня водит. Плюнул и опять пошел вперед. Ну, куда я сейчас попаду? Так и есть, избенка та. А тут из нее хозяин выходит, старичок махонький-то. «В чем дело?» — спрашивает. Я ему все как есть и рассказываю. Выслушал он и говорит: «Ты топор-то брось. Чужой же он». Послушался я, бросил топор и опять пошел. Иду, вышел на полянку, а Буренка моя спокойнехонько траву ест. Погнал я ее домой. Тут мы с ней на дорогу вышли и домой. Вот, мила дочь, что на свете бывает. А вы смеетесь, не верите».

Зап. в г. Н. Салда от А. С. Долбиловой,
1899 г. р.

В полдень три брата поехали в лес за дровами. Только выехали в лес поглубже, слышался какой-то свист. Свистит так все вокруг них потихоньку. Стало их ко сну клонить. Они все и уснули. Проснулись поздно ночью. Смотрят: очутились все на одной лошади, на передней, а две другие за ними идут. И все беспокойные. Глядят они: а впереди идет огромный человек. Голова у него выше деревьев. Они сразу поняли, что это лесной. Жутко им стало. А что делать — не знают. Идет лесной, идет, а лошади за ним. Куда лесной, туда и лошади идут. И так лесной водил их три дня и три ночи. А потом лесной пропал, и вышли они на дорогу. Приехали домой голодные, усталые, почерневшие.

Зап. в г. Н. Салда от Т. И. Ротановой, 1910 г. р.

Про Лесуньку разговор был. Лесунька ходит по лесу, идет — песни поет. Я даже так слышал: «Приехал, говорит, я на покос, а ветер поднялся. Я вилы поставил: «Заколись!» И все — тихо. А лошадь ходила — я ее потерял. Утром искал, искал, а она меж берез засажена. Я ее достал, и она подохла. Закопал. Домой пришел. Пошел к устью за рыбой. А по воде — Лесунька ходит. Домой побежал. Только заперся — Лесунька в окошко, стучит: «Хорошо, что успел, а то бы я тебя утопил. Ты у меня трех детей заколол».

А вот мама рассказывала.

Отец ходил на охоту и взял разложил в болоте на тропке костер. Сидит. Слышит — кто-то подъезжает, побрякивает колокольчик.

Вдруг снегом на него бросили (летом — и снег!).

Отбежал с тропки. Проезжают и кричат, кричат: «Больше никогда костер на тропке не разжигай».

Так не знаю, правда ли, неправда.
А мужик — охотник из деревни Талой говорил: Лесунька придет, они окошко не запрут, положат ему квас и ковригу. Он квас выпьет и ковригу возьмет и скажет: «Ты в тот лес не ходи, а в тот иди. Направо не ходи, а иди налево». И пойдет — птицы принесет.
А то еще он говорил, что Лесуньку водкой поил и напайвал его допьяна. Четверть ему ставил. Он, говорит, напьется и пойдет запоет.

Зап. в д. Нелобе Верхне-Салдинского р-на от О. Д. Тихоновой, 1895 г. р.

Был я охотником. С лесным не встречался. Это старые-то старики говорят, что там лесной бродит, а я один ночью спал в лесу и на воде не встречал. Мерещился, говорят, будто с рогами и лохматый весь. Мне видеть не приходилось.

Говорят, песни напевает. У нас один старик рассказывал, что ему мерещило. Рыбачить-то ходили на Тагил за три версты. Ледокол когда будет — пойдут рыбачить. Раньше рыбы много было. Там гора есть — Высокий камень. Там и мерещилось, будто песни на той стороне напевали, кони бегали. Он отправился, не стал рыбачить.

Я по ночам даже рыбачил, водяники никакой не видал. С лучом рыбачил, огня наберешь и пойдешь рыбу колоть острогой. Люди болтали — лешачиха в воде живет, а я на мелкой воде и на глубоких местах бывал и ночью — не видал. Их теперь нет.

Зап. в д. Медведево Верхне-Салдинского р-на от В. М. Медведева, 1887 г. р.

Раньше я лесного шибко боялась, мерещило мне все. Я кучонки ломала, высоко-высоко какая-то тень в небе. Думала, что лесной — унесет меня. Больше-то им детей пугали, если завольничаем, запакостим, нас и настрашают. Я никого не стращала, потому что сама боялась до смерти, так я почто буду стращать. А от людей слышала.

У нас бабушка Анна на покосе была, спать легла на тропке. Ночью лесной ее в голову ударил: «Убирайся, старая, не мешай, разлеглась на дороге». Она пробудилась, взглянула, большой-большой мужчина стоял перед ней. Это лесной. Она убралась с тропки, он пошел дальше. Бабушка все мне наказывала: «Спать на тропку в лесу не ложитесь». Потом дядя рассказывал. Раньше работали в лесу, метры рубили на дрова. Слышат, едут с колокольцами. Ветер поднялся, все чурки пораскидало, все равно как дорогу размело. Потом слышат: «Это свадьба едет, берегитесь!» И проехали. А они ничего не видели, только крик слышали.

Зап. в д. Медведково от Е. И. Медведевой, 1893 г. р.

Батя мой охотником был. Летятину бил. Пошел однажды искать избушку да и отемнял. Идет по лесу, вдруг видит: сидит лесной на пенке и лапти плетет. И на месяц ругается: «Свети, светило, а то столкну!» Темно ему, вишь, лапти-то плести. А отец мой храбрый был. Он и говорит: «Чего сидишь? Вот пристрелю сейчас». Лесной-то и пошел от него. Идет по пролеску и поет:

Закутил, замутил молодой приказчик,
Наложил он свою руку на хозяйский ящик,—

захохотал — и не стало его.

Зап. в г. Н. Салда от Т. Н. Шилковой, 1908 г. р.

Про лесного я однажды слышала от отца. Раньше-то часто жили единолично, в заимках, в лесу. Сеяли хлеба, косили травы. У нас заимка была на берегу реки Батрихи, около деревни Урмикеево. Около нашей заимки это получилось. Однажды пастух, который пас лошадей, улегся у костра, и в полночь вроде как бы с другой стороны другой пастух идет и бичом щелкает. И кричит: «Куда, куда?»

А сам гонит стадо на того пастуха. А пастух-то говорит: «Эй, друг, потише, не гони стадо на моих коней!» Лесной сразу замолчал. А стадо его прошло мимо. Только это не стадо лошадей было, а мыши лесные, вроде как даже крысы стадом пробежали. Видно, лесной их собрал да и перегонял.

Зап. в пос. Михайловском Нижне-Сергинского р-на от К. К. Дмитриевой, 1912 г. р.

В ранешние времена в нашей деревне стали люди слышать по вечерам крик: «О-о-у, о-о-у, о-о-у!» Прокричит кто-то три раза, и не слышен больше голос. Долго слышали этот голос, все лето люди крика его боялись. И называли того, кто кричит, Голком, так и порешили люди, что Голк — этот самый и есть леший. И что каждый вечер выходит Голк из лесу, взойдет на гору и кричит свое «о-о-у», пугает людей.

Зап. в с. Полдневом Полевского р-на от К. М. Сугоняевой, 1906 г. р.

Пришлецъ
ѣзъ есмь
на земли,
не скрый
ѡ мене
заповѣди
твоя.

Рассказывали мне, как одна женщина лесного встретила. Раньше-то часов не было. Ей нужно было в ночную смену идти, а она проспала. Побежала на работу по Еланной, а время-то уж за полночь было. Он, лесной-то, и гонит ей навстречу мышей и кричит:

— Куда, куда, эй!

Сам с телеграфный столб, страшнящий. А она трусиха была, испугалась жутко и к людям постучалась, они еепустили.

Зап. в пос. Михайловском Нижне-Сергинского р-на от А. М. Куклиной, 1885 г. р.

Человек сильнее

Ехал как-то мой отец, тогда еще мальчонка, с дедом по лесу. Вдруг глядят, а за ними шар огненный летит, весь так и пылает, и сзади его хвост горящий мечется. А дед-то умел нечистую силу заговаривать. Поговорил он каких-то слов непонятных, шар-то и остановился, присел к ним на сани на самый зад, сидит тихохонько. Дед спрашивает: «Куда летишь?» Нечистый и отвечает: «Есть тут вдовушка одна, все тоскует, все плачет, меня зовет. Я и лечу ее утешить». А дед ему: «Чтоб ты не смел, нечистый дух, больше и появляться, не то я тебя поражу». То ли вправду дед власть над ними имел, то ли еще что, но только сполз этот шар с саней да и тут же растаял, словно его и не было, и больше уж в дедовой деревне не появлялся.

А вот еще случилось в нашей деревне. Пошел как-то человек в лес и заплутал. Вроде и лес знает, ведь не в первый раз этим путем идет, а вот закрутился и не знает, куда идти. Вдруг видит — человек перед ним. И указывает этот человек рукой вперед и говорит: «Иди прямо, все прямо, не сворачивай». Пошел он прямо, а выйти на верный путь

не может никак. И брякнул со злости-то: «Черт возьми, ни разу не плутал, а тут что творится». И закрутился еще больше, совсем путь потерял, а вокруг все шумит и гудит, деревья трещат, птицы кричат. Возьми он и скажи: «Да будь ты проклят, что же это со мной делается». А человек за ним идет и вперед рукой указывает, и понял вдруг заплутавший, что это его нечистая сила кругом по лесу водит. Перекрестился он и еле проговорил: «Господи, спаси раба твоего». Тут тот, что сзади его шел, захохотал на весь лес, завопил и исчез. Осмотрелся он, видит — места все знакомые и деревня-то совсем рядом. Вскоро и вышел к дому.

Зап. в г. Кушве от П. М. Авдониной, 1903 г. р.

Встреча

Про себя я ничего не скажу, лично я сам никогда не видел ни черта, ни лешего, ни домового. Но верить в них я верил. А вот сказывали, что один человек заплутался в лесу, так до ночи-то там и бродил. А ночью нет чтобы костер развести да переночевать на одном месте, его словно бес попутал: все бродил он, бродил, но никак не мог он найти тропку.

Вдруг слышит: ветка над его головой хрустнула. Поднял он глаза — а на дереве девушка сидит. Молоденькая такая, лет шестнадцати, маленькая, хорошенькая. Лицо в темноте белеет, светится, глазки блестят. Сидит она и хохочет. Мужик-то сначала испугался, а потом спрашивает, кто ты, дескать. А она захохотала и в ладошки стала хлопать. Хохоchet и хлопает. А потом стала с ветки на ветку прыгать. Она прыгнет, в ладошки похлопает и смотрит на мужика, а сама хохочет, зали-

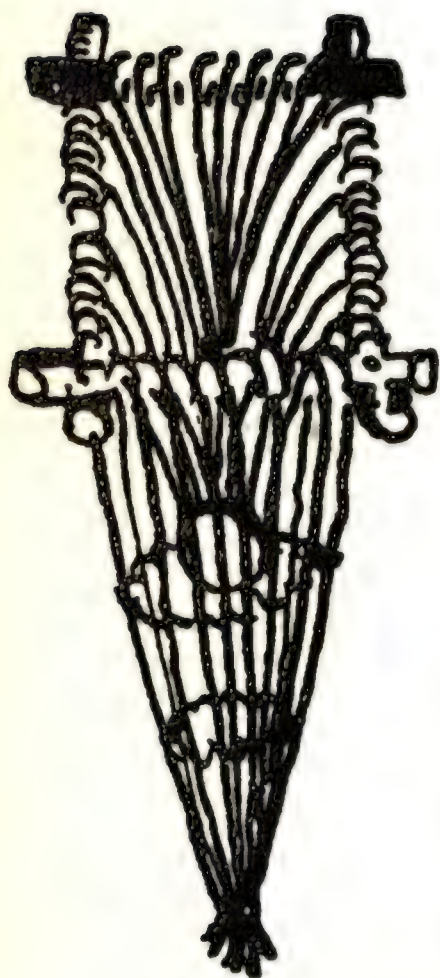
вается. А он от ее хохота ровно как за-
вороженный стал. Бежит за ней, глаз
с нее не сводит.

Так вот и вывела эта девчушка его на
тропу. А тут уже и рассвело, она и ис-
чезла. Мужик этот после говорил, что
не русалочка это была, хоть и похожа.
У тех хвост рыбий, а у этой ножки бе-
ленькие из-под платья выглядывали.
Кто уж это была, сам не знаю.

Зап. в г. Кушве от П. Ф. Панова, 1899 г. р.

Старик один жил, промыслял тем, что
возил руду и плавил из нее олово. Ни-
кто, кроме него, не знал месторасполо-
жения руды, и ездил он всегда один,
никого не брал с собой. Но вот вырос
у него внук Ванюшка, и решил старик
взять его с собой. Вот ехали они, ехали
и видят: гроза приближается, ветер по-
дул сильный. Остановились они под
сосной, выпрягли лошадь. Вдруг шум
поднялся, да такой страшный, что у
них мороз по коже пробежал. Смотрят,
а к ним старик идет, громадный-пре-
громадный. Черт это был. Испугался
старик, набыстро запряг лошадь и да-
вай понужать ее. После этого не брал
больше старик Ванюшку с собой, ездил
один. И это место никому не известно.

Зап. в г. Полевском от И. Г. Тагильцева,
1889 г. р.

Жили мы у самой воды, прямо за ого-
родом река была, раньше она шире бы-
ла да глубже. Поставил отец утром мор-
ды. Целый день на покосе был, вече-
ром вспомнил про морды, пошел их
проверить, подходит к воде, тянет, а
морды-то нет, а из того места выныри-
вает девка, да такая баская из себя. Ру-
кой манит его и зовет: «Лезь в воду,
там твои морды, глубже, глубже в во-
ду лезь!»

Он разделся — и в воду. Идет, идет —
ему уже по горло, а девка все дальше
его зазывает, его уже скрывать с голо-

вой начало, девка засмеялась, хвостом мотнула и исчезла.

Или вот однажды везли женщину в санях через мост в больницу. Она чуть-чуть прихворнула. Едут они, уже темнеть стало. Она уже спать захотела, глаза закрываться стали, она едет, зевает. И вдруг зевнула и повалилась в санях. Только стонет. Когда приехали, она уже помирать собралась. И перед самой смертью она рассказала, что ког-

да она зевала, то к ней в рот рыба залетела. А в этой деревне ходили слухи, что если кого одна ворожея зане-любит, то она обязательно пошлет такую рыбу, когда человек зевает. После того человек умирал.

Пошли как-то люди в лес веники ломать. Старик режет ветки с березы — все плохие, он дальше пошел и заблудился. Видит, на дереве девка зеленая сидит, с зелеными волосами, с глазами огромными. Она сидит, тоненько поет:

— Иди, иди, старик, за мной!

Сама по деревьям прыгает, он за ней пошел, идет битый час, смотрит, а он опять на той же поляне. Он опять за ней, а она заливается таким звонким смехом, а потом и совсем исчезла. Дед подождал утра, а с восходом солнца домой добрался.

Сидели как-то старатели у костра, по-

О
БРАЗ

Творѣи
мѣтѣни
твоѣ гдѣ

басенки рассказывали. Вдруг один из них говорит:

— Смотрите, баба идет, откуда ей тут взяться?

Они мыли далеко от деревни золото, и бабе взяться было неоткуда. Подходит она к костру, а тот же мужик закричал:

— Мужики, это же чертовка, у ней хвост по земле волочится...

Они кинули в нее головешкой, она и пропала.

Зап. в с. Полдневом Полевского р-на от Ф. И. Бородулиной, 1880 г. р.

Русалки в воде живут. Какой-то мужик гребень золотой нашел, дак к нему по ночам русалки ходили и говорили: «Отдай гребень, отдай гребень». У русалки какой-то взял его.

Зап. в г. Сысерти от Н. И. Макаровой, 1893 г. р.

У нас дядя с тетей раньше жили на Барабонске. Часто слышали, коров кто-то гоняет будто, кнутом кто-то щелкает и, бывало, закричит, захохочет. Днем выйдут, а на свету ничего не видно — никаких следов. Много раз слышали. Многие другие тоже слышали. Иль местность такая, иль что... Многие говорят: лесной гонял скотину. А нынче это не услышишь нигде.

Мишуха у нас в селе была. Все ее знали. Большая такая старуха, заметная. Училась она колдовать, запугивала — про это все знают. Идут, бывало, с гулянки холостые парни, а в бане лен мнут. Мнут и мнут, стучает там. А кто в такую пору темную лен будет мять? Декало¹ им. Парни трусили, бежали. Жуть...

Зап. в пос. Михайловском Нижне-Сергинского р-на от Т. Т. Еловских, 1889 г. р.

¹ Декало — от дековаться — казаться, мерещиться.

О Годовом рассказывали разные чудеса. Годовым запугивали буйных рабочих. В Годовом была Думчатая шахта, разведывательная. Говорят, ехал как-то богатый мужик на тройке. Его убили, бросили в шахту — и его, и лошадей. С тех пор стали ночью огни в шахте, привидения бродили. Однажды ехали на лошадях мимо этой шахты. Выходит высокий человек в белой рубахе, идет стороной, не отстает от них. Один из сидевших в повозке схватил ружье и выстрелил в него. Он исчез. Немного погодя опять идет рядом. Вообще, страшное это было место.

Зап. в пос. Черноисточинске Пригородного р-на от А. В. Гайдукова.

Я вот вам какой случай расскажу. Дело это со мной лично было. Говорили раньше, что дьявол тут какой-то ходит. Ну, говорят — и пусть говорят. А тут самой его увидеть пришлось. Молодая я еще тогда была. Были мы с отцом в лесу на работах. Вот сижу я в избушке и вдруг вижу в окошко: идет кто-то по лесу и палочкой тук-тук, постукивает. Все ближе, ближе подходит. Испугалась я. А он снова: тук-тук. И наяву вижу я его, а вокруг в лесу ни одной живой души не работало. Обличьем он так человеческим, в одежде холщовой. Только большой такой, широкоплечий, здоровый шибко. Ну, и испугалась я, не знаю, что делать. Как ближе стал подходить — тут как что стукнуло меня. Схватила я мешок с солью и давай соль горстями в огонь бросать. Бросаю, а сама все кричу: «Тятя, тятя!» Отец как не слышит — не идет. А соль всю трещит в огне, на весь лес треску было. Оглянулась я, его как и не бывало. Вот мстенье от соли-то отходит. Помогает оно.

Зап. в г. Н. Салда от П. Ф. Рыбаковой, 1896 г. р.

Я вот какой случай слыхала. Жил один наш мужчина, из деревни, в лесу. Все жил не тужил, а тут как-то раз заходит к нему ночью в избушку человек один и говорит: «Пособи, добрый человек, засели мы на дороге». Удивился мужик и испугался: сроду вокруг никто не ходил и не ездил. Да и дороги тут никакой не было и близко-то. А в лесу гроза была. Черное небо, шум, треск стоял в лесу. Испугался он и говорит: «Куда я пойду? Ночь, да и гроза на дворе, а вас я не знаю». Ушел этот человек. Немного погодя снова приходит и говорит: «Ты пошто смеешься над бедой моей? Пойдем, помогать будешь». Испугался наш мужичишка, а тот угрожать стал. Не то что улыбается — дрожит от страха. Делать нечего, пошел он с этим человеком. Выходят из избушки, а непогода еще пуще прежнего злится. Идут, а мужчина смотрит по сторонам и места знакомые не узнает — все чужое. А ночь обступила их кругом, ветер воет, деревья, ровно живые, за рукава цепляются, темень кругом, и конца не видно ихнему пути. Вдруг вихрь какой-то налетел на них, и на полянку они вышли. Подводит этот человек мужика поближе, и видит тот: меж берез-то лошадь белая так и засажена. Ахнул тут мужик и удивился, а сказать от страха ничего и не может. А этот человек посмотрел на него и снова говорит: «Чего зубы скалишь? Видишь, лошадь засела. А ты что стоишь, смеешься? А ну, помогай!» Тут уж коленки громко застучали у мужика. Но вдруг ветер легкий подул, и ничего не стало. Подивился он. Глядь, и избушка его тут, рядом. Зашел, закрылся. Сидит. Померещилось, думает. Вдруг снова перед ним мужчина появляется. «Ты чего здесь сидишь, смеешься? А ну пошли помогать!» Да догадался тот, бросил соли

в огонь, и все исчезло. Хорошо, что на ум пришло про соль вспомнить, а то бы совсем замучил его черт.

Сам нам потом в деревне рассказывал — вот я и слыхала.

Зап. в г. Н. Салда от М. Ф. Путиловой, 1904 г. р.

Давно это было, я слышал от своего деда, а он от своего, так давно, что и завода-то тут, наверно, не было. Жили в деревне два охотника: Ленька Косой да Пашка Лабутный. Стары они были, всю жизнь охотились. Ну и конечно, знали свои места лучше зверя. Разделили свои владения и ходили по своей тропе, а где тропы-то их сходились, построили они избушку на двоих и договорились друг ко другу на тропы не ходить, кроме этой избушки. И вот раз пришел Пашка Косой на свою тропу и слышит выстрелы. «Кого тут на мою тропу занесло, никак Пашка Лабутный? Ну, пусть стреляет. Все равно не убьет никого». Пошептал он что-то, идет дале. Встречает Пашку Лабутного, тот и давай жаловаться: хотел утку убить, стрелял-стрелял — пух летит. А утка жива. «А ты пошто в мои владения зашел, вот и не убьешь никого, мы же договорились», — говорит Ленька Косой. «Ладно, — думает Пашка, — уж ты у меня попляшешь». Пришел он в избушку, пошептал чего-то в углу и завалился спать. А Ленька Косой настрелял уток, зайцев, белок и направился по своей тропе тоже в избушку — отдохнуть, значит. Вот идет, идет, а избушки нет. Вот тут она должна быть, а нету ее. «Не первый десяток лет хожу, — думает Ленька Косой, — а избушки нет, и тропа торная куда-то запропастилась». Измучился Ленька, уж светать стало, а избушки все нет и нет. А Пашка проснулся, вышел из избушки и говорит: «Леонтий, чо-то ты

кружишь-то, вот она, избушка-то». Оказалось, ходил Ленька по кругу, вокруг избушки, и не мог ее найти. Подшутил над ним Пашка Лабутный. Давно это было, может, и неправда, мне дед это рассказывал.

Зап. в г. Н. Салда от С. Н. Дьячкова, 1906 г. р.

О вещницах

Вещицы — женщины, только они в гусих превращались. Чем-то намажется и полетит. Свой труп положит под корыто, а гусихой вылетит в трубу. Теленка вынет из коровы, положит туда голик¹ либо извести комок. Если беременная женщина гасник² мужской не носит, то эта вещица может у ей ребенка вынуть. Как на кого рассердится, так чо-нибудь сделает.

У нас летала одна. Ее кто увидит, придет домой — перекрестит трубу. Так она наутро в этот дом придет раньше всех просить чо-нибудь. Видно, обязательно зайти хочется.

Раньше-то ведь не презирали. Летат она, и летай. На свою душу грех мотала. К одним залетела в конюшню, а там овечка была суягна. Хозяин увидел ее да закрыл дверь, благословясь. Она и не могла выйти-то. Пошел, взял шило и всю ее шилом истыкал и глаз выткнул. Она и сделалась кривая.

Люди в свиней еще превращались. Бежит такая свинья, а у ей изо рта огонь. Огненный змей какот летал. Но он, говорили, богатство таскат. Как кто богато живет в деревне, так говорят: к ему огненный змей летат.

Зап. в пос. В. Сысерть от Н. И. Макаровой, 1893 г. р.

¹ Голик — старый березовый веник без листьев.

² Гасник, гашик — пояс, шнурок.

Жил один старик колдун. Захворал он, стал умирать. Позвал брата и говорит, чтобы после его смерти его не хоронили дома, а сразу везли на кладбище.

Умер колдун. Но брат привез его из леса, где он жил, к себе домой. Положили его на лавку, в гроб. Ночью позвали старичка читать молитву по покойнику.

Стал он читать. Вдруг слышит, будто козы пробежали под окнами: то были черти.

В это время мертвец приподнялся из гроба. Старик ударил его молитвенником по лбу и говорит: «Лежи. Не твое дело».

Через некоторое время опять послышался стук копыт под окнами.

Опять приподнялся мертвец и уже стал вылезать из гроба. Но в это время на улице пропели петухи, и мертвец снова лег в гроб.

Зап. в г. Кушве от А. М. Охотниковой, 1902 г. р.

Про колдунью

Много разных историй про колдунов рассказывают, не знаешь, то ли верить, то ли нет. Мне вот еще мама моя говорила, что жила у нас в деревне старуха, Дарьей ее звали, так умела она молоко у коров отымать. Говорит она раз моей матери: «Хочешь, возьму и из сучка молока надою». И правда, подставила под сучок дойник, а из сучка молоко так и полилось струей, полон дойник набежало парного молока, словно только что из-под коровы. А как вечером стадо домой вернулось, оказалось, что соседкина корова без молока пришла. Стало быть, у этой коровы и отняла она молоко. А уж как она это делала, ей одной известно.

Про домового

Живет во всяком доме дедушка домовый. Из себя он вроде как кот, лохматый, небольшой, темный весь и теплый. Видеть мне его только раз пришлось. Забормотал он что-то, заревел да и промелькнул возле меня. А я-то от страху сжалась, а бояться-то было нечего, домовые-то, они людям зла не делают. Когда человек на новую квартиру переезжает, он должен домового с собой позвать. Надо только сказать: «Дедушка-соседушка, пойдем с нами жить». Он и пойдет. И тогда будет в новом доме счастье. А чтоб он в доме прижился, надо, когда в первый раз за стол садитесь, сказать: «Дедушка-соседушка, садись с нами кушать». Ведь без домового и дом не дом, и счастья в нем нету.

Про цвет папоротника

Цвет папоротника обладает способностью чудеса творить: с помощью папоротника можно и богатым стать, и счастливым, а если коснуться цветком одежды того, кто тебе нравится, то на всю жизнь его к себе присушишь. Но не всем дается этот цветок. Чтобы сорвать его, нужно в Иванов день¹ в 12 часов ночи в лес отправиться искать его. Но не так-то легко сорвать цветок, если и найдешь его. Только руку протянешь, а перед тобой всякие чудовища, страшилища, а если дрогнешь — берегись! А когда обратно с цветком возвращаться будешь, не оборачивайся — беда будет! И еще запомните, только удачливым этот цветок в руки дается.

Зап. в г. Кушве от П. М. Авдониной.
1903 г. р.

¹ Иванов день — 24 июня по ст. стилю.

Слышала от сестры, что где-то она на Карасьих росла. Цветет она раз в год, и то на Иванов день. По ее никто ведь не ходит, никто не возьмет. Нечаянно, может быть.

Один мужик шел в лаптях домой из Уралу на праздник, ему в лапти свята папора и попала, цвет-от. Пришел он домой — и его не видят. Невидимкой стал.

Жили мы на Карасьих, там она на Березовом увале, папора, росла. Одна женщина хотела пойти за ней, да не смогла: черти не дали. Черт-от идет выше лесу. И не дал.

Есть колдуны, дак они за всякой травой ходят, она им нужна. Колдуют все. Те ищут.

Сойдутся молодежь — смеются: надо сходить за святой папорой. Да кто пойдет? Только одному надо. Двоим-то она не покажется.

Зап. в пос. В. Сысерть от Н. И. Макаровой, 1893 г. р.

Святая папора — это очень редкая трава. Такая низенькая, и растет она на мховастых местах. А цветет только на Иванов день. А цвет у нее такой, как огоньком цветет. Над кустиком цветок чешуйками. А лукавый караулит, когда она зацветет, потому что этот цвет счастье приносит. Один человек пошел в лес, нашел эту траву, собрал цвет и в тряпочку завернул. А лукавый представился бабушкой и говорит ему: «Покажи, куда ходил и что у тебя в тряпочке». Человек открыл, а лукавый дунул, и все улетело.

Зап. в г. Сысерти от М. И. Месиловой, 1904 г. р., известной в городе собирательницы трав.

Раньше везде по деревням была Опалиха. Это было так. Бобы и горох нельзя было до Спасу¹ есть. А ребятишкам маленьким страсть как хотелось гороха. Вот они до этого времени и воровали бобы. Заберутся детишки в огород, сядут между грядками и давай горох наяривать. А кто-нибудь из старших в семье, сестра или тетка, пугают их Опалихой. Со мной тоже такой случай произошел. Сидели однажды вдвоем с товарищем у нас на огороде, грызли бобы. Вдруг видим, что идет что-то волосатое с клюкой и прямо на нас. Так у меня с того времени порок сердца образовался, а товарищ стал заикаться и до сих пор заикается. А это напугала нас моя сестра. Было это во многих деревнях, и детишки многие пострадали от этого, так как сильно очень пугались.

Зап. в г. Н. Салда от М. А. Фролова.

В пруду какая-то ведьма жила с длинной косой, чугунной сковородкой. Это Опалиха. Как бобы поспевать начнут, так от ребятишек отбою нет. Лазят в огороды, воруют. А Опалиха днем вылезет из пруда и в огород, сторожит, чтобы никто бобы не рвал. Ох, ребятишки и боялись! Как полезут в огород, слышат шум, бегут — не оглядываются. Так вот она нам огороды стерегла. А ночью в пруду тоже нельзя было купаться. Опалиха с раскаленной сковородкой плавала. Ребятишки боялись. А днем никого нет, купаются.

Зап. в г. Н. Салда от М. Ф. Ефимовой, 1899 г. р.

¹ Спас — название трех церковно-бытовых праздников. 1, 6 и 16 августа по ст. стилю.

Мой отец, он больше ста лет жил, рассказывал, как на Кошкарехе ловили разбойников. Только это были какие-то маленькие ростом, а борода большая. Вот я в Москве была, видела — таких людей карликами звали. Эти-то карлики и разбойничали на Кошкарехе-то: нападали на людей, убивали. Конечно, один-то карлик ничего не мог бы сделать, так они нападали на людей не поодиночке, а по несколько человек. Наши мужики терпели-терпели, и тошно уж стало: решили известить их, пе-

реловить. А как их переловишь? Они ведь ростом маленькие, в высокой траве не видать. Они-то наших видят — высмотрят и нападут. Отец все рассказывал, ему тогда пятнадцать лет было, мальчишко. Взяли, значит, бревно. К концу его привязали веревки, их концы привязали к лошадям, как постромки. Отца посадили на вершину на одну лошадь, а на другую лошадь другого мальчишка, ровесника отцу, и они погнали по траве катуном бревно-то. Ну, и загрудили карликов. А потом разыскали их жилье. Оно в земле было, камнями выложено. Когда зорили карликов-то, камни выворотили, вытащили и склади грудкой. Как ежели ехать отсюда на Кошкареху, на этом берегу слева, а оттуда ехать — прямо утычью в камни. В жилье-то взяли все: там посуда медная была и всяко место. Потом, как мы с отцом поедем, бывало, на речку Кош-

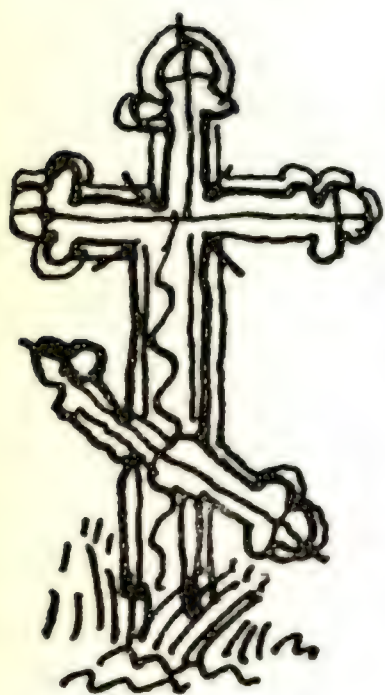

кариху, он все говорил: «Вот доезжаем до карликов...»

Зап. в с. Сосновском Покровского р-на
в 1947 г. от А. С. Ершовой, 1867 г. р.

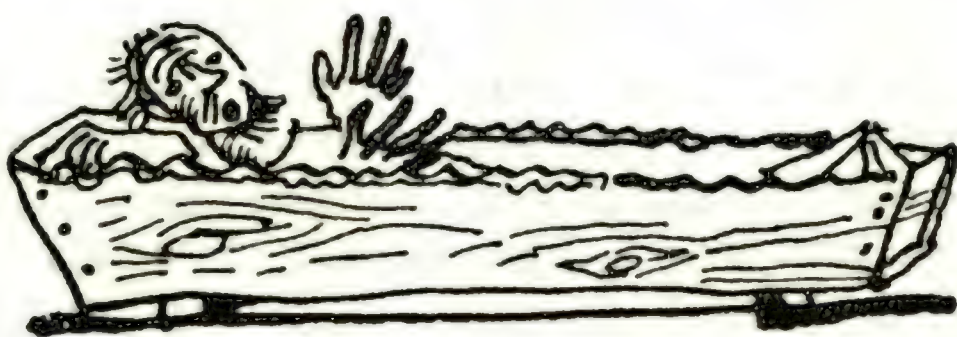
Был у нас возле воды камень, а под ним туннель, и говорили, что там живут черти. И когда ходили за ягодами, всегда обходили его. А если закричать — отдавалось эхо, а думали, что это черти кричат.

Зап. в г. Березовском от А. Е. Федоровой,
1912 г. р.

А вот я вам расскажу, как мой дедушка сохранил своего дядю. Уснул человек, а сказали, что он умер. Наш дед приходит, берет самое легкое перышко курицы — пух, подносит к носу. И вот целый час ждал, когда перышко зайдет в нос. Он затянул его. Дед говорит: «Не готовьте ничего хоронить. Он живой». Они говорят: «Нет». А он спорит: «Живой». И переспорил старик, не дал хоронить... Шесть суток продежурил дедка один на этом деле — все боялись. Потом приходит жена того, начала печь топить, сковородками греметь. А этот (Андреем его звали) как стряхнется, сел и говорит: «Ну, тяжело. Дайте мне напиться». А жена-то как грянется на пол! Еле отходили. Ну, тот годков тридцать еще прожил. А дед мой еще брата так сохранил. А сейчас оперируют хоть ты живая, хоть ты мертвая. Студентов много, им практика нужна.

Зап. в г. Н. Салда от И. П. Медведева,
1902 г. р.

Это было в тринадцатом году в Шадринском районе. Братья были, очень черные, их и звали собольками. Один брат помер, я еще маленькая была. Вот привезли священника, стали уже отпевать. Батюшка только начал: «Благословен Господь бог наш...», а он как руками размахнет, покойник-то. Ой, господи, тут все как понеслись, окна перебили, кисели все пролили! А покойник сел, ногой из гроба как махнет да и встал. Тут он к окну подошел, все как побежали, вопят да из деревни все к пруду бегут. А он кричит: «Что вы боитесь, что случилось?» Куда там! Никто не отвечает, несутся. Вот так. Люди-то тогда темные были, не знали, что сон такой есть. А «покойник»-то этот долго еще жил.

Зап. в пос. Черноисточинске от М. П. Гусевой, 1906 г. р.

Ч
ЧѢВѢКЪ

Пришли муж с женой в гости. А она была страшная да рябая.

Гости заперешептывались.

Марфа и говорит: «Слышу, что про меня говорите, мне косточки перемываете. Вот когда красоту-то делили — я спала, а когда счастье делить начали — я проснулась».

Зап. в пос. Черноисточинске от З. Ф. Пестовой, 1898 г. р.

Шел солдат со службы, видит королевство, а в нем никого нет. Спрашивает у короля: «Где же люди, ваше величество?» Король отвечает: «В моем королевстве появились черти, и люди ушли. Если ты выгонишь чертей, отдам за тебя одну из своих дочерей, какую захочешь». Согласился солдат. Через три дня выгнал он всех чертей из королевства. Вернулись люди и стали благодарить его, а король вывел трех своих дочерей, золотую, серебряную и медную, и сказал: «Выбирай, солдат, жену себе!» Солдат подумал-подумал и женился на медной. Почему? Ответ: золото всем нужно, все за ним охотятся, серебро тоже, а медную никто не отберет.

Зап. в г. Полевском от Т. Д. Макушенко.

Спросили у Ивана Васильевича:

— Почему у вас Тура такая мутная?

— Дурачков пермяков много было. Везли пшено, просыпали и всю Туру замутили.

Зап. в д. Лебедево Верхотурского р-на от И. В. Лебедева, 1897 г. р.

Раз в бане моюсь, а смерть-то пришла. Испугался я и с полка-то вниз головой. Да веник взял и листом вверх-то и поднял. Она наклонилась, видит веник да и говорит: «Ох, уж из него березняк растет, давно уж помер». И вычеркнула меня из списков-то.

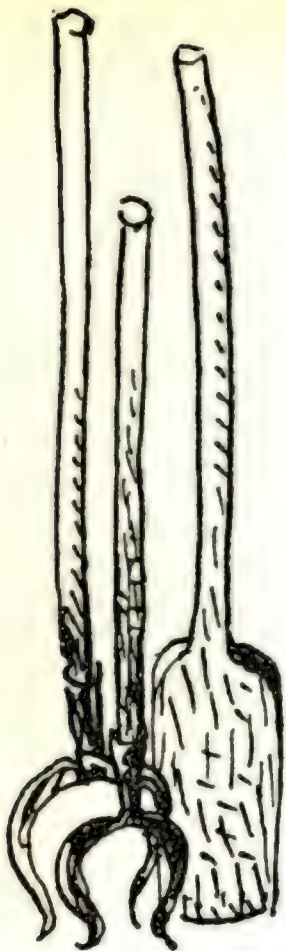
Зап. в д. Кедровке Кушвинского р-на от Н. С. Железнова.

Мой муж Иван Иванович поехал на базар купить для дома новый самовар. Не успел положить самовар в мешок, подошел дружок: «С покупочкой. Надо бы самовар обмыть, иначе не будет варить». А Иван: «Обмыть так обмыть». Пили за крышку, за кувшин, за кран, за что пили дальше, не помнит мой Иван. А я дома ждала его с нетерпением. Так уж хотелось попить чайку с вареньем. А мой Иван до того дообмывался, что без копейки остался. И главное, приполз домой с базара без денег и без самовара.

Зап. в г. Н. Салда от Т. И. Борониной.

Однажды племянник украл овечку у дяди. Ходит и говорит: «Шубка-шубец из дядиных овец!» Дядя услышал и говорит племяннику, чтобы спел он при постороннем человеке, при свидетеле, значит. Племянник и спел: «У дядюшки племянничек неглупый человек!»

Зап. в пос. Ст. Утка от Ф. Т. Рыбина.

Когда мы с женой венцом венчались в церкви, поп вокруг наложничих ходил да наговаривал: «Любите друг друга вечно!..» А сам мне в ухо шепчет: «Имей сметку, не забывай соседку».

Зап. в г. Н. Салда от И. П. Замураева, 1890 г. р.

Деревня Подгорная раньше называлась Подтитечной, до первой мировой войны. А во время войны один солдатик из этой деревни был ранен и попал в госпиталь. А госпиталь, говорят, посетила Александра Федоровна, ну, жена Романова. Подошла она к этому солдату, увидела на тумбочке конверт, спрашивает: «Солдатик, откуда у тебя письмо?» — «Из дому, из Подтитешной». — «Как из Подтитечной?» — разгневалась царица и приказала переименовать деревню. Назвали ее Подгорной.

Зап. в г. Красноуфимске от А. М. Галкина, 1901 г. р.

Был у нас в деревне парень один, Ванькой Короной прозвали. Жил он в работниках тут у одного. Хозяина-то у него Васькой звали. А раньше маку много сеяли, целые поля засеивали. Вот собрали они маку урожай, да и то не весь еще, и поставил Васька в посудине на стол да и вышел сам на двор. А Иван Корона как давай мак есть, ну и ополовинил. Приходит хозяин: «Ванька! Куда мак девался?» — «Не знаю, — говорит. — Уралко, наверное, съел». Это у них собаку так звали.

А сам говорит — заикается. С детства Корона заикой был. «Ну, проверим», — говорит хозяин. К Уралке в пасть заглянул — нет маку. К Ваньке подошел, рот заставил открыть. А во рту-то маковинки и остались. Так и узнали. Ну, и влетело же Ваньке! Да все одно, видно, жизни не научился. Вот как-то сели все чай пить. А Ванька-то не видел, как Васька сахар в стакан ложил. Попробовал — сладкий чай-то. И спрашивает: «Пошто у тебя чай сладкий без сахару?» — «Я, — говорит, — в магазине сахарных гвоздей купил — вот и пьем чай. А ты не знал разве?» Вот собрался как-то Ванька Корона с мужиками на пашню ехать. Пришел в магазин и говорит: «Свесьте мне два килограмма сахарных гвоздей». А продавец смекнул, в чем дело, да и спрашивает: «А каких тебе, больших или маленьких?» — «Больших», — говорит. Вот поехали они на пашню, а он дома и от сахару отказался, но гвозди взял с собой. Стали чай пить. Положил он в чай два-три гвоздочка и кипятит. Кипятил-кипятил, а чай все не сладкий. Рассердился. Выругался. «Обманули меня, — говорит, — в магазине. Не сахарных гвоздей-то дали».

Зап. в г. Н. Салда от П. П. Кунгурова,
1903 г. р.

А вот про себя я вам случай расскажу, когда мальчонкой был. Раньше в Великий пост — праздник такой церковный был — молосное есть не разрешали. Ну, а я маленький был. Терпел-терпел да и не вытерпел. Взял у матери сметану потихоньку и съел. Мать хватилась: «Кто сметану съел?!» А нас много в семье ребятишек было. Молчат все, никто не ел. И я молчу себе помаленечку. Ругала-ругала нас мать, а потом и говорит: «Не хотите говорить — не надо. Но кто съел сметану — умрет

завтра. Я и узнаю, кто врет из вас». Испугался я сильно. Всю ночь не спал, страдал. Встаю утром — не умер. Днем хожу, все жду, когда смерть придет. Но вот и не умер и до сих пор живу. Ну, а матери не сказал. Нет, так и не сказал. Подошел только вечером и говорю: «Мам, а мам! А ведь я не умер». Засмеялась она. А что сметану съел, так и не сказал.

Была у нас в деревне старушка одна кривая. Был у нее сын Ермилко. Вот пришла она как-то вечером с пашни. Устала. Оборки-то развязала, а обутки не сняла. Дошла до печи — в темноте-то на клюку и наступила. Та ее ручкой по лбу и стукнула. Испугалась старушка да к двери и бросилась, Ермилко там на дворе лошадь распрягал. Побежала, дверь открыла. А дверь-то когда захлопнулась, оборки-то на обутках и прижало. Совсем испугалась старушонка, кричит: «Караул, Ермилко! Кто-то меня по лбу хлестнул и за ноги держит». Прибегает Ермилко: «Ты что кричишь?» — «В избе кто-то есть, гнались за мной», — отвечает. Посмотрели, а в избе-то пусто. Никого нет. Вот ведь какие люди-то были, теперь ведь не то.

Правда это было. Рассказ есть такой, так ведь как про нашу старушку кривую написан. Вот какие у нас в деревне случаи бывали.

Зап. в г. Н. Салда от П. П. Кунгурова,
1903 г. р.

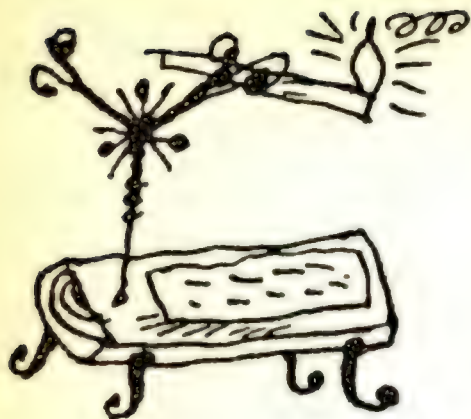

Про себя расскажу. Это в двадцатых годах было, когда свирепствовал голод и холод. Ляжу это я на пече, а зима была суровая, холодная. Жена и говорит: «Мужик, хоть бы ты съездил по дрова, а то замерзнешь на пече-то ведь». А у меня лошади не было, лошадь была у брата. Я и говорю: «На ком я поеду?» — «Сходи к брату, попроси». Прихожу к брату. «Брат». — «Что пришел?» —

«Дай мне лошади по дрова съездить». — «Ну, иди, бери». Вот я поймал лошадь, привожу домой, кричу: «Но, баба, айда, поехали!» А она и говорит: «А где у ты сани-то?» — «Тьфу, забыл!» Пошел вторично. «Брат, дай мне саниней!» — «А что сразу-то не запрег?» — «Забыл». Поругал он меня. А я сани на себе притащил. Жена и говорит: «Ну, так давай, запрягай». Я ходил-ходил — ни хомута, ни дуги. Опять забыл. Тьфу, думаю. А у лошади хвост долгий был, я сейчас круг головки санией хвост привязал, кричу жене: «Ну, поехали!» Ну, она выходит, сяди на сани. Приехали в лес, наломали хворосту. Воз подходящий наложили. Сяди оба на лошадь. Ей, конечно, больно. Я взял сук, суком припугнул. Онахватила — и хвост выдернула. Привожу коня к брату и говорю: «Брат, я у лошади хвост выдернул». — «Как так?!» Объяснил ему.

«Ну, айда щас к судье». Идем мы к судье по дороге, а тут увидал нас друг моего брата. Отворил окно и кричит: «Эй, дружок, заходи на стакан чаю!» Зашли. Они уселись за стол, давай угощаться. А я думаю: засудит меня судья, дай я лучше голову себе расшибу. Залез на полати, брошусь, думаю, оттуда. А под полатям зыбка висела с ребенком. Я не долго думавши-то с полатей вниз головой полетел и как раз угадал в зыбку, где лежал ребенок, и, конечно, ребенка зашиб. Ну, оне выскочили, подхватили меня и вдвоем к судье повели. А надо было идти через Нейву, по мосту. А под мостом была дорога. По ей парень как раз вез отца в больницу. Мы как раз против него сверстались. Думаю, так и так меня они засудят, дай я с мосту кинусь, расшибусь — и все. Скочил с мосту и прямо в коробок к этому парню попал. А в коробке лежал больной. Я его и зашиб. Опять невзгода у

меня... Ну, они скрутили меня, в коробок привязали и айда к судье. Судья жил на частной квартире. Заходим в ограду. Я подобрал камешок и положил за пазуху. Зашли к судье-то, я ему и говорю: «Судить-то суди, а за пазуху посматривай». Он думал, видать, что деньги у меня там. Перво спрашивает моего брата: «Что скажешь?» — «Я давал брату лошадь, а он выдернул хвост у ней». — «Ну, и что хотите?» — «Что-нибудь присудить». — «Вот ты отдай кобылу брату, пускай держит, покуда хвост не вырастет. Вырастет — тогда уведешь обратно». — «Ну, где же хвост вырастет? Ладно, я на бесхвостой буду ездить». Ушел. А судья: «Следующий! Что скажете?» — «Вот оне шли по дороге, и я позвал дружка на стакан чаю. Сидим, распиваем. А этот дурак залез на полати, а под полатами висела зыбка, в зыбке лежал ребенок. Он с полатей пал прямо в зыбку и зашиб ребенка». — «Ну, и что же?» — «Дак чо-нибудь надо присудить». — «Вот отдай жену ему, и когда она родит от него, обратно возьмешь с новым ребенком». — «Нет, я жену не отдам». — «Ну, не отдашь — дело твое. Ну, а ты, парень, что скажешь?» — «Я вот тятю вез в больницу. Только выезжаю из-под моста — этот дурак с мосту улетел и прямо в коробок на тятю. И тятю зашиб». — «Ну, и что?» — «Присудить надо чо-нибудь». — «А вот давай иди на мост, а он пускай ложится в коробок и таким же образом станет выезжать, а ты скочи на него — поквитаетесь». — «Нет, я не согласен. Угадаю, да рядом с коробком-то, еще сам расшибусь. Отец-то был дряхлой. Так обойдусь».

Все разошлись. Судья и говорит: «А что у тебя за пазухой?» Я вытаскиваю камень из-за пазухи и говорю: «Вот, господин судья, если бы ты на ихну сторону присудил, я бы этим камнем тебя бы пришиб». Он еще дал мне денег на осьминку табаку и говорит: «Уматывай!»

Зап. в д. Мурзинке Пригородного р-на Свердловской обл. от Г. С. Попова, 1903 г.р.

**Запись фольклорных рассказов
осуществили преподаватели
и студенты УрГУ им. А. М. Горького**

Абакулова Л.
Аверьянова Л.
Адюшкин Е.
Аккуратова Т.
Алексеев А.
Альгина Н.
Амбурцева Л.
Апышева С.
Арутюнян С.
Ахаимова Э.
Ахременкова Н.
Бабко Е.
Бачуркина Н.
Баландина Т.
Балашова Л.
Батракова О.
Батырева А.
Безбородова Н.
Безуглова В.
Белоусова Г.
Белоусова О.
Белобородова Т.
Беляева С.
Березовская А.
Берк В.
Бирюков В. П.
Блажес В. В.
Бляхман Л.
Богатырева Л.
Богданова О.
Бодалева В.
Бокова Т.
Болдырев Н.
Бородай Л.
Бортник В.
Борчанинова Т.
Бочкарева Г.
Бриль Ю.
Бяков Л.
Вавилова Е.
Васильев И.
Вараксина В.
Вахрушева Т.
Веденко М.
Верещагин Н.
Власова Р.

Воробьев Б.
Ворошилова В.
Вяжев В.
Габайдулин В.
Глубоковская В.
Глызина Л.
Гончарова В.
Головач. Н.
Головина Е.
Гольцев В.
Гопфауф Н.
Горина И.
Горохова Т.
Горячева Т.
Грехова Т.
Григорьева Т.
Гринева Л.
Гриценко Л.
Гусельникова М.
Гущина О.
Дедюрина С.
Демина В.
Демина Л.
Денисова Т.
Динабург А.
Домрачева Л.
Дрябина Т.
Дулова Л.
Дунаев М.
Дунаева И.
Дягилева В.
Евсеева Л.
Ермакова Т.
Жернакова Г.
Жданова З.
Завьялова В.
Зайцева О.
Захарова Н.
Зубова Н.
Иванова Л.
Ильина И.
Иоффе Г.
Истоминна А.
Исупова Н.
Каган Л.
Калабанова Е.

Карандашова Н.
 Калашникова И.
 Каржавина О.
 Карпова Г.
 Кацук В.
 Качусов М.
 Килимник В.
 Кириенко А.
 Кириллова О.
 Кирсанов С.
 Климантова Г.
 Клименко В.
 Климова О.
 Козлова С.
 Козлов В.
 Колегова В.
 Колодеева В.
 Колотухина Н.
 Комарова Л.
 Комарова А.
 Кондрашина В.
 Конюхова Л.
 Корицкая С.
 Коротаев В.
 Костенко Р.
 Костик Е.
 Костман О.
 Котова Т.
 Кошелев О.
 Кочегаров В.
 Кощеева Т.
 Кравченко В.
 Кример Э.
 Кругляшова В. П.
 Кругляшов Л. Б.
 Ксенофонтова А.
 Кузелевич М.
 Кузин В.
 Кузнецова М.
 Кулаева Л.
 Куликова Л.
 Кунгурцев И.
 Лаптева Т.
 Лапшина Н.
 Левина Е.
 Легздина В.
 Ленкова Т.
 Леполовский А.
 Липец Л.
 Логинова Г.
 Лопатинская Л.
 Лошкарева Н.
 Люткова Т.
 Лямина Э.
 Макаренкова С.
 Мариенко В.
 Матушевская Л.

Мацукатова Р.
 Мельник В.
 Мехеева Н.
 Мирошниченко Л.
 Могилева Н.
 Молодцова Е.
 Мун К.
 Мурзина И.
 Мурыгина Н.
 Мухина В.
 Набросова Н.
 Наумова Г.
 Некрасова Л.
 Немова Н.
 Низола С.
 Никитина Т.
 Николаева И.
 Обухова Т.
 Огурцова Н.
 Омурзакова А.
 Орлова Т.
 Панкратова И.
 Панфилов Э.
 Пермьякова Л.
 Первушина Л.
 Пестерникова О.
 Плоткина Е.
 Плотникова И.
 Подлубнова Л.
 Подольских Ф.
 Показанов Ю.
 Полубоярских Н.
 Полухина В.
 Полякова Е.
 Полякова И.
 Полякова Т.
 Пономарева Н.
 Попова О.
 Портнова М.
 Прохорова И.
 Пшеничный А.
 Ракитская Н.
 Реутова М.
 Рагалина И.
 Романихина Н.
 Ромашкина И.
 Рут М. Э.
 Рычкова А.
 Сабирова Т.
 Савинцева В.
 Сазонова Н.
 Санникова Л.
 Сапегин А.
 Сапожникова И.
 Сбоева С.
 Светлова Н.
 Свинникова Л.

Свинкина Н. А.
Свиницкий В.
Свинцова Г.
Селаври И.
Сергеев Г.
Серенова А.
Сеселкина Л.
Синцов А.
Ситникова Л.
Скрипаченко Г.
Скрипова Н.
Сморкалов В.
Соколова Л.
Соломеина М.
Стадниченко В.
Степанова Т.
Сторожкова С.
Сукери В.
Суходолова О.
Татаринова Г.
Телешенко Л.
Тимохин Б.
Тимошек Л.
Тушева А.
Тюсова А.
Ушакова Ж.

Филимонова Г.
Хабарова О.
Фирсова В.
Харитонов В.
Хатунцев В.
Цыплятова Ю.
Чайко Т. Н.
Черезова А.
Черемисина В.
Черечукин Э.
Чернышева Е.
Чугунина А.
Чусова Н.
Шабанова Н.
Шабурова И.
Шаталова Н.
Шахова Г.
Шевкунова В.
Шик И. В.
Ширяева М.
Шубцева З.
Шуклин В.
Щербакова С.
Щербинина О.
Щипачева З.
Юшкова Т.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя	5
Урал в древних легендах	9
Легенды и предания об уральской древности, рассказанные нашими современниками	16
Про Ермака Тимофеевича	19
О сказителях из старинных уральских городов Чердыни и Соликамска	28
О начале сел, деревень, городов на горнозаводском Урале. Про горы, камни, скалы	33
О земельных богатствах Урала	95
О Демидовых и заводской работе. Борьба народа против угнетателей	138
О сплавной работе. О силачах. О смекалке, мастерстве, изобретательстве	192
О верхотурских церквях. Про монахов, попов, святых	238
О встречах с лесным, водяным, русалкой...	254
Притчи и небылицы	276

**П 71 Предания и легенды Урала: Фольклорные рассказы/
Сост., вступ. ст. и коммент. В. П. Кругляшовой.—
Свердловск: Сред-Урал. кн. изд-во, 1991.— 288 с.: ил.
ISBN 5—7529—0295—9**

В пер.: 2 р. 50 к. 50 000 экз.

Передававшиеся из поколения в поколение сказания о прошлом нашего края разнообразны по содержанию, затрагивают многие стороны и явления жизни. В притчах, былицах оживают фантастические представления наших предков о мире.

Иллюстрации Г. Метелева.

Оформление В. Реутова.

Книга предназначена широкому кругу читателей.

П 4702010105-041 49-91
М158 (03)-91

ББК 82.3Р

ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ УРАЛА

Составитель Кругляшова Вера Петровна

Редактор Е. В. Черняк

Художники Г. С. Метелев, В. И. Реутов

Художественный редактор М. М. Кошелева

Технический редактор Н. Н. Заузолкова

Корректор М. Ф. Худякова

ИБ № 2093

Сдано в набор 20.09.90. Подписано в печать 17.05.91. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типогр. № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр-отт. 15,7. Уч.-изд. л. 12,2. Тираж 50 000.
Заказ 327. Цена 2 р. 50 к.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск,
ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1991

Popelishetwapeas